

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2005

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: mspskniga@co.ru
http: //www.msps.ru

*Журнал зарегистрирован в министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.*

Редакционный совет:

*А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
М. Мертес (ФРГ)
Б.Н. Миронов
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
А.М. Салмин
Ю.П. Сенокосов
Л.П. Скопцов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)*

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Заместитель главного редактора *Ю.А. Гиренко*

Ответственный секретарь *А.А. Захаров*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Редактор: *Людмила Бусуек*

Верстка: *Ольга Козак*

Фото: *Олег Начинкин*

*Издание осуществлено при поддержке
Агентства Международного Развития США (USAID).*

Содержание

№ 1 (32) 2005

К читателю 5

Семинар

Проблема самоцензуры 7
Даниил Дондурей

Дискуссия 15

Заметки с семинара 23
Юрий Гиренко

Тема номера

Три реформы 25
Владимир Рыжков

О человеческом капитале 33
Дмитрий Сухиненко

XXI век: вызовы и угрозы

СНГ-2: Непризнанные государства на постсоветском пространстве 36
Сергей Маркедонов

Национальные меньшинства, рынок и демократия 43
Эми Чуэ

Государство и частные интересы в глобальном мире 52
Клод Гоасген

Концепция

Выбор для России: национальная модернизация 59
Доклад "Столытинского центра"

Дискуссия

Почему президент делает это... 66
Сергей Мошкин

Свобода слова и корпоративная этика 70
Александр Архангельский

Взаимодействие СМИ и правительства в Великобритании 76
Сэр Бернард Ингам

Наш анонс

Австрийский Ренессанс 83
Уильям Джонстон

Новая русская революция
Юрий Гиренко 85

Новые практики и институты

Неправительственные правозащитные организации
Сергей Сергеев 88

Личный опыт

Андрей Раев: почему люди ходят в школу? 95

Идеи и понятия

Национализм
Ирина Бусыгина, Андрей Захаров 98

Горизонты понимания

Дороги российской демократии
Андрей Ильницкий 104

Гражданское общество – это бренд
Владимир Мужаровский 106

Книги

История ГУЛАГа
Александр Согомонов 109

Региональное книжное обозрение
Елена Корн,
Егор Чижов 111

Контрапункт
Александр Архангельский 115

Nota bene

Нация и соседство
Александр Согомонов 119

В оформлении номера использованы работы художников из Великобритании, Испании, Мексики, США, Чехии.

К читателю

Известно, что с появлением государства власть всегда стремилась к могуществу, понимая его прежде всего в терминах военного и экономического господства. То есть, другими словами, ей всегда была присуща, независимо от формы правления, склонность к авторитаризму, тогда как право стремилось решать идеальные цели.

Именно из этого противоречия во второй половине XX века после революций и двух мировых войн с их беспрецедентным насилием и нетерпимостью возникло, по выражению итальянского юриста Микеле де Сальвиа (в настоящее время главного юрисконсульта Европейского суда), мощное *универсальное правосознание*, которое сначала в рамках Организации Объединенных Наций, а затем на европейском уровне, в рамках Совета Европы стало «отправным моментом для исследований природы права как регулирующего элемента современных демократических обществ»*. В результате этих исследований концепции права, определявшегося ранее властными нормативными полномочиями государства, была противопоставлена другая концепция, подчиняющая их одному императиву: созданию международного правового порядка на основе уважения достоинства человеческой личности. Правовым государством, подчеркивает в этой связи Микеле де Сальвиа, можно считать только такое *«государственное устройство, чьи основополагающие нормы и законы основаны на определенных ценностях, для защиты которых созданы эффективные юридические национальные и международные инструменты*. Таким образом, внезапно

Ю.П. Сенокосов,
главный редактор
журнала «Общая тетрадь»

* Микеле де Сальвиа. *Европейская конвенция по правам человека. Пер. с итал. И.В. Соболевой.* – СПб.: Изд-во Р.Асламова «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 21.

возникла международная мораль. Речь идет именно *о морали прав человека и основных свобод**. Поскольку было признано, что личность является не только объектом правовых норм, но и субъектом их развития, то есть высшей ценностью и одновременно носителем ценностей.

Все это нашло после Второй мировой войны свое выражение в таких основополагающих международных документах, как Всеобщая декларация прав человека ООН, Устав Совета Европы, а также в Европейской конвенции по правам человека, в которой подчеркивается «общее наследие политических традиций идеалов свободы и верховенства права» государств — участников Совета Европы. На основе этого наследия (включая правовые нормы названной Конвенции) и появилось современное европейское право с его судебной системой, опирающейся на Европейский суд по правам человека, благодаря которому некогда провозглашенные права и свободы перестали быть абстрактной декларацией, лишенной практического содержания.

Таким образом, если раньше, утверждая и отстаивая свою независимость, каждое государство считало *себя* компетентным во всем, что подпадало под его юрисдикцию (и эта компетентность была изолирована от любых влияний извне), то теперь ситуация изменилась: принцип суверенитета и верховенства государства потерял свое прежнее значение. Развивавшееся на европейском континенте международное сотрудничество сформировало этическое пространство, в котором личность вышла на наднациональную юридическую сцену, где ее достоинство «во всех его аспектах... находится под защитой»**. И это распространяется на Россию — после присоединения ее правовой системы к общей системе судебного контроля, осуществляемого Европейским судом, позволяющим сравнивать право и правоприменительную практику, в том числе и России, с параметрами европейской юриспруденции.

Дорогие читатели!

Приносим вам свои извинения

*за задержку выхода этого номера журнала,
связанную с объективными обстоятельствами.*

Редакция журнала

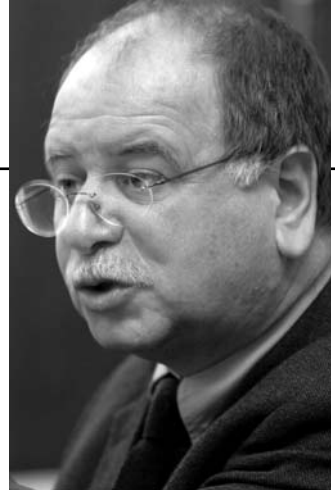
* Микеле де Сальвиа. *Европейская конвенция по правам человека*. — С. 22.

** Там же.

Проблема самоцензуры*

Мне всегда была интересна тема стереотипов телевизионщиков и их невидимой самоцензуры. Эта проблемная область тем более интересна, что телевидение в широком смысле практически выведено из сферы профессионального анализа. Что меня очень удивляет — ведь оно является одним из самых важных институтов современного общества, участвует в формировании и управлении всеми значимыми процессами, от социальных до моральных. Никто не занимается серьезным анализом медиа, кроме нескольких замечательных девушек, работающих в больших газетах и публикующих скорее свои личные журналистские впечатления по поводу, скажем, исчезновения с экранов Шустера, перехода Парфенова на работу в «Русский Ньюзуик» или успеха очередной «Фабрики звезд — 5». Телевидение необходимо рассматривать в связи с разными жизненными средами. Например, его влияние на развитие экономики, на состояние национальной безопасности или на переход к «обществу знаний». Все понимают, что к тридцатому году двадцать первого века наиболее значимым для нашей страны будет не наличие нефти и газа, а качество инновационных, креативных продуктов, виртуальных услуг... Это только одно из направлений, которое необходимо рассматривать уже сегодня.

Телевидение — это основной «силовик», один из главных инструментов управления современным обществом. При этом экономику изучают в сотнях вузах, десятках центров, в каждом уважающем себя банке есть занимающиеся этим аналитики. Но мы ничего не знаем реально о телевидении! Как оно устроено, как функционирует? Как здесь создается контент и как он воспринимается разными сообществами? Каково воздействие программ, ток-шоу, кино, гигантского количества криминальных выпусков и так далее? Что такое рейтинг? Что такое телевизионная режиссура? Есть ли здесь цензура редакторов? Заказ? Что это за мистификации, которыми пользуются топ-менеджеры каналов, утверждая, что предложение следует за спросом? Ведь они современные люди и прекрасно понимают, что такое эко-

*Даниил Дондурей,
главный редактор журнала
«Искусство кино»*

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно. 18 декабря 2004 года.

номика виртуальных продуктов. Что предположение давно определяет спрос. Почему в одних ситуациях мы используем понятие «пропаганда», а в других негласно отказываемся от него?

Я с большим трудом ищу специалистов, которые могли бы анализировать, например, проблемы современных ток-шоу, или формирования сетки вещания, или инсценированного документального кино на ТВ — ведь оно давно уже не документальное, а придуманное, отрежиссированное, постановочное.

Почему нет заказчиков на профессиональный анализ СМИ, на медиакритику, на медиамышление? Почему здесь нет статистики, нет социологических исследований? На основании чего топ-менеджеры каналов берутся утверждать: «Мы отражаем жизнь»? В этой сфере бытуют устаревшие представления, в первую очередь, о функциях телевидения. Как правило, во время любых профессиональных дискуссий их называют три: информация; просвещение, которого очень мало; и развлечение, которого очень много. Но телевидение ведь не исчерпывается этим! Самое важное, на мой взгляд, то, что оно формирует представление о реальности миллионов людей! Да собственно, подавляющего большинства. По данным социологов, каждый человек сегодня проводит примерно до четырех часов в день у телевизора. У нас 140 миллионов из 145 имеют к нему доступ — то есть в семье, домохозяйстве есть телевизор. Это гигантский резервуар времени, усилий, внимания и денег. В 2004 году рекламные бюджеты ТВ преодолели планку в два миллиарда долларов — это уже серьезные деньги. По некоторым подсчетам, через два-три года рекламный бюджет только на телевидении достигнет 3,5–4 миллиардов долларов.

Это гигантская, быстро развивающаяся индустрия, во многом определившая суть, многие достижения и поражения революции девяностых годов в России. Конечно, телевидение — это не только информация, это «картины мира», системы ценностей и представлений миллионов людей,

это совмещение первой и второй реальностей — эмпирической и придуманной авторами. Благодаря определенным интеллектуальным и эмоциональным технологиям люди через механизм идентификации переводятся в эту вторую реальность и пребывают там — в сериале, в спектакле, в фильме.

Именно телевидение совмещает обе реальности. Сегодня для многих если события не было в «ящике» — его не было и в реальности.

Приведу простой и показательный пример — историю с подлодкой «Курск». Мы все шесть суток переживали каждую секунду этой трагедии (как и трагедии «Норд-Оста» и трагедии в Беслане). Переживали шесть суток — потому что там все время были телекамеры. На подлодке «Курск» погибли 114 человек. Через месяц был сбит вертолет в Ханкале, где погибли 118 человек, тоже почти все офицеры. Сходная с «Курском» ситуация, но мы так ее не переживали потому, что в Ханкале не было телекамер. Страна, можно сказать, не заметила этой трагедии! Нет камер, нет картинки — нет события.

Это касается и ценностной системы, и эмоционального мира, и этических переживаний, поведенческих моделей — всего того, что ученые называют культурными матрицами. Они печатаются каждым нашим действием каждую минуту.

В прошлом году игровые фильмы, сериалы, документальное кино и мультики составляли на федеральных каналах в основных сетях 56 процентов всего эфира, включая круглосуточный (исследование ведется по десяти основным телекомпаниям нашей страны). И все это продукция, придуманная сценаристами. Происходит помещение человека в эту, уже третью, реальность, в которой вымысел неотделим от реальных событий.

Мне кажется неправильным, неперспективным и даже опасным следующее заблуждение: телевизионщики только отражают реальность, а не активно участвуют в ее формировании. Второе заблуждение: будто

Лихтенштейн. Женщина с зеркалом. 1996

наши авторы существуют исключительно в условиях цензурных ограничений: Кремля, ретивых губернаторов, бизнеса, разного рода кланов и т.п.

Вот с этим я хотел бы поспорить. Мне кажется, что если бы мы делали контент-анализ телесюжетов, который сейчас никем не проводится, то многое бы поняли. Повестка дня, к примеру, в современном обществе тотально формируется: и через формулы умолчания, и через формулы сообщения, и через формулы интерпретации. Вне интерпретации сообщение вообще, на мой взгляд, не существует.

Я был позавчера на заседании правительства, посвященном проблемам определения стратегических направлений развития культуры до 2010 года. А потом увидел, как СМИ подали это обсуждение. Казалось бы — выступил министр культуры, ну так дайте слово и двум-трем его оппонентам, пусть они сообщат о своих исследованиях, представят свои предложения. Ничего этого не было. Я не ви-

дел разночтений в новостных выпусках — только в аналитических программах, количество которых, как вы знаете, уменьшается, а уровень недоверия к ним у людей растет.

Нет объективной, разнообразной подачи различных точек зрения, подходов, взглядов одного и того же интеллектуального уровня.

Попробуйте провести самостоятельный домашний контент-анализ: придя сегодня домой, включите телевизор, возьмите листочек бумажки, разделите его на три колонки: Россия как «умирающая депрессивная страна», «как-то существующая» и «развивающаяся». И помечайте, в какую колонку вы отнесете каждое сообщение выпуска новостей. Мне кажется, что транслируемая телевизором картина не будет соответствовать реальности. Потому что у всех у нас есть мощный, воспитанный десятилетиями словесный, цеховой, чрезвычайно морально значимый для нас запрет на позитивную информацию. Говорить о достижениях нам

стыдно, нам неудобно — ведь это пропаганда, гадость, это советская власть, социализм! Не будешь же рассказывать о том, что во всех компьютерных конкурсах русские школьники постоянно выигрывают, что наши ученые получают приглашение стать пожизненными профессорами по математике во всех университетах США, что количество студентов вузов у нас одно из самых больших в Европе. Это все как бы отдельно, а вот страна наша — она, конечно же, несчастная и погибающая. Но не было никаких специальных предписаний стыдиться своей страны или воспринимать ее столь катастрофически.

Национальные, культурные нормы задаются только элитами! В бизнесе — четырьмя процентами населения, а в культуре — сообществом менее одного процента, теми, кто пишет все сценарии жизни.

Наши либералы с 1991 года не научились отвечать, в частности, на простые, но очень важные для народа вопросы: справедливой ли была приватизация, какие были другие ее варианты или как оценить распад СССР?

Таким образом, это мы задаем повестку дня на телевидении — через ток-шоу, через выбор авторов, тем, верстку программ, целый ряд важнейших чисто профессиональных вещей.

Что такое мы проектируем? Вы думаете, Сурков позвонил пятидесяти топ-менеджерам каналов, генеральным директорам и попросил их сделать 70 криминальных выпусков в неделю? Думаете, ему сейчас, после событий на Украине, не хватает именно того, чтобы в передаче «Чистосердечное признание» или «Частный детектив» Эдик Петров учил страну, как нужно бабушек молотками забивать, когда они идут в свою сберкассу?

Какая политическая цензура? Куда более действенна ценностная цензура. Политическая рядом с ценностной — просто ничто.

Итак, это мы, авторы, программируем и даже проектируем жизнь. Криминальные передачи идут каждую неделю — на первом канале, на втором, НТВ вообще преврати-

лось в смысловую помойку. На нашем ТВ могут идти взаимоисключающие сюжеты: сначала, к примеру, «Дети Арбата», а вечером этого же дня нам рассказывают о том, что министр НКВД Абакумов — жертва сталинского режима и его надо пожалеть.

Кто мог представить себе, что у нас за год выйдет семнадцать телевизионных документальных фильмов и передач о Сталине, в которых нам рассказывают, что с семьей у него было плохо, девочку он в ссылке совратил, еще у него были какие-то проблемы с матерью и все дети — шалопуты.

Зачем это все? Все прекрасно знают, что, согласно исследованиям, проведенным в марте 2003 года российскими социологическими службами, от 53 до 57 процентов населения нашей страны положительно оценивает роль Сталина в истории нашей родины.

Это с каким же тогда гражданском обществом президент Путин собирается строить развитый рынок? Какую такую Общественную палату из назначенных деятелей? Как это делать, если люди не чувствуют себя гражданами? Ведь для этого должна быть проведена гигантская специальная мифостроительная работа, которой американцы, французы, немцы, да кто угодно занимаются десятилетиями. Им это не стыдно. А нам — стыдно. А вот воровать — нет. Вы слышали, чтобы какой-то работодатель говорил: «Ты извини меня, что зарплата из двух конвертов, — приходится так поступать, чтобы тебе дать денег побольше, да нам подзаработать и купить, наконец, лондонскую квартиру. Приходится вот так фиктивно отчитываться, но мы, конечно, переживаем по поводу бедности народа».

Поэтому, я думаю, вся экономическая статистика в нашей стране фальшивая. Что здесь реально происходит, мы не знаем. Вы видели циклы передач по телевидению про теневую плутовскую экономику, в широком смысле не криминальную? Про такую серенькую, почти белую, творчески оформленную, чудесную, разнообразную,

эффективную, во многих случаях отличную от западной, очень креативную. Бухгалтер у нас больший художник, чем народный артист. Это тоже очень важный момент, связанный с тем, что я называю культурной матрицей.

Я хочу вернуться к понятию «проектирование».

Да, у нас действует внутренняя цензура на объективную информацию, мы не знаем реальных процессов, идущих в стране, — например,

в сфере потребления, например, сколько тысяч дач, коттеджей или вилл строится в Подмоскowie, сколько пиломатериалов, мебели, одежды завозится в Россию. Где наш нищий народ нашел в прошлом году 31 миллиард долларов на покупку и содержание личных автомашин? Мы не знаем, как устроена эта жизнь, — ее нет в телевизоре.

По данным опросов ноября 2003 года (а я думаю, что с тех пор эти настроения только окрепли), от 70 до 74 процентов населения нашей страны не хотят, чтобы заводы и фабрики принадлежали частным лицам. Хотят, чтобы они управлялись государством. 77 процентов хотят пересмотра результатов приватизации. При этом 80 процентов всех работающих сегодня служат у частных. И ведь по статистическим данным средняя зарплата в России подошла сейчас к 230 долларам. Этого не было ни при советской власти, ни долгое время потом.

Но есть матрицы, модели, раскрученные колоссальной идеологической работой, и мы все принимаем в ней участие. Взять, например, культ успеха в наших фильмах или сериалах. Снято 140 названий за последние три года; это, наверное, около 1700 эпизодов. Тысяча семьсот! Вы видели, чтобы там кто-нибудь работал? Что-нибудь делал? Ну, понятно, в русских сказках ничего не делают. Но сегодня, при капитализме! Больше 20 выпусков криминальных новостей, которые идут каждую неделю на больших каналах; причем такие как

«Дежурная часть», «Чрезвычайное происшествие» выходят по нескольку раз в сутки. Всего — 70 выпусков в неделю.

Такое телевидение дает неправильные ориентиры для миллионов людей, превратную картину действительности, при-

И мы талантливо сохраняем феодалные механизмы, модели поведения, принятия всех решений

водит к тотальному недоверию всех ко всем, к всепроникающей депрессии.

Это что же вы думаете — звонят из Кремля и просят поддержать этими криминальными новостями игру с ЮКОСом? Или сериалами, в которых никто не работает? Творчества нет вообще нигде, нет таких сюжетов. Ну ладно, герои не работают и не хотят работать — были бы хотя бы отдельные сумасшедшие, которые занимались бы креативом. Российские эмигранты переезжают в Лос-Анджелес, в эту Силиконовую долину, и тут же начинают делать потрясающую карьеру. У нас нет таких сюжетов.

Ну ладно, нет сюжетов про креатив. А вот такой сюжет: на прошлой неделе умер человек, которым гордилась английская королева, она наградила его орденом, который равен статусу рыцаря, — есть такая специальная процедура для иностранцев. Его фамилия Телятников, он герой Чернобыля, пожарник, руководил «ликвидаторами» во время трагедии на Чернобыльской АЭС. Это национальный герой России. Много сюжетов о нем вы видели? Да мы и про Гагарина не видим ничего!

Так мы смотрим на жизнь, так ее понимаем, так относимся друг к другу — это мы! Вы скажете, что во всех невзгодах России, конечно, виновата власть. Так многие говорят, но часть этой ответственности на нас, она связана с тем, кого мы приглашаем на передачи, о ком мы пишем статьи, как анализируем происходящее, где мы поднимаем голос, где молчим... То есть связана с контентом.

Телевидение — это, безусловно, фабрика смыслов. Фабрика, которая постоянно, каждую минуту определенным образом наполняет эти 140 миллионы голов, имеющих доступ к «ящику». И когда нет полноценного профессионального анализа, это можно делать произвольно, прикрываясь тем, что народ якобы хочет именно такого содержания.

Путина спросила какая-то бабушка (когда он общался с народом из нескольких регионов страны): «Почему же у нас столько насилия на экране?». И что он ей отвечает? То же самое, что и все мы: «Насилие? Так вы же сами этого хотите! Вы же сами рейтингом это поддерживаете. У нас, по крайней мере, в этой сфере нет цензуры». Он так думает. И мы тоже, следуя неким придуманным обязательствам.

Позавчера в правительстве я наблюдал, как федеральные министры с возбуждением говорили глупости о культуре. А наутро все газеты поместили их на первые полосы. И никому не было стыдно за подобный уровень анализа и понимания.

В прениях я пытался сказать, что в жизни не видел какого-либо заявления о влиянии психологии, культурных матриц, телевидения на развитие экономики страны. Хотя влияние есть — прямое и сильнейшее. Ведь что такое, к примеру, июльский банковский кризис? Это просто маленькое чувство недоверия, которое охватило страну всего на две недели и обошлось казне в сорок пять миллиардов рублей.

Зарабатывать на деструкции легче, чем проектировать новые жизнеспособные системы.

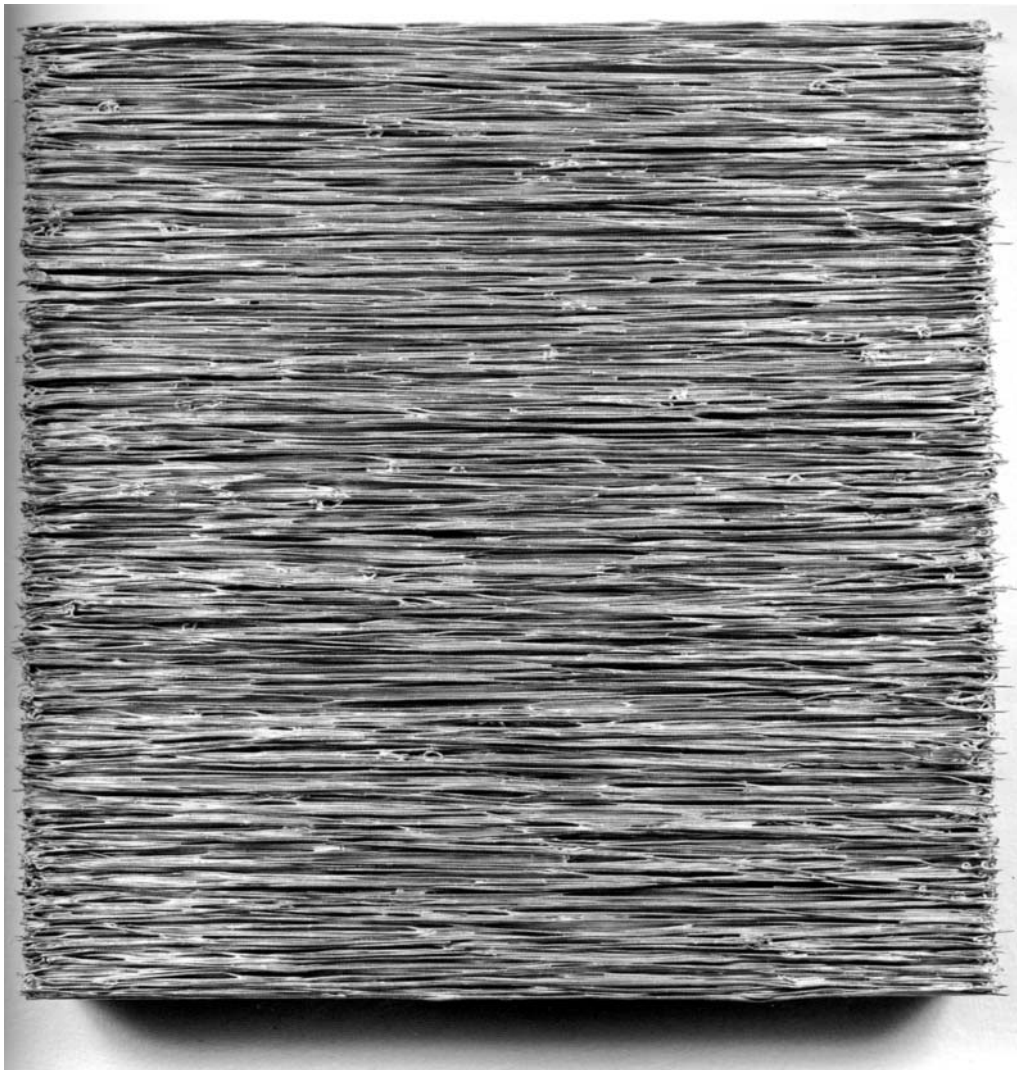
Конечно же, в своей узкой профессиональной деятельности мы занимаемся проектированием, но не в сфере производства, распространения и потребления виртуальных смыслов. Это кажется неприличным. Мы оказались околдованы понятием «рейтинг». Что такое рейтинг? Почему вы отдали это понятие на откуп рекламодателям, которые воспринимают любую телепередачу как помеху — от одной рекламной паузы до другой.

Сейчас скажу самую важную фразу сегодняшнего своего сообщения: гражданское общество призвано отнять у телевизионщиков право заниматься интерпретацией самих себя! Вот это очень серьезная задача, в значительной мере определяющая развитие страны.

Приведу такое соображение. Вне анализа, вне критики искусство как особая сфера деятельности не существует. Оно появляется только тогда, когда есть эта социокультурная дистанция. Когда есть рубрицирование — определение того, что значимо, а что нет; когда есть вписывание в большой формат истории. У нас есть развитое киноведение, музыковедение, искусствознание, театроведение; есть сотни институтов, которые готовят филологов. Но вообще нет телеаналитиков.

Почему это происходит? Мне кажется, во многом потому, что у нас, и не только в элите, сохраняются рудименты феодального сознания. Какие? Это, конечно же, двойное сознание, двойной язык. Россия — семиотически очень сложная страна. Может быть, благодаря этому здесь и созданы великие произведения художественной культуры. У нас трехлетний ребенок знает, что говорить нужно одно, думать другое, а делать третье. Такое ни одному иностранцу не снилось. Семиотическая сложность — одно из колоссальных завоеваний российской культуры. Но, кроме прочего, оно приводит к тому, что целый ряд феодальных принципов устройства жизни консервируется. В частности, негативное отношение к власти (лилоблюдство — его обратная сторона). Не партнерское, а негативное, всегда враждебное. Формируются разного рода кланы, связи... Мы оцениваем многое в жизни не по эффективности, а по принципу «свои — чужие». Это же ранний феодализм, отношения кровников: свои и чужие. Отсюда у нас блат, невероятная терпимость к воровству.

И мы талантливо сохраняем эти феодальные механизмы, модели поведения, принятия всех решений. И никогда не продвигаемся, если не будем обсуждать проблемы собственных стереотипов, связанных в том

Дональд Маффетт. Лот 022302. 2002

числе и с универсальным воздействием телевидения.

Еще один важный аспект этой проблемы: одни считают, что телевидение принадлежит владельцам, другие — что телеведущим, звездам экрана, то есть самим телевизионщикам. Вы же помните, как страна страдала из-за ухода с экрана Леонида Парфенова. По результатам исследования Киры Богуславской, аналитика со второго канала, 70 процентов людей, которые остаются в личностных матрицах каждого зрителя страны в качестве героев, — это люди телевидения. Хотя, я думаю, на первом месте все-таки

бандиты, на втором — телевизионщики, а уже на третьем — высшая политическая власть.

Итак, телевидение — оно чье? Есть акционеры, есть владельцы, есть работающие на каналах люди, есть звезды, есть государство. Но никем и никогда эфир не рассматривается как общественное благо. Ведь тогда оно не принадлежит ни государству, ни телевизионщикам, ни владельцам компаний, ни даже телезрителям. Потому что одни зрители (как министры Шойгу, Гордеев и Иванов) ненавидят «Аншлаг», а другие (как Грэф) ненавидят футбол. Задача и нацио-

нальной культуры, и телевизионной политики, если бы таковая у нас была, — защищать в том числе меньшинство от большинства.

Или заниматься мощными национальными проектами. Например, американцы благодаря именно кино и телевидению за сорок лет решили тяжелейшую проблему расовой сегрегации.

Мы начинаем заниматься вопросами терпимости к ВИЧ-инфицированным — это серьезный, мощнейший национальный проект. Можно даже назвать это гадким, отвратительным для интеллигентского уха словом «пропаганда». Хотя это всего лишь проблема термина.

Телевидение как общественное благо — сложнейшее понятие. Если бы общество дискутировало этот вопрос, то, конечно, мы бы иначе переживали многие проблемы, связанные с частными компаниями девяносто шестого — девяносто девятых годов. Гусинский, Березовский... Многие проблемы иначе бы воспринимались, иначе интерпретировались: что такое цензура, что такое политическая власть, экономическая или власть интеллигенции.

В завершение я хотел бы вернуться к проблеме наших профессиональных, цеховых стереотипов. Почему мы так всенародно терпимо относимся к вещам, связанным с насилием, просто обожаем их. Потому что люди, естественно, боятся смерти, и вот на этот суперархетип накладываются различные истории, придумываются различные ходы — они, безусловно, удобны для экранизации, для смакования деталей, для использования этого самого механизма идентификации. Так легче. И для каждого телевизионщика в конечном счете абсолютной победой в «чемпионате мира по телевидению» будет «убийство в прямом эфире». Это — суперэкслюзив! Что касается реалити-шоу — весь мир сейчас сидит на этой игле, но у нас ведь все иначе. Они там через подобные форматы занимаются развитием собственных стран — ментальности, ценностных и нормативных систем, трансформа-

цией чувства социальной ответственности или будущего.

У нас же, по октябрьским исследованиям этого года, только два процента населения страны планировали жизнь больше, чем на два года. Сорок восемь — больше, чем на год, остальные вообще не планировали свою жизнь. Что это за общество? О каком удвоении ВВП, о каком экономическом развитии можно говорить? О каком гражданском обществе? Система без героев, общепризнанных ценностей, без представлений о будущем!

Я пессимистически настроен, поскольку не вижу заказчика на эффективную модернизацию России. Власть не понимает, что без серьезной работы с мировоззренческими системами общества никакую экономику не поднять.

Не вижу заказчика. Интеллигенция у нас вся левацкая (хотя продается олигархам-работодателям за пять минут) и как бы европейская. Вот про кино у нас все говорят: «Давайте сделаем как во Франции!» Но там не было социалистических революций. И феодализм был пораньше, и он был другим, и геноцид был другим и так далее. С чего это вы решили, что у нас здесь должно быть как в Европе? Для этого нужен огромный исторический процесс адаптации. Ценности — как будто бы у нас уже 2030 год, как будто мы не пережили колоссальную национальную катастрофу — при отсутствии моделей развития страны, при невероятных ошибках либералов. Гайдар с Чубайсом думали, что достаточно что-то поменять внутри экономической машины и все заработает. Они очень многое поменяли — мы им очень благодарны. И многое заработало. Но машина обновления — ржавая в головах. И они никогда не ставили задачи заниматься вот этой ржавчиной в головах, просто никогда, ни в какой момент. И до сих пор никто не ставит. Повторяю, я не вижу социального заказчика на модернизацию страны.

Дискуссия

Елена Немировская, основатель и директор Московской школы политических исследований:

Я помню конец семьдесят восьмого или семьдесят девятого года, библиотеку имени Ленина... Появляется худенький молодой человек в нашей организации, которая пишет... Что мы писали? Мы писали обзоры по культуре, искусству. Три раза в неделю мы встречались. Было такое время... и потом жизнь, что называется, нас развела. А потом я встретила Данила как главного редактора замечательного журнала. «Искусство кино» — замечательный журнал, который стоит читать тем, для кого чтение остается инструментом познания и размышления о мире.

Твое выступление — просто блистательно. Я и все мы, делающие Школу, всегда понимали, что нет элиты. Нет консолидированной элиты. Я, например, была уверена, что хотя бы у бизнеса прорежется голос. Голоса не было. И теперь я не понимаю, у какой части общества есть голос? Проблема элиты, ее ценностной ориентации — самая важная.

И в связи с этим я хочу спросить... Помнишь, мы здесь говорили о национальной идее? А что бы ты предложил в качестве модели модернизации?

Вот я предлагаю: переход от персонификации власти к ее институционализации, к обществу, в котором соблюдаются права человека. А что бы ты сказал?

Даниил Дондурей:

— Это чрезвычайной сложности вопрос, поскольку важно предлагать что-то не только с точки зрения идеального типа, не глядя на самих себя из некоего идеального будущего, а то, что может иметь укоренение в реальной жизни.

Ведь не случайно, например, у нас нет сильных либеральных партий. Не потому, что им не дают эфира на телевидении, хотя действительно не дают. Их нет потому, что, видимо, мы к этому совсем не готовы. И у нас нет каких-то скрытых согласительных процедур для того, чтобы в элите возникли определенные и эффективные программы модернизации. Например, творческая интеллигенция крайне отрицательно отнеслась к реформам, мы это прекрасно знаем. Появляется какой-нибудь деятель культуры на телеэкране и говорит: «наше ужасное время», «эти страшные годы». С чего это оно ужасное? Осуществить сложнейшую социальную революцию в России, да еще без крови! Но этот стереотип многими авторитетными людьми повторяется. В первую очередь таковы стереотипы у элиты, а, следовательно, затем и у всего населения: реформы не удалась, они были несправедливые, рынок и бизнес всегда аморальны и прочее.

Предположим, это так. Но что сейчас необходимо конкретно делать, чтобы эти треклятые удалась? Что значит — поступать морально?

Мы к выходу из феодализма совсем не готовы. Так же как ценностно, интеллектуально, морально, а значит и аналитически интеллигенция оказалась, на мой взгляд, не готова к освоению экономических реформ девяносто второго года. К гласности, к свободным словам — да, готова. А к тому, что начинается абсолютно другая жизнь, другие системы представлений и действий — нет.

Капитализм, рынок мы еще не построили, потому что его можно построить не на бирже, не на рынке ценных бумаг, его можно построить только в головах людей. Мы эту работу еще не начали, а только усложнили ситуацию.

Я не считаю, что существует какая-то особая русская идея, которая отличается от бельгийской идеи или от финской. Но есть национальная культура, которая базируется на языке, на аутентичности воспроизведения культурных матриц. Там, где есть национальная культура, есть и национальная идея. У нас, как я говорил, культура очень семиотически сложная. Здесь нужно уметь разгадывать псевдонимы. Сказал кто-то «национальная идея», а, может быть, имел в виду ловкую приватизацию или хотел сохранить СНГшное пространство, на Запад не пойти, а сказать тем самым, что у нас особая евразийская культура. Кстати, огромное количество людей вот так, собственно, и думает: Россия — не западная, не европейская цивилизация, но и не азиатская, а «своя», «особенная». Тут приходит партия «Родина» и рассказывает, какие мы особенные... Поэтому «национальная идея» — это какой-то тупиковый псевдоним для обозначения совсем иных феноменов и отсылка совсем к другим горизонтам.

Главное — в обществе не укореняются современные представления о современной жизни. Такие приоритеты, как «рассчитывать на собственные силы». Для того чтобы это укоренилось, требуется огромная идеологическая работа. Это же настоящая революция в русском сознании — рассчитывать на собственные силы. А то придут интеллигентные люди и скажут, что это нехорошо...

как-то не по-русски жить собственной, оторванной от общины жизнью. Нужно непременно пойти у соседки луковицу одолжить, по коммуналке ностальгировать, вместе шайбу во дворах гонять.

Вы помните «Песни о главном» на первом канале? Это для чего было актуализировано? Чтобы безостановочно удерживать социализм в головах, сохраняя колоссальную неопределенность и недостроенность. Модернизация идет сразу по многим направлениям, и никто не занимался их синхронизацией, не подумал, как соотнести одни процессы с другими.

Никто нашим сбитым с толку соотечественникам, которые сейчас занимаются созданием государственного капитализма, не объяснил, что госкапитализм очень неэффективен.

Национальное достояние «Газпром», с чем угодно его воссоединяйте, — все равно, как учит нас замечательный философ современности господин Черномырдин, в результате «получится все тот же автомат Калашникова».

Нельзя же ставить перед обществом взаимопогашающие цели, это невозможно. Но их ставят. Возникает цивилизация смысловой помойки. Это опаснее, чем застой эпохи Брежнева, чем девяносто третий год. Потому что в атмосфере мировоззренческого мусора может произойти все, что угодно, включая конфликты с многомиллионными жертвами. Когда человек сталкивается с тем, что его представление о жизни противоречит самой жизни, чем он пожертвует? Только жизнью. Предположим, обыватель покупает BMW, но считает, что он бедный (у него самоощущение такое), так вы ему подарите хоть все акции «Сибнефти», он будет себя считать обездоленным. И вести себя будет как бедный, и думать, и действовать соответствующим образом.

Здесь никаких реформ не происходит, на мой взгляд, с конца 1989–1990 годов. Пятнадцать лет в нашей стране не начинаются реформы социалистического мирознания.

Это должен понимать каждый человек, занимающийся интерпретацией реальности, то есть человек власти. Все вы, здесь присутствующие, — настоящая и очень большая власть. Поскольку, я считаю, власть в обществе знаний — это только интерпретация реальности; это право и возможность ее интерпретировать.

Александр Согомонов, академический директор Центра социологического образования, Институт социологии РАН:

– У меня такое ощущение, что на самом деле все сказано. Хочется продолжать беседу, но мне кажется, что эта беседа сначала должна быть наедине с самим собой. А потом можно будет ее выносить в какое-то пространство. Мне хочется, чтобы мы пережили те акценты и те ударения, которые были сделаны Даниилом Борисовичем. Если у кого-то есть комментарии, пожалуйста.

Руслан Караев, консультант пресс-службы правительства Чеченской Республики, г. Грозный:

– Огромное спасибо. Глядя из Грозного, я всегда думал, что на российском телевидении есть заказ — делать все то, что они сегодня делают. Благодаря вам я понял, что такого заказа нет. Мне стало легче...

Олеся Кармалинская, главный редактор газеты «Октябрьский вестник», республика Башкортостан:

– У меня родилась одна, возможно, тоже пессимистическая мысль насчет заказчиков и исполнителей. Мне кажется, если учитывать наш местный уро-

вень, то и заказчик, и исполнитель в душе еще инфантильны, они не выросли, им нужно наращивать объем знаний и образования. Это главное, что я хотела сказать.

Ирина Костерина, ведущий специалист НИЦ «Регион», г. Ульяновск:

— У меня есть два предложения. Первое. Как вы нам сейчас продемонстрировали, мы сами снимаем передачи, наполненные «чернухой», потом замеряем рейтинги этих передач, делая это коряво, непрофессионально. Все это не отражает реальной картины жизни. Но что мешает создателям передач наполнять их совершенно другим содержанием? И мы, представители региональных СМИ, телевизионных и радиокompаний, можем начать как-то по-другому формировать эту реальность. И второе. Нам надо постоянно быть публичными, постоянно обсуждать эти проблемы, проговаривать их публично — тогда можно будет реально что-то изменить.

Галина Иванова, координатор по Сибири, ассоциация «В защиту прав избирателей «Голос»», г. Новосибирск:

— Мне хочется выразить слова благодарности Даниилу Борисовичу — вы подняли в своем выступлении те темы, которые давно волнуют многих из нас, особенно представителей некоммерческого сектора, общественных организаций. Тенденции, о которых вы сказали, распространяются не только на телевидение, это касается всех средств массовой информации. Но в регионах имеются уже примеры замечательных передач — это очень здорово! Слева от меня сидит мой коллега из Новосибирска, который работает на радио «Слово» и который воплощает в своих передачах все три понятия: сделать, сказать и подумать. А справа от меня — коллега из Удмуртии, который рассказывал нам о том, что у них выходила добрая такая газета, без «чернухи», но она не нашла отклика среди читателей!

Мне очень хотелось бы, чтобы такие уважаемые люди, как вы, как можно чаще проводили такие беседы — и не только в кругу журналистов, но и в кругу тех, кто «делает политику», и чтобы таким образом формировался современный социальный заказ.

Зубайфу Зубайруев, редактор отдела политики еженедельника «Черновик», Республика Дагестан:

— Я попытаюсь выступить в роли заказчика. Вы говорили, заказа нет? Так вот, я заказываю свободу. Только свобода и закон исправят нашу страну. Когда мы не заказываем свободу, ее «заказывают» другие — в плохом смысле слова. Ее уже «заказали», и ее уже почти нет.

Вадим Трескин, директор по маркетингу и развитию Центра социальных и маркетинговых исследований, г. Архангельск:

— Мне кажется, что проект должен быть следующим: на своем месте, в своем регионе делать те программы, которые формируют свою, пусть маленькую, аудиторию. Все рекламщики сегодня поняли, что «бомбить» по площадям бессмысленно. Нужно работать с так называемым индексом соответствия — ведь у каждого продукта есть свой потребитель с конкретной аудиторией. То есть потребительское общество может стать нашим союзником. Если вы достигнете «индекса соответствия» свыше 120-ти для своей аудитории, то вы сможете делать программу, которая нужна аудитории, и рекламодатель поддержит вас деньгами.

Глеб Тюрин, директор Института общественных и гуманитарных инициатив, г. Архангельск:

— Я хочу еще раз поблагодарить Даниила Борисовича за совершенно фантастические формулировки. Но вы при этом транслировали очень негативные ценности. Возникает некий дискомфорт. Ведь на самом деле заказчик есть! Вот я, например, езжу по стране — заказывают даже муниципалитеты. Я работаю как модернизатор. И бизнес есть, который готов работать. Если представители московской элиты — один, второй, третий, приходя сюда, нам говорят: «Ребята! Плохо!» — это же, по сути дела, подсознательная негативная программа, которую надо менять. Нужно перестать говорить о том, чего у нас «нет, нет, нет», надо говорить хотя бы о «миллиметрах» того, что у нас есть.

Вениамин Слепков, главный редактор газеты «Петрозаводск», Республика Карелия:

— Я бы не согласился с тем, что выработка национальной идеи — это тупиковый путь. Национальная идея нужна для того, чтобы консолидировать общество. И у финнов национальная идея есть, она просто меняется время от времени. Тем не менее есть представление о национальном характере, об истории, о взаимоотношениях с русскими и шведами. И это помогает им самоидентифицироваться. Если бы у нас была выработана национальная идея, то она и могла бы стать мерилем качества и тематики программ, которые мы видим на телевидении. Тогда нашлись бы и заказчики, потому что бизнес дает деньги под конкретный проект и национальная идея могла бы стать именно таким проектом.

Евгений Мездриков, помощник депутата Государственной думы РФ, г. Новосибирск:

— Вы призвали в своем выступлении спорить, не соглашаться с вами. На мой взгляд, телевидение отражает реальность, а не формирует ее. Вы же фактически предлагаете журналисту утаивать часть информации. Если человеку жить тяжело, если государство избавляется от своих социальных гарантий, если человек не уверен в будущем, если он живет в «коммуналке», — сложно ему объяснить, что живет он в «шато», ездит на дорогом «Мерседесе» и так далее. Если человеку жить плохо, нужно и говорить о том, что плохо; а когда будет в государстве хорошо, тогда и будем говорить о том, что все хорошо.

Елена Холопцева, сотрудник аппарата члена Совета Федерации от республики Чувашия:

— Уважаемый Даниил Борисович, то, что вы сказали, на сто процентов легло на то, что я думаю. Спасибо большое. Я хочу добавить к сказанному вами: у меня в последнее время возникло ощущение, что мы живем в стране имитаторов. К примеру, 50 центнеров картошки с гектара — это имитация урожая или урожай? Армия, где восемнадцатилетние ребята голодные и босые, — это армия или ее имитация? И мы талантливо создаем эти имитации, какой-то «кукольный домик», мы в нем живем и, самое страшное, считаем, что это хорошо. Воспринимаем это как норму.

Сергей Вальков, депутат Законодательного собрания Ивановской области:

— Ваше выступление — замечательное, очень интересное. Я хотел бы высказаться по поводу национальной идеи. У нас на сегодняшний день есть два варианта национальной идеи. Первый записан в Конституции; его основа — права человека. И есть другой вариант, который сейчас активно насаждается некоторыми лицами из окружения президента. По сути это православный рейх, и его результатом может стать деградация, распад страны. Любое цивилизованное государство строится на правах человека, на демократии. Все остальное — это распад.

Артем Марченков, предприниматель, г. Владимир:

— Я не во всем согласен с докладчиком. 15 лет я работаю в киноклубе «Политехник» во Владимире. Залы полны — следовательно, запрос на альтернативную информационную реальность есть. Два года назад мы посчитали: около 70-ти процентов людей, которые приходят в зал, — это активисты различных гражданских организаций. Проблема не в том, что нет заказчика. Заказ есть, но он, к сожалению, неплатежеспособен. Мне кажется, сегодня очень важно создавать резервуары для альтернативной элиты. И рано или поздно, когда накопится критическая масса, эта ситуация разрешится сама собой.

Руслан Курбанов, Центр стратегических исследований и политических технологий, Республика Дагестан:

— Я хотел бы сказать о сладком, липком плене телевидения. Многие сегодня живут как платоновские люди, прикованные к стене пещеры, видя только тени, а не реальный мир.

Вот примеры несимпатичных персонажей, которые вырвались из этого плена: это представители движения «Талибан», которые выбрасывали телевизоры не потому, что ислам запрещает телевизоры, а с целью избавиться от этого наваждения; и дагестанские, чеченские моджахеды, которые в лесах сидят. Я считаю, что русский народ, российский народ будет еще долго терпеть этот

плен, а потом начнет выходить из него, и, возможно, будут задействованы деструктивные способы выхода. Я призываю наше сообщество к тому, чтобы мы в ближайшее время нашли цивилизованные пути выхода из этого плена.

Зарета Осмаева, корреспондент «Объединенной газеты», Чеченская Республика:

— Тут одна слушательница переживала по поводу стереотипа: все русские — пьяницы. Я вас успокою: все чеченцы — бандиты. Можем поменяться!

По поводу заказчиков я хочу сказать следующее: Чечню «заказали» в начале девяностых, так случилось.

Мы видим сегодня фильмы, согласно которым мы, чеченцы, рождаемся сразу с бородами и с автоматами. Другие фильмы о том, как Ермолов покорял Чечню. И ни одного фильма о наших с вами культурных, исторических связях. А ведь точек соприкосновения между Чечней и Россией намного больше, чем противоречий. Как вы думаете, кто должен заказать эти фильмы?

Евгения Иванкова, заместитель редактора общественно-политической газеты «Каскад», г. Калининград:

— Даниил Борисович, огромное спасибо за выступление, но я с вами не во всем согласна. Криминальную программу на самом деле сделать легче, чем добрую, позитивную. Но вы сказали о том, что на насилии легче зарабатывать деньги. С этим я не согласна. Криминальные программы сегодня существуют только на федеральных каналах: ОРТ, РТР, НТВ. Ни на ТНТ, ни на СТС, очень успешных в коммерческом плане каналах, этих программ нет. У меня есть собственный опыт, опыт нашего холдинга: наша телекомпания выпускает криминальную программу — и это единственная программа, которую мы не можем продать. Как на этом зарабатывать деньги, я не знаю.

Индира Дунаева, Институт региональных проблем, г. Москва:

— Национальная идея является тупиковым проектом в том случае, если работа над ней начинается с постановки вопроса: какая она, эта национальная идея, в чем ее содержание?

А нужно ставить вопрос: как мы будем ее «вылавливать», эту идею? Ее нельзя насаждать «сверху», ее надо вылавливать «снизу». И в этом, как мне кажется, была ошибка Сатарова — он не пытался прятать иной смысл за словами «национальная идея», он действи-

тельно хотел ее придумать, но придумать ее без широкого диалога невозможно. И наша главная задача — в развитии диалога. Когда мы внесем в нашу жизнь диалог как одну из главных ценностей, тогда поиски национальной идеи станут конструктивными и реальными.

Андрей Немифов, главный редактор радио «Астраханская волна», г. Астрахань:

— Большое спасибо за блестящее выступление. Вы прекрасно ответили на вопрос «кто виноват?». Теперь ответьте на вопрос «что делать?» Что нам делать, чтобы не пропасть в своих регионах?

Даниил Дондурей:

— Я всем вам очень благодарен. Несмотря на разночтения, я понимаю, что с большинством из вас мы единомышленники.

Хочу обратить внимание на две вещи. Во-первых, то, что связано с так называемым позитивом-негативом — это коренной профессиональный архетип. Не хочу, чтобы вы меня превратно поняли. Я не говорил, что не надо обращать внимание на негатив, и так не думаю. Я говорил о неадекватной или необъективной картине, описывающей реальность. Когда не представлены разные точки зрения, когда умалчиваются какие-то вещи, в первую очередь, позитивные, фиксирующие достижения. Я совсем не имел в виду табуирование, запрет на то, чтобы говорить о трагических вещах, поражениях, неудачах, которые происходят вокруг.

Подчеркиваю: речь идет о той невероятной самооценке, которой нас никто не побуждает заниматься. Я говорил вовсе не о том, что нужно позитив преувеличивать, возвеличивать, а негатив куда-то прятать, а о том, чтобы постараться посмотреть на мир чуть шире, сбалансированно, всесторонне. Так, как в жизни. Может быть, немножко полетать, как на картинах Шагала. Или, наоборот, не летать, а очень твердо ходить по земле; не стремиться к какому-то движению в сторону приукрашивания действительности, но и уйти от катастрофического взгляда на нее.

Существует такая точка зрения: во время террористического события нельзя это событие показывать. Мне кажется, это было бы неправильно — не показывать по телевидению трагедии и террор. Я совсем про другое — про правильное понимание контекста события, тех же самых смыслов, работу с ними. Про объективное, сложное, умное всеобъемлющее восприятие реальности.

Второе. Я согласен со всеми, кто был со мной не согласен. Ваша критика была очень конструктивной, она была в сущности правильная, основана на адекватном понимании реальности.

Конечно, нельзя думать: раз нет заказчиков, то мы свободны и пойдем сейчас пить свой компот. На самом деле у нас у всех есть гигантский ресурс. Особенно у тех, кто пишет о событиях, кто интерпретирует их, кто показывает картинку. Этот ресурс и дает огромную власть — я много раз делал акцент на этом. Эта власть связана с тем, что мы можем обсуждать, ставить в повестку дня и тем самым делать значимыми важнейшие темы. И если проблема будет адекватно представлена в эфире публичности, в эфире общественного внимания, если она получит адекватный анализ и толкование — она будет наполовину решена.

Я всех вас призываю публично обсуждать контент телевидения с тем, чтобы выйти за пределы стереотипов, профессиональных ограничений и шор, чтобы посмотреть на привычные проблемы и собственное их видение совсем с другой стороны.

Заметки с семинара

Быть журналистом — значит все время совершать одиссеево плавание, во время которого заблудившемуся царю Итаки пришлось, как известно, пройти между Сциллой и Харибдой всего один раз, а жизненный путь российского журналиста пролегает исключительно по таким местам. Так что это за профессия — журналист?

Ответ на этот кажущийся простым вопрос искали участники пятого специализированного семинара Московской школы политических исследований по проблемам средств массовой информации. Семинар проходил в декабре прошлого года в традиционном для Школы месте — подмосковном Голицыно. В нем участвовали свыше ста молодых людей из полусотни российских регионов, непосредственно включенных в медийный процесс, а также отечественные и зарубежные эксперты из разных стран.

У экспертов находились разные варианты ответов. Так, Зоя Ершок, обладательница одного из лучших перьев в российской газетной журналистике, предложила весьма непростое понимание. Ее выступление представляло собой яркий образец художественной публицистики — образное, эмоциональное, очень личное. По мнению Зои, журналистский профессионализм требует постоянного размышления о себе и своем деле, неустанного «держания себя», непрестанного стремления к росту... Короче говоря, требует быть Личностью, осознающей свое Призвание.

А вот высокопоставленный медиаменеджер Андрей Быстрицкий (заместитель председателя ВГТРК, считающийся в столичном медиасообществе человеком современным) видит проблему гораздо проще. В его изложении журналистский профессионализм заключается в циничной трезвости и умелом изготовлении востребованного продукта. Казалось бы, такой подход в аудитории, состоящей из журналистской молодежи, был обречен на успех. Но так не получилось: аудитория взгляд Быстрицкого активно не приняла. Ей хотелось думать и понимать, не удовлетворяясь простыми однозначными ответами.

Вопрос о журналистском профессионализме вывел на более общую проблему: что такое профессионализм вообще? Казалось бы, профессия — понятие простое и обще-

*Юрий Гуренко,
заместитель
главного редактора
журнала «Общая тетрадь»*

доступное, но лишь до тех пор, пока о нем не задумываешься. Ведь профессия не просто род занятий, и профессионализм — не только владение необходимыми навыками; оба понятия включают в себя нечто большее. Что? Это обсуждали в течение всего семинара, дискутируя на сессиях, на круглых столах Александра Согомонова, в кулуарах.

Применительно к журналистике проблема рассматривалась с учетом положения СМИ в России в последнее время. Об ущемлении свободы слова, об отсутствии достаточной экономической независимости средств массовой информации, о давлении со стороны государства и равнодушии общества говорили многие эксперты. Тревожные интонации слышались в выступлениях российских экспертов: культуролога Даниила Дондуря, медиаменеджера Михаила Кожокина, политика Владимира Рыжкова. Им вторили эксперты из-за рубежа: журналист Энн Эшлбаум и политолог Эллен Мицкевич (США).

Что и говорить, ситуация в медийном пространстве России сегодня сложна, как никогда. Ведь в советское время все было очень просто — любое неортодоксальное деяние считалось крамолой (в том числе и теми, кто на такие деяния шел). Сразу после распада СССР многое стало проще: теперь все было можно. Когда же революционный дым рассеялся, появились мощные институционализированные группы влияния, некие неясные, но ощутимые ограничения, какие-то рамки — местами эластичные, местами железобетонные. Причем, где именно эти рамки и каковы ограничения, далеко не всегда очевидно. Жизнь усложнилась крайне, и никто наверняка не знает, что можно и чего нельзя.

И тем не менее жизнь не остановилась и журналистика, за постсоветские годы обретшая плоть и голос, не исчезла. У нее есть большие проблемы, но ведь проблемы есть не только в нашей стране. Примитивизация СМИ и «медиатизация» общества; до-

вольно эффективные попытки политически манипулировать массмедиа, а через них всем обществом — это черта, свойственная всем современным странам. На семинаре об этом говорили такие авторитетные люди, как сэр Бернард Ингам и Джон Ллойд. Но западные СМИ живут и развиваются, стараясь справляться с новыми вызовами.

К тому же российская ситуация далеко не так однозначна, как ее иногда представляют сторонники демократии. Мы живем не во времена демократической эйфории 90-х, но и не в СССР. И ответ на вопрос о дальнейшем существовании и развитии журналистики зависит не только от устремлений властей предрежащих, но и от профессионализма пишущих, говорящих, показывающих, организующих процесс. Это вопрос их ответственности, последовательности, собранности, а также всего того, о чем говорила Зоя Ерошок. Яркий пример журналистского профессионализма был продемонстрирован на семинаре Александром Архангельским. Спокойная и внятная позиция по всем обсуждаемым сюжетам. Poleмическая острота без истерики. Умение видеть опасность без впадения в интеллигентский катастрофизм. Знание предмета и ясность аргументации. Безукоризненность языка и жесткость формулировок. Александр говорил о ситуации в медийном пространстве, и само его выступление было лучшим доказательством того, что журналистика в России есть и будет.

Хотя, конечно, жизнь у журналиста непростая и быть таковой не может. Им никогда не будут все довольны. Ни чиновники, ни публика, ни бизнес. Его всегда будут пытаться вогнать в рамки, а он будет стараться эти рамки раздвигать. Ему нужно определять свою роль, свое место, свою позицию не раз и навсегда, а каждый день. Такая уж это профессия.

Три реформы (О методе преобразований в современной России)

*«Если кто не придет завтра на реку – богат ли,
или убог, или нищий, или раб – да будет
противник мне».*

Князь Владимир, креститель Руси

*«Он, как и мы, не знал иных путей,
опричь указа, казни и застенка ...»*

Максимилиан Волошин о Петре I

Не Москва государю указ, государь Москве.

Русская пословица

Содержание или метод?

Вполне естественно, что, когда в том или ином обществе заходит речь о той или иной крупной реформе, споры идут главным образом о *содержании* преобразований.

Так и сегодня, в 2005 году от Рождества Христова, в современной России копыя ломаются о совершенно прозаические вещи. Полностью или нет компенсирует правительство натуральные льготы ветеранам? Кто тут выиграет, а кто проиграет? Снесет ли безропотно министр внутренних дел отмену бесплатного проезда «своих» милиционеров? Или выхлопочет у президента сохранение им льготы и дальше? И тому подобное.

Между тем, как можно увидеть, отношение народа к уже ранее проведенным масштабным реформам чаще всего оказывается отрицательным. Судите сами: каково сегодня отношение большинства граждан России к роспуску Советского Союза, приватизации, введению платного высшего образования и медицины, либерализации цен? А ведь именно эти и ряд других кардинальных реформ лежат в самом фундаменте новой России, возникшей в 1990–1991 годах.

Можем ли мы предположить, что в основе такого отрицания крутых (но полагаемых их инициаторами необходимыми) перемен лежат не только обычный консерватизм людей, ошибки в проектах реформ, но и неприемлемость самого *метода* реформ, применяемого раз за разом реформаторами России?

Все основные реформы минувших 12 лет проведены были методом «бури и натиска». Вот основные из них:

– «Беловежские соглашения» о денонсации договора 1922 года о создании Союза ССР (декабрь 1991 г.);

– либерализация розничных и большинства оптовых цен (январь 1992 г.);

*Владимир Рыжков,
депутат Государственной
думы РФ*

- приватизация государственных и муниципальных предприятий и собственности (с 1992 г.);
- силовая ликвидация конфликта президента и Верховного Совета (осень 1993 г.);
- обнародование и вынесение на референдум проекта новой Конституции (осень 1993 г.);
- начало боевых действий в Чечне (декабрь 1994 г.);
- залоговые аукционы по крупнейшим предприятиям страны (1995–1996 гг.);
- начало второй войны в Чечне (август 1999 г.).

Лишь в случае с проектом новой Конституции и, в меньшей мере, массовой («ваучерной») приватизации принятию решения предшествовало широкое обсуждение в обществе, экспертном сообществе, парламенте, прессе. В случае с Конституцией сначала была создана широкая и авторитетная Конституционная комиссия во главе с Олегом Румянцевым — членом парламента, которая провела большую и публичную работу с учетом всего разнообразия политических, региональных и иных интересов. *В остальных случаях решения принимались крайне узким кругом лиц (келейно), в обстановке строжайшей секретности, и общество просто ставилось перед лицом свершившегося факта.*

Вернемся к ранее заданному вопросу. Не оттого ли действующая Конституция в меньшей мере подвергается сомнению спустя двенадцать лет после ее принятия, что процесс ее подготовки был долгим и публичным и сопровождался дискуссиями и компромиссами? А отношение к «ваучерной» приватизации хоть также скорее плохое, но все же много лучше, чем к залоговым аукционам? И не только содержание той или иной реформы, но и ее метод имеет значение? Означает ли все отмеченное ранее, что, несмотря на провозглашенный демократический характер государства, Россия по-прежнему остается страной недемократической *по методу развития и управления*? Какие следствия может иметь то парадоксальное обстоятельство, что Россия по-прежнему остается страной «реформ сверху» — хоть «верхи» (формально?) уже избираются самим народом? Какие следствия это может иметь для будущего страны и необходимых для ее процветания преобразований?

Попробуем ответить на эти вопросы на примере некоторых важных реформ, инициированных вторым Президентом России Владимиром Путиным за первые четыре года его президентства. Для этого мной выбраны три реформы: реформа Совета Федерации, реформа государственной службы и реформа социальных обязательств государства.

«Слуги государевы»

Реформа Совета Федерации (2000 год) стала одной из первых важных инициатив только что избранного президентом Путина.

Ее официально провозглашенной целью стало совершенствование работы верхней палаты российского парламента. Глава государства заявил, что присутствие в ней губернаторов и спикеров региональных законодательных собраний снижает качество законодательной работы СФ. Чтобы улучшить это качество, было предложено вывести из состава СФ глав регионов и региональных парламента и заменить их назначенными членами — по одному от исполнительной и законодательной власти субъектов федерации.

Началось все с телевизионного обращения президента спустя несколько дней после инаугурации — 17 мая 2000 года. Был объявлен ряд мер по укреплению

государства и построению вертикали власти. В частности, тогда были созданы семь федеральных округов и принято решение создать правовой механизм отстранения от власти избранных глав регионов и муниципалитетов. При этом первая по счету важная реформа Путина не имела ясного механизма подготовки и четкого авторства. Она как бы «выпрыгнула из ниоткуда», а точнее — из недр президентской администрации.

Закон об изменении порядка формирования Совета Федерации спустя два дня был внесен в Думу самим президентом и экстренно рассмотрен депутатами. Вся стремительная процедура заняла немногим более месяца. Единственная существенная поправка (и поправка региональным лидерам) состояла во введении более продолжительного «переходного периода» — СФ должен был быть полностью наполнен новыми «назначенцами» к 1 января 2002 года.

Возмутившиеся поначалу старые «сенаторы», в том числе такие авторитеты, как Юрий Лужков и Егор Строев, в итоге покорно проголосовали за одобрение закона. Против проголосовали совсем немногие, в частности чувашский президент Николай Федоров.

Примерно тогда же ярославский губернатор Анатолий Лисицын замечательно ясно сформулировал политическую максиму, определившую поведение региональной элиты в момент первого решительного наступления Путина на ее права и интересы: «Все мы, не побоюсь сказать, — слуги государевы». Нет сомнений, что имелся в виду совершенно определенный «государь».

За два с половиной года существования реформированного таким образом Совета Федерации он превратился из некогда могущественной палаты регионов, с которой вынуждены были считаться все — от президента до министров, в бессильный и малоавторитетный придаток президентской администрации. Случаи, когда Совет Федерации занимал самостоятельную позицию по сколь угодно значимому вопросу, исчезли. Его авторитет среди всех высших органов государственной власти является самым низким.

«В целях совершенствования...»

7 июля 2004 года Государственная дума приняла в окончательном, третьем чтении еще один закон, внесенный президентом: «**О государственной гражданской службе Российской Федерации**». А уже 15 июля он был без проблем одобрен реформированным Советом Федерации.

Этим законом в России вводится сложная многоступенчатая структура государственной службы. Возвращается фактически петровская Табель о рангах с ее категориями, группами, должностями и классными чинами. Возвращаются действительные государственные советники трех классов, просто государственные советники трех классов, советники государственной гражданской службы трех классов, референты трех классов и секретари трех классов (всего 12 классных чинов).

Смыслом карьеры вновь становится многолетнее и упорное карабкание по служебной лестнице. Судьбу всякого чиновника вновь, как и встарь, будет решать вышестоящее начальство. Всяческие поощрения будут даваться не столько за результат, сколько за «прилежание», а главное — за «выслугу лет» (так, к примеру, за каждый год службы добавляется день отпуска).

Создается сложная и витиеватая система денежных выплат чиновникам. Судите сами. Чиновник будет получать:

— месячный оклад за должность;

Дино и Джейк Чапмэны. ДНК Зиготик. 1997

- месячный оклад за классный чин;
- ежемесячную надбавку к должностному окладу за выслугу лет (до 30 процентов – если служит свыше 15 лет);
- ежемесячную надбавку к должностному окладу за особые условия службы – 2 оклада;
- ежемесячную надбавку за работу со сведениями, содержащими государственную тайну (размер не определен);
- премии за выполнение особо важных заданий (размер не определен и не ограничен);
- ежемесячное денежное вознаграждение (размер не определен и не ограничен);
- при отпуске – два оклада и материальную помощь (размер не определен).

Итого — восемь видов денежных выплат, из которых четыре могут совершенно произвольно определяться самими чиновниками («начальством»).

Кроме того, в законе нет гарантий прозрачности информации как об отдельных чиновниках, так и обо всей системе госслужбы в целом.

При этом на фоне одновременно идущей грандиозной социальной реформы, отменяющей, помимо прочего, систему натуральных льгот для всех категорий «льготников», закон о госслужбе сохраняет в неприкосновенности и даже расширяет натуральные льготы для чиновников. Им предоставляется право на:

- дополнительное бесплатное профессиональное образование;
- бесплатное медицинское обслуживание в специализированных медицинских учреждениях (читай — спецбольницах и спецполиклиниках);
- персональные машины с водителем;
- сохраняется обязательный районный коэффициент к денежному содержанию (остальному населению его отменяют);
- и главное — один раз за годы службы чиновник получит право купить за государственный счет квартиру в собственность, в то время как для остального населения новый Жилищный кодекс это право ликвидирует полностью.

Каков же был путь этого по-своему удивительного и в то же время очень по своей сути характерного для «путинской России» законопроекта от начала и до дня его триумфального принятия обеими палатами парламента?

Все началось с распоряжения президента, изданного 15 августа 2001 года. Этим распоряжением президент сформировал Комиссию по вопросам реформирования государственной службы Российской Федерации в составе 11-ти человек. Во главе были поставлены Михаил Касьянов (тогда премьер-министр) и Дмитрий Медведев (тогда первый заместитель главы кремлевской администрации). Из членов комиссии лишь бывший вице-спикер Госдумы Владимир Лукин может быть отнесен не к числу чиновников (все прочие десять членов комиссии занимали должности, на которые были назначены президентом или главой кабинета).

Президент не счел нужным анонсировать эту реформу с помощью специального заявления или телеобращения к нации. Тем более что тема административной реформы из года в год обозначалась в президентских посланиях.

Ниже комиссии расположилась созданная тем же распоряжением «межведомственная рабочая группа», в задачу которой вошла непосредственная подготовка проектов законов по госслужбе. В группу попали 19 человек, а возглавили ее два заместителя главы администрации президента — Д. Медведев и В. Иванов. В группе также было 18 чиновников и один депутат от СПС — Владимир Южаков.

Работа комиссии и рабочей группы продвигалась чрезвычайно медленно. Это было обусловлено глубокими, концептуальными противоречиями между различными группами разработчиков. Одним хотелось создать закон, предельно приближенный к уставу строевой службы, другим — современную, гибкую и прозрачную для общества систему, ориентированную на результат — высокое качество предоставляемых государством публичных услуг. Так же долго законы двигались и в Думе — каждая из групп использовала думские процедуры для затягивания процесса и продолжения торга и интриг внутри администрации. Комиссия и группа предложили принять рамочный закон о госслужбе и три вытекающих из него «отраслевых» закона.

Первый (основной) закон «О системе государственной службы Российской Федерации» был внесен в Думу и принят в 2003 году. Второй — о гражданской госслужбе — принят (как уже было отмечено) в июле 2004 года. А два оставшихся — о военной госслужбе и госслужбе в правоохранительных органах — пока не готовы.

Широкую общественную дискуссию эти реформы не вызвали. Публикаций в

прессе также было немного. Немного было и поправок в Думе, да и те были в основном отклонены.

Один из центральных в русской истории вопросов — о роли и месте бюрократии в государстве и обществе — был решен на редкость тихо и незаметно! По крайней мере — для широкой публики.

«Кому это надо?!»

Совсем иначе разворачивалась другая крупная реформа, известная как **меры «по монетизации льгот»**.

С самого начала у нее был автор. И с самого начала она привлекла огромный интерес. Сначала — политического класса, а теперь и самых широких групп общества.

21 июня 2001 года президент своим указом создал комиссию по подготовке предложений о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами власти, органами власти субъектов федерации и органами местного самоуправления. В комиссию вошли 22 человека, в основном высокопоставленные чиновники. Во главе ее встал Дмитрий Козак — близкий соратник Владимира Путина, в то время заместитель руководителя его администрации, опытный юрист из Санкт-Петербурга. До этого он в течение года осуществил довольно спорную судебную реформу — и тоже по прямому поручению президента.

Президент неоднократно обращался к теме разграничения полномочий между уровнями власти. Вначале речь шла главным образом о наведении порядка в законодательстве. Но потом явственно зазвучала тема ликвидации избыточных обязательств государства, о чем президент впервые громко заявил с трибуны Совета Федерации в 2002 году. Он потребовал глубоко проанализировать государственные функции, упразднив при этом избыточные, чтобы прекратить «разбазаривание денег».

Как и в случае с судебной реформой, Дмитрий Козак развил бурную, в том числе и публичную, деятельность по реформе государственных обязательств и полномочий.

Первым делом он определил круг задач комиссии. Вышло, что требуется глубокий анализ 215 федеральных законов, 42 договоров между федеральным центром и субъектами федерации и великого множества более мелких соглашений.

Было решено «расчистить» законодательство таким образом, чтобы каждый уровень власти точно знал свои обязанности, которые при этом не должны пересекаться. Предметы федерального ведения должны были быть возвращены федерации. Предметы совместного ведения четко разделены между Москвой и регионами. Требовалось также определить оптимальную структуру местного самоуправления. И дать всем достаточно времени и денег для успешной работы в новых условиях.

Для того чтобы услышать «голос самих регионов», к работе были привлечены ассоциации органов местного самоуправления (в частности, Конгресс муниципальных образований), а в семи федеральных округах были созданы семь окружных комиссий по выработке предложений относительно реформы.

За 2001–2002 годы Дмитрий Козак и члены его комиссии проделали огромную работу. Они многократно выезжали в регионы, проводили совещания и круглые столы, опубликовали множество развернутых выступлений в прессе. Минфином были подготовлены подробные расчеты последствий реформы.

В результате оба основополагающих закона были внесены в Думу и приняты

летом и осенью 2003 года. В Думе состоялась довольно оживленная дискуссия, по существу не повлиявшая ни на содержание законов, ни на их принятие. Одобрил все и Совет Федерации.

Реакция прессы была вялой — предмет казался слишком мудреным, неинтересным, далеким от жизни. Одинокие голоса тех, кто предупреждал о грядущей радикальной реформе, не были услышаны.

Так же рутинно прошел третий этап подготовки реформы — внесение законов об изменениях в Налоговом и Бюджетном кодексах, связанных с новым разграничением полномочий. Вялые дебаты велись разве что вокруг нового института «временной финансовой администрации» в регионах-банкротах.

И вдруг последовал взрыв. 2 июня 2004 года — почти сразу после инаугурации президента и его первого после переизбрания Послания Федеральному собранию Правительство Российской Федерации внесло в Государственную думу огромный, 400-страничный законопроект о приведении законодательства в соответствие с законами о разграничении полномочий и местном самоуправлении. Законопроектом предложено отменить 41 федеральный закон и внести изменения в 155 федеральных законов. Выяснилось, что, пожалуй, нет ни одного гражданина России, кого бы не затрагивал этот законопроект.

После первого шока (и первого прочтения) стало выясняться, что:

- предложенное разграничение полномочий во многом не устраивает регионы и органы местного самоуправления;
- поправки в Налоговом и Бюджетном кодексах не дают регионам и муниципалитетам достаточных средств для реализации передаваемых полномочий;
- с большинством из социальных групп эти инициативы не были не только согласованы, но даже просто обсуждены.

К этому времени Дмитрий Козак несколько ушел в тень и основными лицами реформы стали Алексей Кудрин (министр финансов), Михаил Зурабов (министр здравоохранения и социального развития) и Александр Жуков (вице-премьер правительства).

По стране прошла волна митингов и демонстраций. Различные корпоративные группы стали усиленно лоббировать свои интересы в прессе, исполнительных органах власти и парламенте. Рейтинги президента и правительства стали снижаться. Правительственные СМИ открыли массированную кампанию по расхваливанию реформы. Несколько межрегиональных ассоциаций субъектов федерации обратились к президенту с просьбой отложить старт реформы в силу неспособности региональных бюджетов вынести дополнительную нагрузку.

Опросы общественного мнения показали неприятие реформы народом в соотношении 60 к 30 при 10 процентах неопределившихся. А в Думе было подано более 3000 поправок к законопроекту. Даже «Единая Россия» все больше расширяла круг своих претензий к реформе, надеясь избежать падения своей популярности в случае не критического отношения к радикальным предложениям исполнительной власти. Исход этой борьбы известен.

Единое — в трех

Внешне три описанные реформы имеют между собой мало общего. У двух из них разные «главные авторы» (Д. Медведев и Д. Козак), что, возможно, определило разный стиль подготовки. У одного — неторопливая и максимально непубличная работа. У другого — предельно активная, публичная, массовая по составу задействованных заинтересованных лиц и экспертов деятельность. У одного — неспеш-

ное проведение проектов через Думу. У второго — стремительность, все те же «буря и натиск». (Так же было и при прохождении через Думу судебной реформы). У третьей же реформы вовсе нет определенного авторства.

В то же время можно выделить ряд общих черт у всех рассмотренных методов подготовки реформ, позволяющих выявить некоторые важные закономерности.

1. Собственно работу по подготовке реформы президент доверяет лицам из своей администрации и правительства. Как правило, речь идет о небольшой комиссии, состоящей преимущественно из чиновников. Участие независимых экспертов и структур гражданского общества, в том числе и тех, кого реформа затрагивает непосредственно, сведено к минимуму либо является имитационным (что ярче всего видно на примере социальной реформы).

2. «Согласование» с обществом (группами интересов) носит, как правило, формальный, имитационный характер. Иначе законопроекты в момент их внесения в Думу не вызывали бы такого шока и изумления (что происходит практически всегда).

3. Государственная дума и Совет Федерации не рассматриваются как место подлинного согласования разнообразных интересов и глубокой доработки и тем более переработки подготовленных законопроектов. Отсюда практика формального обсуждения и безотказного одобрения инициатив исполнительной власти парламентским большинством. Чаще всего используется ускоренный, «авральный» порядок рассмотрения законопроектов, в том числе игнорирующий отзывы регионов.

4. Официальные СМИ используются не для обсуждения и вникания в суть реформ, но для плоской пропаганды в духе «начальство хочет вам добра — верьте ему — ему видней».

5. Сопротивление иногда сопровождается давлением. Так было с ярославским Лисицыным, отважившимся покриковать «реформу льгот». В область тут же явились проверяющие из Москвы. Но эти случаи носят скорее демонстративный характер.

Итак, подробное рассмотрение трех конкретных историй о реформах рисует нам красноречивую картину. Реформы задумываются исключительно «наверху» — в узком кругу доверенных лиц президента. Он же дает им вербальное обоснование в привычных понятиях «общего блага». Затем дело поручается узкой группе высокопоставленных доверенных чиновников. Последние в зависимости от личных особенностей в той или иной степени имитируют процедуру «демократического обсуждения и согласования». Подготовленный в глубокой тайне итоговый проект вносится в Думу с требованием безоговорочной поддержки большинства. При этом всегда используется отсылка к авторитету президента. Подконтрольная пресса пропагандирует «высокие замыслы» руководства, критический анализ практически отсутствует. Реформа быстро одобряется и становится законом.

Деградация Совета Федерации сегодня очевидна для всех.

Дальнейшее превращение чиновничества в замкнутую, богатую, привилегированную касту ждет нас впереди.

Как и «испытание на местности», которое уже состоялось, масштабной реформы по разграничению полномочий и пересмотру «социальных мандатов».

Ясно и то, что у общества в этих условиях есть только один способ выразить свое отношение к такому методу проведения реформ — бояться реформ и не доверять государству.

О человеческом капитале

Тема «человеческого капитала» в настоящее время чрезвычайно популярна в России. К ней обращаются, когда говорят о ресурсах экономического роста и удвоении ВВП, вспоминая об «огромном человеческом капитале» и предлагая в этой связи различные программы его более эффективного использования для повышения конкурентоспособности страны. Но создается ощущение, что эта технократическая риторика идет откуда-то из прошлого и имеет мало отношения к тому, как все устроено в реальности.

Так что же такое «человеческий капитал»?

Даже небольшой экскурс в этимологию этих слов дает интересные результаты. Слово «капитал» происходит от латинского слова «caput» — голова. Русское слово «человек» означает примерно то же самое. «Чело» — то есть глава, голова чего-либо. Таким образом, сочетание слов не дает нового смысла, а лишь усиливает уже имеющийся. Поэтому стоит в этом смысле разобраться.

Остановлюсь вначале на распространенных определениях капитала. Капитал — это ценность всякого промыслового и другого заведения, включая всю сумму материальных благ, денежных средств, использующихся в производстве, а также знания и способность создавать что-то новое. И еще: все богатство общества, созданное в результате человеческой деятельности (то есть всё, кроме природы, существующей независимо от деятельности людей).

Хорошо известно, что скорость, с которой создаются новые блага, ограничена запасом накопленного капитала. Расплывчатые бытовые и газетные выражения типа «развитые» или «цивилизованные страны» означают не что иное, как «страны с большим запасом капитала и высокой производительностью труда». Однако запас капитала сам по себе еще не гарантирует роста богатства, потому что его можно банально «проесть» или растратить. Следовательно, все зависит от людей, которые так или иначе уже оказываются включенными в мир капитала, — во-первых, через результаты своей деятельности (в прошлом) и, во-вторых, через имеющиеся способности к творчеству и твор-

*Дмитрий Сухиненко,
кандидат
педагогических наук*

ческим действиям (в настоящем и будущем).

Но ведь новые блага создаются с использованием не только капитала, но и труда. Как же тогда различить «человеческий труд» и «человеческий капитал»?

Различие состоит в следующем. Труд сам по себе (неважно, сколько на это потрачено усилий и времени) не создает ценности (ценностью обладает созданный продукт). А это значит, что он не противостоит капиталу, как считали классики марксизма, он следует за ним, работает с ним в паре и тогда становится созидательным, начинает создавать ценность.

Капитал не может не создавать ценность, иначе он перестает быть капиталом, омертвляется, становится просто «кубышкой» с деньгами, грудой станков и т. п. Способность создавать ценности и блага — неотъемлемое свойство именно человеческого капитала. И в первую очередь того относительно небольшого круга людей, которые своими изобретениями и открытиями обеспечивают существование миллионов, их занятость.

Способность к творчеству и воплощению идей в реальность и есть их главное отличие и от собственников, и от людей массового труда. У них различен уровень творческих способностей,

но их можно узнать по независимости, эффективности, отваге и верности делу. Эти движимые призванием люди и ведут за собой человечество. Это тот рычаг, с помощью которого европейская цивилизация за последние триста лет как раз и перевернула окружающий нас мир. До этого те, кто имел богатство, стремились прежде всего сохранить его, капитал же и труд впервые позволили обществу увеличивать богатство. При этом их точкой опоры были промышленные и социальные революции, географические открытия, колониальные и мировые войны. В результате именно капитал сформировал современный мир, в котором происходит невиданный ранее рост общих человеческих усилий по внедрению научных и иных достижений в производство, благодаря чему меняется сам образ нашей жизни. И сегодня труд талантливых людей снова нацелен на прорыв в другое качество. В пространство, которого не видно из сегодняшнего дня. Но кто-то его увидит и совершит очередное открытие. Хотя одновременно капитал использует труд там, где он дешевле или качественнее, и главная его забота — люди капитала. Тогда как *человеческий капитал по определению продукт воспитания и образования.*

Талантливых людей-первопроходцев всегда было немного. Это были путешественники и купцы, инженеры и банкиры, реформаторы и общественные деятели — все, кто, используя ресурсы, создавал свое дело и сдвигал пространство истории. Таких людей невозможно заменить, не погубив Дела. Это — первооткрыватели и зачинатели всех достижений человечества, они первыми отправляются в неизведанное. За что враги капитала всегда платили им ненавистью. Первый мотор, паровая машина, аэроплан — все это представлялось когда-то глупостью или злом.

Но это не останавливало первопроходцев. Потому что признание окружающих никогда не было их целью. Их цель — открытие, создание, приумножение. Они индивидуумы, а не какая-то коллективная субстанция. В этом смысле никакого объединенного «человеческого капитала» нет, как нет и «коллективной мысли», а есть лишь личности, устремленные в будущее, живущие своим умом.

Сегодня по планете уже не бродит призрак коммунизма, сегодня по ней свободно гуляет капитал, мало обращающий внимание на власть имущих. Финансовый капитал в наши дни не знает границ, он перемещает за собой материальные ресурсы,

людей капитала, рабочую силу и сам устремляется за ними. Перемещение людей пока еще ограничено социальными, религиозными, политическими и иными барьерами.

Задача, которая стоит сегодня перед капиталом, — найти новую точку опоры. Технологический задел “большой войны” съеден. Футурологические эквилибристи размышляют о виртуальных успехах цивилизации. Еще 200 лет назад человек мог в течение своей жизни прочитывать все написанные к тому времени книги, но не мог стать за время своей жизни самым богатым человеком планеты. Ныне все перевернулось. Книг слишком много. Богатые появляются как грибы после дождя. Бюрократия в качестве точки опоры уже не годится.

Инвестиции — самая удобная форма существования капитала для чиновной формы управления. Ее главные действующие лица — чиновник, менеджер и эксперт — заботятся об успешных инвестициях и снижении рисков. Их предназначение — сохранять и охранять, они не способны к инновационным достижениям. Это растянутая во времени гибель европейской цивилизации, ее тупик. Капитал же с невиданной ранее энергией ищет новые пути. Он аккумулирует рассеянное зна-

ние, выстраивая для себя новую точку опоры. Знаний отдельных первопроходцев становится мало для нового глобального прорыва, и ка-

ти диалог со своими единомышленниками, невзирая на социальные и политические барьеры, у них есть точки соприкосновения между со-

Способность создавать ценности и блага — неотъемлемое свойство именно человеческого капитала. И в первую очередь того относительно небольшого круга людей, которые своими изобретениями и открытиями обеспечивают существование миллионов, их занятость

питал начинает создавать команды.

Члены команды — это не прежняя рабочая сила. Единственная форма сотрудничества, которую они признают, это свобода в своем деле. Это островки иного, возможно сетевого, мира. Но в любом случае — отличного от старого мира мышления, хотя эти люди еще не осознают своего предназначения. Они формируют новую форму жизни капитала, но и этого может оказаться мало для прорыва. В этом смысле обычный путь — от рабочей силы через команду к «человеческому капиталу» — едва ли перспективен. Речь идет уже о больших группах людей, рассеянных по всему миру. Они думают по-другому и в состоянии вес-

бой, выработаны коды общения.

Вспоминается образ мыслящего океана из «Соляриса». Капиталу необходим «мыслящий океан». Но сегодня это еще даже не лужицы. Это лишь облака, которые должны пролиться дождем и напоить новые всходы. И тогда, возможно, человечество наконец осуществит «капитализацию себя» и станет «человеческим капиталом», своеобразным мыслящим океаном. Но почему-то думается, что и тогда, как и ныне, Человек останется один на один со своей судьбой первопроходца и с этим божественным предназначением.

*Сергей Маркедонов,
зав. отделом проблем
межнациональных отношений
Института политического
и военного анализа*

СНГ-2: Непризнанные государства на постсоветском пространстве

Проблему непризнанных государств нередко сводят к ее формально-юридическому аспекту. Между тем в терминах исключительно формальной юриспруденции данный феномен не может быть исследован и понят. Само создание непризнанных государств и начало борьбы за их признание — факты эмоционально-символического и социокультурного плана, без учета которых невозможно эффективное урегулирование межэтнических споров — неизбежного спутника этих особых государственных образований. При изучении вопроса о соотношении формально-правовых и фактических составляющих государственного строительства (нацстроительства, политической легитимации) трудно представить себе более благодатную тему, чем непризнанные государства. Немецкий мыслитель Фердинанд Лассаль отмечал, что существует два вида конституций — «формальная» и «фактическая». Думается, что анализ природы непризнанных государств более перспективен с позиций «фактического» конституционного права.

Однако, прежде чем приступить к такому анализу, необходимо понять, что подразумевается под термином «непризнанные государства». Их непризнание мировым сообществом? Но сегодня институт мирового сообщества находится в глубоком кризисе, и не только политико-правовом, но и аксиологическом, ценностном. В эпоху глобального постмодерна, наступившего после распада ялтинско-потсдамского мира, не вполне еще вырисовались контуры нового миропорядка, а значит, и критерии признания (непризнания) некоего образования как самостоятельного государства. Какие же критерии следует брать за основу? Единый суверенитет над подведомственной территорией? Тогда, очевидно, Грузию или Азербайджан не следовало бы признавать как государства, поскольку ни одно из этих образований к моменту своего официального признания не осуществляло единый суверенитет над всей своей территорией. К 1991 году Азербайджан фактически перестал контролировать большую часть Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО), а в 1994 году — и семь собственно азербайджанских районов. В том же году Грузия утратила суверенитет над большей частью территории Юго-Осетинской автономной области. В сентябре 1993 года из-под юрисдикции Грузии вышла Абхазия. В этом смысле и у России в конце 1991 — начале 1992 года и в сентябре 1996-го

могли возникнуть проблемы из-за Чечни, оказавшейся фактически вне российского правового и политического пространства. Кстати сказать, и у самих непризнанных государств с обеспечением суверенитета тоже не все однозначно. Границы самопровозглашенных государств и бывших советских автономий (территориальных основ будущих непризнанных образований) не всегда совпадают. В состав Нагорно-Карабахской республики (НКР) помимо территории бывшей НКАО в 1991 году был включен населенный армянами Шаумяновский район. Однако сегодня силы самообороны НКР этот район не контролируют, так же как не контролируют и части Мардакертского и Мартунинского районов бывшей НКАО. Отсюда проистекают требования к азербайджанской стороне прекратить «оккупацию территории Нагорного Карабаха». Абхазский непризнанный суверенитет не распространяется на Кодорское ущелье (Абхазскую Сванетию). Весьма слабым является административный контроль непризнанной республики над грузиноязычным (точнее, мегрелоязычным) Гальским районом.

Может быть, стоит взять за основу критерий «состоятельности» государства? Но государственные институты (армия, полиция, чиновничий аппарат) НКР намного эффективнее азербайджанских, Абхазии – результативнее грузинских (по крайней мере, периода президентства Шеварднадзе), а государственные институты Приднестровья (ПМР) не уступают молдавским. По мнению немецкого политолога Штефана Трёбста, именно государственная состоятельность – основное препятствие, не позволяющее рассматривать непризнанные государства в качестве бандитских анклавов. Последние не притязают на легитимность, им не нужны государственная символика и, главное, государственно-исторический миф*. Между тем идеологические системы непризнанных государств постсоветского пространства насквозь историчны.

Но самая большая проблема заключается в том факте, что непризнанные государства признаются людьми, их населяющими. Можно сколько угодно обвинять в экстремизме политиков НКР, ПМР, Абхазии или Южной Осетии (и обвинять, заметим, справедливо), но их экстремизм опирался и опирается на массовую поддержку граждан государств, которые формально не существуют. Более того, в любой миротворческой инициативе, направленной на разрешение спора между признанным и непризнанным государством, этот экстремизм должен быть учтен. Иначе последствия могут иметь плачевный характер. Очевидно, что, даже «купив» абхазскую элиту, невозможно будет успокоить Абхазию, если начнется массовое возвращение грузинских беженцев не только в Гальский район, но и в Сухуми, Гагру, Леселидзе, а «покупка» властей ПМР не сделает жителей Приднестровья лояльными гражданами независимой Молдовы.

Для успешного разрешения проблемы непризнанных государств необходимо определить причины их массового появления в начале 1990-х годов (по словам британского эксперта Томаса де Ваала, это был своеобразный «мировой рекорд»)**.

На мой взгляд, здесь следует выделить два фактора: международный и внутренний (последний в большей степени социокультурный).

Анализ причин крушения ялтинско-потсдамской системы международных от-

* Troebst S. «We are Transnistrians!» *Post-Soviet Identity Management in the Dniester Valley // Ab imperio.* – № 1. – 2003. P. 437-467.1.

** Ваал Т. де. Угрозы безопасности на Южном Кавказе // *Вестник Европы.* – 2003. – Т. VII-VIII. С. 38.

ношений не является предметом настоящей статьи. Тем не менее в ее рамках стоит отметить несколько принципиальных моментов. Среди первопричин «похорон Ялты» обычно называют два разнонаправленных процесса: объединение Германии и распад Советского Союза. Думается, что воссоединение «осси» и «весси» и исчезновение с карты мира государства, занимавшего 1/6 часть суши, было бы вернее рассматривать как следствие. С моей точки зрения, причиной краха «ялтинского мира» стало внутреннее фундаментальное противоречие самой международной системы «Ялты и Потсдама» — противоречие между принципами территориальной целостности и нерушимости послевоенных границ и правом этнических меньшинств на самоопределение. И тот и другой принципы были зафиксированы во всех основополагающих декларациях и пактах ООН. Ялтинский мир создавали друзья-враги (такого радикального разрыва вчерашних союзников Версальский мир не знал). Этот мир неизбежно базировался на сдержках и противовесах, коими и стали, с одной стороны, нерушимость границ и территориальная целостность, а с другой — защита прав этнических меньшинств.

В 1975 году в Хельсинки была подведена черта под Второй мировой войной и торжественно провозглашена нерушимость послевоенных границ. В то же время в Международном пакте о гражданских и политических правах ООН (принят 16 декабря 1966-го, вступил в силу 23 марта 1976 года) признавалось, что «все народы имеют право на самоопределение... Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования». Данный пакт по сути дела юридически формировал право народа на «свою» территорию и расположенные на ней природные богатства. «Ничто в настоящем Пакте не должно толковаться как ущемление неотъемлемого права всех народов обладать и пользоваться в полной мере и свободно своими естественными богатствами и ресурсами»*.

Подобное противоречие предоставляло возможности для двойной международной бухгалтерии. Советский Союз, защищая священное право этнических меньшинств, апеллировал к борцам за «национальное освобождение» от «наследия колониализма», а США и их союзники отстаивали «права человека» и «ценности свободы». В результате два столпа ялтинского мира, два «полюса» международной системы в борьбе друг с другом укрепляли этносепаратизм и, как следствие, терроризм.

Крах СССР и Варшавского блока открыл шлюзы для свободного плавания «молодых демократий», положивших в основу своих идеологий принцип этнонационального самоопределения. По словам Вячеслава Никонова, «распад СССР положил начало явно недооцененному на Западе процессу формирования национальных государств. Никогда до 1991 года на планете не было таких организованных по этническому принципу суверенных стран...»**. Новые суверенные государства бывшего СССР с момента обретения независимости где в явной, а где в закамуфлированной форме конвертировали принцип права наций на самоопределение в принцип территориальной целостности. «Сдержки и противовесы» были принесены в жертву делу «национального строительства». Следствием такой «смены вех» стали этнополитические конфликты, переросшие в некоторых регионах (в особенности на Южном Кавказе) в «горячую фазу». По мнению президента Грузинского международного

* Цит. по: www.memo.ru/pravo/fund/pakt.66p.htm

** Никонов В.А. Назад к концепту // Россия в глобальной политике. — 2002. — № 1. — С. 85.

фонда международных и стратегических исследований Александра Рондели, подобная ситуация продемонстрировала неготовность элит Южного Кавказа к современному госстроительству. «Южный Кавказ был периферией Российской империи, но все же он был органичнее связан с остальным миром, нежели постсоветские Азербайджан, Армения и Грузия, в одночасье оказавшиеся суверенными государствами...»*. В итоге провала коммунистического эксперимента в национальных республиках, входивших в Союз, идеологию «интернационализма» сменила идея этнической собственности на землю.

Центральным элементом новой идентичности выступает «своя» земля, которая рассматривается как святыня, как нечто совершенно независимое от ее экономической или геополитической ценности. Между тем, если руководствоваться подобной логикой, все попытки разрешения межэтнического конфликта заранее обречены на провал. Например, если абхазской стороне предлагается план возвращения грузинских беженцев в Гальский район, где они были подавляющим большинством, то в качестве контраргумента выдвигается тезис о древней абхазской Самурзакани, где большинство было этнически абхазским. Когда же абхазскую элиту обвиняют в проведении этнической чистки, которой подверглись в 1993 году более 200 тысяч грузин (составлявших до войны более сорока пяти процентов, то есть численное большинство республики), она предъявляет материалы, свидетельствующие, что грузины оказались большинством в результате насильственной «грузинизации» абхазской территории, проводимой руководством Грузинской ССР.

В свою очередь грузинская сторона в ответ на обвинение в необоснованности силового подхода к разрешению абхазской проблемы выдвигает свою аргументацию: Абхазия — земля с автохтонным грузинским населением, исторически принадлежащая Грузии, и никто, кроме Грузии, не имеет права устанавливать там свои порядки. Сходным образом армянская сторона настаивает на древности своего появления на территории Карабаха, а азербайджанская напоминает о государственности своих соплеменников на той же территории (Иреванское, Нахчыванское, Карабахское ханства).

Очевидно, что при таком подходе общественно-политические «видения» мира конфликтующих сторон на Кавказе никогда не совместятся друг с другом. Для грузин борьба за Южную Осетию будет защитой грузинского Самачабло (то есть земли грузинских князей Мачабели) или Шида Картли (то есть «Внутренней Картли»), а для осетин борьбой против «малой империи». Армянская «историсофия» будет «брать план» Сумгаита и Баку, а азербайджанская ограничится только панорамой Ходжаллы. Грузинская сторона будет помнить одну лишь этническую чистку 1993 года, а абхазы — процесс насильственной грузинизации и вторжение войск Госсвета Грузии в августе 1992 года.

«Своя земля» как идеологический концепт предполагает приоритет этнической коллективной собственности. Этнос, и только он, может выступать верховным собственником и распорядителем земли. При этом (в отличие от обоснования прав собственности в гражданском праве) права на «свою землю» трактуются произвольно, исходя из исторического «презентизма», без учета реалий прошлого. Тот факт, что последовательное осуществление принципа *jus primaе occupationis* (право первого захвата) в конечном итоге обесценивает сам концепт «своей земли», обычно не учитывается. Для лидеров национальных движений здесь нет логического противоречия. Однако если следо-

* Рондели А. Южный Кавказ и Россия // Вестник Европы. — 2003. — Т. VII-VIII. С. 43.

Клас Ольденбург. Пистол. 1996

вать этой логике, то у греков не меньше прав на Абхазию, чем у абхазов и грузин, а один можно признать «заинтересованной стороной» в защите «своего» Карабаха.

Легитимизация власти в постсоветских государственных образованиях осуществлялась на основе «принципа крови» под лозунгом создания «своих» государств, выражающих интересы «своей» земли. Но следование этому принципу в конечном итоге заложило мину замедленного действия под легитимность новых государств и национальных образований. При этом под легитимностью следует понимать восприятие власти не только как законной, но и как выражающей интересы граждан.

«Один этнос — одно государство» — не самый лучший подход для обеспечения легитимности власти в странах с полиэтничным и поликонфессиональным населением и многочисленными образами «своих земель». Отсюда и возникновение непризнанных государств, которые, по мнению Томаса де Ваала, «не имеет смысла рассматривать... как временное явление, которое само по себе исчезнет».

Эти образования успели обзавестись многими атрибутами государственности — госсимволикой, правительством и парламентом, бюджетом, армией, полицейскими силами и структурами безопасности, разработали основы национальной идеологии. Однако, по словам того же автора, «не следует забывать, что эти образования утвердились как самоуправляющиеся единицы, только избавившись от больших сообществ...» А претензии на легитимность самопровозглашенных структур также основывались на апелляциях к «своей земле»*. Родившись в результате «бегства» от нелегитимности признанных образований Южного Кавказа, непризнанные государства сами оказались в той же ловушке. Абхазия оказалась чужой для грузин, а НКР для азербайджанцев. Круг замкнулся.

Было бы серьезной ошибкой считать ожидания признанных и непризнанных образований на постсоветском пространстве исключительно утопиями и иллюзиями. За этими утопиями стоит тысячелетний исторический опыт. В условиях обретения политической свободы социумы бывших советских национальных республик принялись спасать самое, с их точки зрения, дорогое — свою этническую идентичность. Но, признав ее наличие, не стоит впадать в другую крайность и абсолютизировать цивилизационную и культурную «уникальность» соответствующих локальных менталитетов. Если бы эта «уникальность» получала импульсы в замкнутом географическом (геополитическом) пространстве, можно было бы считать такое пространство особой этнографической территорией. Но в условиях глобализации «вызовы», исходящие от непризнанных государств, затрагивают не только интересы близлежащих стран, но и Европы, и США. Таким образом, необходимость международной кооперации ведущих государств мира в обеспечении легитимности на постсоветском пространстве диктуют вполне прагматичные соображения.

Поддержание очагов нестабильности на постсоветском пространстве нигде не принесло России существенных дивидендов. Реакцией на проармянский крен российской политики и поддержку НКР стало создание Культурного центра Чеченской Республики Ичкерия (январь 1995 г.) и офиса полпреда Ичкерии в Баку (1999 г.). «Неоценимую помощь в размещении беженцев нам оказал Азербайджан», — высказывался в свое время глава «внешней разведки» сепара-

* Ваал Т. де. Угрозы безопасности на Южном Кавказе // *Вестник Европы*. — 2003. — Т. VII–VIII.

тисткой Ичкерии Хож-Ахмед Нухаев*. Некоторое исправление азербайджанского вектора российской политики в 2000–2001 годах привело к экстрадиции ряда чеченских сепаратистов из Азербайджана и появлению «Открытого письма чеченских беженцев» президенту Азербайджана Гейдару Алиеву, в котором азербайджанская власть подверглась уничтожающей критике за «античеченскую политику». Проабхазский крен российской политики аукнулся эхом в Панкисском и Кодорском ущельях в 2001–2002 годах.

Вместе с тем очевидно, что разрешение своих социально-экономических и этнополитических проблем граждане непризнанных государств связывают с Россией. Просто «сдать» их было бы столь же непростительной ошибкой, как поддержать в одностороннем порядке в начале 1990-х годов. «Сдача» Южной Осетии и Абхазии повлечет за собой дестабилизацию этнополитической ситуации в Северной Осетии, Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Односторонние уступки России в карабахском урегулировании вызовут резкое неприятие многочисленной армянской диаспоры (хорошо структурированной и экономически сильной).

Как же приблизиться к разрешению проблемы непризнанных государств? Во-первых, понятно, что проблема непризнанных государств, отколовшихся от официально признанных, не решается в формате их совместных переговоров из-за отсутствия взаимного доверия и ресурсов для выполнения любых гарантий. Этот факт требует признания, а не политкорректного умолчания. Во-вторых, необходимо прагматичное, а не романтическое миротворчество. Иной выбор — дать судьбе свершиться и прибегнуть к «последнему доводу королей». Ясно, что реализация «фаталистического сценария» не принесет ничего, кроме очередной масштабной дестабилизации на просторах СНГ. Следовательно, прагматичное миротворчество безальтернативно. Но оно потребует отказа от любых умозрительных гуманитарных схем типа немедленного возвращения беженцев и предоставления отколовшимся непризнанным государствам особого статуса. Пора понять, что беженцы — это не старики и малые дети, а владельцы движимого и недвижимого имущества, кем-то давно занятого и обжитого. Поэтому беженцам должна быть выплачена компенсация за материальный и моральный ущерб и выделены средства на обустройство на новом месте при помощи международных финансовых институтов. Как бы, на первый взгляд, цинично ни выглядели подобные проекты — это единственная возможность избежать нового передела собственности, сфер влияния и обострения межэтнических отношений в Абхазии, НКР и, в меньшей степени, в Южной Осетии и Приднестровье.

Увы, но ради недопущения новых межэтнических эксцессов придется признать результаты этнических чисток начала 1990-х годов. Опыт Косово и Сербской Краины должен стать уроком-предостережением для постконфликтного урегулирования на постсоветском пространстве. Россия, Европейский союз и США могли бы выступить гарантами неперередела собственности и власти в непризнанных государствах. Очевидно, что только при условии гарантии сохранения завоеванных ресурсов (и административных рент!) нынешняя элита непризнанных государств, ставшая таковой благодаря военным успехам, сможет согласиться на существование в «матрешечном» (по дейтонскому образцу) признанном государстве.

* Лимит политического диалога с Россией еще не исчерпан (интервью с Хож-Ахмед Нухаевым) // *Зеркало* (Баку). 2000. — 22 января.

Национальные меньшинства, рынок и демократия*

Сегодня за пределами западного мира все чаще заявляет о себе феномен, превращающий демократию свободного рынка в инструмент разжигания национальной розни. Речь идет о доминировании на рынке тех этнических меньшинств, которые в силу каких-то причин устанавливают, порою в беспрецедентных масштабах, экономическое господство над коренным большинством.

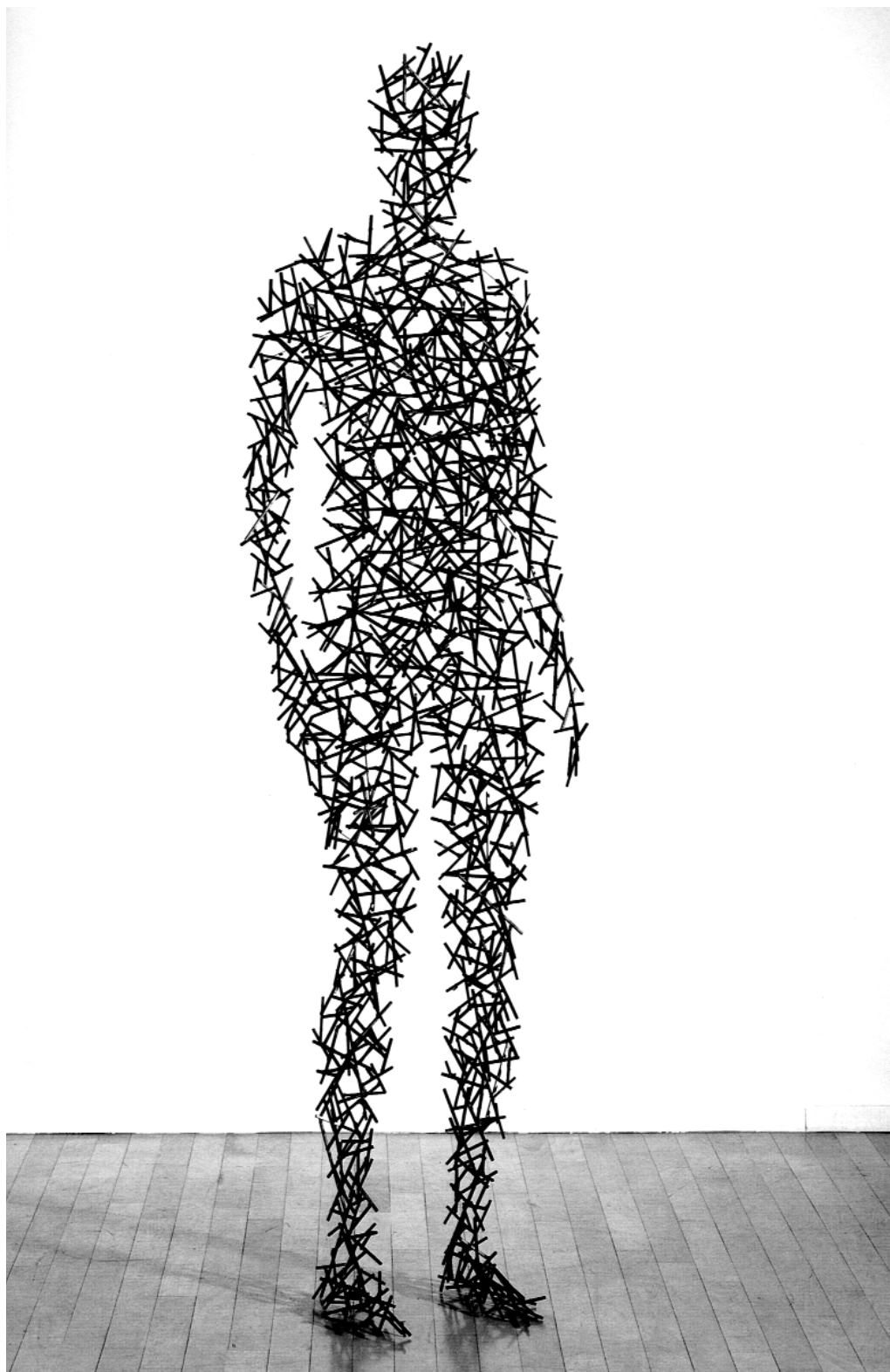
Эти доминирующие меньшинства можно наблюдать в любой части земного шара. Так, китайцы представляют подобное меньшинство на рынках Юго-Восточной Азии. В 1998 году китайцы, живущие в Индонезии и составляющие лишь три процента ее населения, контролировали около 70 процентов частного сектора экономики, включая все крупные корпорации. В Мьянме же они занимают господствующие позиции в экономике Мандалая и Рангуна. Белые составляют доминирующее на рынке меньшинство в Южной Африке, а также в Бразилии, Эквадоре, Гватемале и большинстве стран Латинской Америки. Индийцы исторически доминируют в Восточной Африке, ливанцы — в Западной Африке, народность ибо — в Нигерии. Хорватское меньшинство преобладало на рынке бывшей Югославии, евреи — на рынке посткоммунистической России (шесть из семи крупнейших олигархов имеют еврейские корни). В Индии подобное доминирующее меньшинство на общегосударственном уровне отсутствует, но зато такие меньшинства во множестве встречаются на уровне отдельных штатов.

Доминирующие на рынке меньшинства — «ахиллесова пята» нынешней демократии. В обществах, где они существуют, рынок и демократия благоприятствуют не просто отдельным людям или классам, но конкретным этническим группам. Рынки сосредотачивают капитал, причем нередко в поражающих воображение масштабах, в руках доминирующих меньшинств, тогда как демократия наделяет все большей политической властью разоренное большинство. При таких обстоятельствах борьба за демократизацию прокладывает дорогу потенциально губительному этническому национализму: негодующее коренное большинство, с

Эми Чуэ,
профессор права Йельского
университета (США)

* Статья представляет собой фрагмент книги: Amy Chua. *World on Fire*. — London: Heinemann, 2003 (ж-л Prospect, dec. 2003).

Энтони Гормли. Владение III. 1999

легкостью подстрекаемое лукавыми политиками, выступает против вызывающего зависть богатого меньшинства. В настоящее время подобные конфликты вспыхивают то в одной, то в другой стране — от Боливии до Сьерра-Леоне, от Индонезии до Зимбабве, от России до Ближнего Востока.

После событий 11 сентября описанный конфликт затронул и США. Американцы, конечно, не этническое меньшинство. Но они воспринимаются в качестве меньшинства, доминирующего на *мировом* рынке и обладающего непомерной экономической мощью. В результате они стали объектом всеобщего ожесточения, аналогичного тому, которое вызывают китайцы в Юго-Восточной Азии, белые поселенцы в Зимбабве или евреи в России.

Глобальный антиамериканизм имеет множество причин. Одна из них кроется в неуклонном содействии США утверждению свободного рынка и демократии. Во всем мире свободный рынок воспринимается как нечто, преумножающее благосостояние Соединенных Штатов и усиливающее их влияние. Вместе с тем популистские и демократические движения все более открыто выступают от имени обнищавших масс. В результате американцы сами навлекают на себя то, что турецкий писатель Орхан Памук назвал «гневом отверженных». Энтузиасты глобализации видят избавление от классовой ненависти и этнической нетерпимости в еще большем распространении свободной торговли и демократии. Под их совокупным воздействием государства постепенно превратятся в пацифистские процветающие сообщества, а их жители — в либерально настроенных, ответственных граждан и потребителей. Национальная ненависть и религиозный фанатизм уйдут навсегда.

Я же скорее убеждена в том, что в многочисленных мировых сообществах, где имеются доминирующие меньшинства, рынок и демократия *не могут* укорениться одновременно. Поскольку в подобных социумах рыночная экономика и демократия прино-

сят выгоды разным этническим группам, стремление к свободному рынку порождает общественную нестабильность. С абстрактной точки зрения положение большинства в будущем вполне может улучшиться — как раз этот вопрос, кстати, и находится в цен-

...популистские и демократические движения все более открыто выступают от имени обнищавших масс

тре глобализационных дебатов. Но что бы ни случилось, любое ощутимое улучшение положения большинства будет сведено к нулю по причине его неизменного отставания от ненавистного и преуспевающего меньшинства. Особенно унижительно то, что доминирующие на рынке меньшинства, наряду с их иностранными инвесторами, прочно держат под контролем богатейшие сектора экономики, которые зачастую составляют саму основу национального богатства — нефть в России и Венесуэле, алмазы в Южной Африке, серебро и олово в Боливии, нефрит, тиковую древесину и рубины в Мьянме.

Реакция на такое доминирование обычно принимает одну из трех форм. Во-первых, можно ожидать удара по самому рынку, который, как считается, благоприятствует развитию тех или иных меньшинств. Во-вторых, не исключена атака на демократию со стороны сил, покровительствующих меньшинствам. И третий вариант предполагает применение насилия против самого доминирующего меньшинства, вплоть до геноцида.

Примером первого типа реакции — этнически мотивированного удара по рынку — может служить Зимбабве. На протяжении нескольких лет Роберт Мугабе поощрял политику насильственного захвата фермерских угодий, принадлежавших белой части населения. Один из коренных жителей так аргументировал его действия: «Эта земля принадлежит нам. Ею не должны владеть чужаки. Ведь не владеют же черные землей в Ан-

глии». Сам Мугабе выразился еще более однозначно: «Наша цель — вселить страх в сердца белых, наших настоящих врагов». Большинство белых поселенцев являются зимбабвийцами уже в третьем поколении. Они составляют всего один процент населения, но контролируют 70 процентов лучших земель, в основном в виде наиболее производительных табачных и сахарных плантаций, по три тысячи акров каждая.

Наблюдая, как в результате массовых изъятий земли экономика Зимбабве входит в штопор, США и Великобритания вместе с многочисленными правозащитными организациями убеждали Мугабе уйти в отставку и провести «свободные и честные» выборы. Но было бы наивно полагать, что демократия решит все здешние проблемы. Возможно, не прибегнув к грязным методам, Мугабе и проиграл бы выборы 2002 года. Но даже будь оно так, не стоит забывать, что сам этот лидер — продукт демократического развития. Герой черного освободительного движения и талантливый политический манипулятор, он одержал победу на выборах 1980 года под лозунгом экспроприации земель белых. С тех пор, следуя своему обещанию, он выигрывает все выборы подряд. Кроме того, сама кампания Мугабе по изъятию земель выступает еще одним продуктом демократических процессов. Она была искусно спланирована накануне выборов 2000 и 2002 года и рассчитана на мобилизацию всеобщей поддержки в пользу пошатнувшегося режима.

В борьбе с экономически сильным этническим меньшинством численно преобладающее и бедное большинство далеко не всегда одерживает победу. Зачастую жертвой этого столкновения становится не рынок, а демократия. Широко известны примеры «патронажного капитализма», опирающегося на тесное сотрудничество контролирующего рынок этнических меньшинств и правителей-автократов. Так, например, филиппинский диктатор Фердинанд Маркос до своего свержения в 1986 году получал значительные доходы, покровительствуя богатейшим китайцам страны. Бывший президент Кении Moi, некогда призывавший африканцев «остерегаться злокозненных ази-

атов», пользовался поддержкой местных индийских магнатов. А причины недавней кровавой трагедии в Сьерра-Леоне во многом объясняются тем, что режим президента Сиаки Стивенса, провозгласившего себя в начале 1970-х годов диктатором, опирался на его альянс с пятью крупнейшими торговцами алмазами, ливанцами по происхождению.

В Сьерра-Леоне, как и во многих других странах, после объявления независимости в 1961 году были проведены антирыночные мероприятия, направленные против доминирующих на рынке этнических меньшинств. Население «европейского или азиатского происхождения», включая ливанцев, лишалось гражданства. Но политика Стивенса — позже к аналогичному подходу прибегли еще в ряде стран — оказалась в корне иной. Президент покровительствовал ливанцам, за что они, в свою очередь, используя деловые связи в Европе, Советском Союзе и США, отчисляли ему и его чиновникам существенную долю от получаемой прибыли (именно такие сети традиционных и отлаженных отношений с внешним миром предоставляют экономически активным меньшинствам преимущества в эпоху глобализации). За Стивенсом последовали другие лидеры, заключавшие подобные сделки; при этом они активно привлекают иностранный капитал и внешнюю помощь. В 1989-м и 1990-м годах МВФ поддерживал пакет реформ, предполагавший отмену дотаций на рис; в результате живущее в нищете население Сьерра-Леоне возложило ответственность за выросшие более чем в три раза цены именно на ливанцев. Так или иначе, но повстанческому лидеру Фодэю Санко не пришлось долго искать сторонников. Во всеобщем хаосе тогда погибли около 75 тысяч человек.

Всеобщая ненависть, направленная на уничтожение этнических меньшинств, — наиболее жестокая реакция на их доминирующее положение на рынке. В качестве недавних примеров такого рода можно сослаться на этнические чистки хорватов в некоторых частях бывшей Югославии, гонения на китайцев в Индонезии и массовые убийства представителей племени тутси в

Руанде. В каждом из этих случаев демократизация фактически дала выход долго сдерживаемой ненависти к процветающему этническому меньшинству.

В бывшей Югославии хорваты, наряду с словенцами, отличались поразительно высоким уровнем жизни по сравнению с сербами и другими этническими группами. Хорватия и Словения являются преимущественно католическими территориями, поддерживающими тесные связи с Западной Европой, тогда как православные сербы, населяющие суровый юг страны, в течение

веков жили под гнетом Османской империи. К началу 1990-х годов среднедушевой доход на севере в три раза превышал аналогичный показатель на юге. Нежданный переход к демократии оживил давнюю вражду. В 1989 году к власти в Сербии пришел Слободан Милошевич. В своей знаменитой речи, произнесенной в марте 1991 года, упоминая о хорвато-словенском рыночном господстве, он заявил: «Если придется сражаться — мы будем сражаться. Хотя, надеюсь, они не столь безумны, чтобы начать борьбу с нами, поскольку если мы и не знаем, как хорошо работать или делать деньги, то превосходно драться мы уж точно умеем!»

Критики глобализации обращают внимание на резкие дисбалансы, к которым приводит свободный рынок. Странники глобализации в ответ на это заявляют, что без всемирного утверждения рыночных отношений беднякам планеты жилось бы еще хуже. Исследования Всемирного банка подтверждают, что, за исключением большей части африканского континента, процесс глобализации выгоден как бедным, так и богатым жителям развивающихся стран. Однако спорящие стороны склонны рассматривать богатство и бедность с позиций классового, а не этнического конфликта. Возможно, это и имело бы смысл в развитом западном обществе, но этнические реалии «третьего мира» совершенно иные.

Антиглобализационное движение требует еще большей демократизации. Но пока де-

мократия понимается не иначе как неограниченное правление большинства, подобный курс был бы недальновидным — если не сказать опасным. Свержение диктатора Сухарто в мае 1998 года в Индонезии сопровождалось, например, взрывом насилия,

*Всеобщая ненависть,
направленная на уничтожение
этнических меньшинств, — наиболее
жестокая реакция на их доминирующее
положение на рынке*

направленного против китайцев. На протяжении трех дней владельцы китайских магазинчиков были вынуждены прятаться, в то время как толпы мусульман громили их лавки. В итоге две тысячи человек погибло, а десятки миллиардов долларов, принадлежавших китайским сторонникам Сухарто, были вывезены из страны, ввергнув экономику в кризис, от которого она не может оправиться до сих пор. Кроме того, новое индонезийское правительство провело национализацию китайской собственности на сумму около 58 миллиардов долларов (правда на Западе этот факт остался незамеченным).

«Рынок», «демократия», «этничность» — это понятия, с трудом поддающиеся определению. На Западе термин «рыночная экономика» применяют к широкому спектру экономических систем, базирующихся на частной собственности и конкуренции с различной степенью государственного регулирования. И все же на протяжении последних двадцати лет США насаждают по всему остальному миру одну-единственную, дикую разновидность рынка, которую сам Запад отверг сто лет назад. В России, например, практикуется 13-процентный подоходный налог, немыслимый для развитых демократий. Приемы, практикуемые сегодня за пределами западного мира, включают приватизацию, сокращение государственных дотаций, ослабление государственного контроля, свободную торговлю

и иностранные инвестиции. Как правило, они не предполагают социальной поддержки населения или перераспределения богатств.

Демократия также может принимать разнообразные формы. Используя термин «демо-

*...пока демократия понимается
не иначе как неограниченное правление
большинства*

кратизация», я имею в виду в основном предпринимаемые США попытки навязать всем прямые выборы и всеобщее избирательное право. Стоит заметить, что за всю историю ни одно западное государство не переходило к всеобщему избирательному праву в условиях «дикого капитализма». В США, например, за счет установленных штатами имущественных цензов бедняки на протяжении многих десятилетий после ратификации Конституции были лишены права избирать и быть избранными.

Между тем именно этнический компонент придает сочетанию свободного рынка и демократии взрывоопасный характер. Национальная принадлежность — постоянно меняющаяся, а отнюдь не статичная или научно фиксируемая категория. Так, в Руанде народность тутси, составлявшая всего 14 процентов населения, на протяжении четырех веков доминировала над численно превосходящими хуту, будучи своего рода скотоводческой аристократией. Однако в течение почти всего этого времени между тутси и хуту не было четкого разделения. Обе народности говорили на одном языке, заключались смешанные браки, а преуспевающие хуту без труда могли стать тутси. С приходом бельгийцев этому пришел конец; утвердились теории расового превосходства, а на основании длины носа и строения черепа стали выдавать удостоверения, определявшие национальную принадлежность. Итогом явилось жесткое этническое размежевание, которое впоследствии, особенно в начале 1990-х годов, когда США и Франция активно навязывали Руанде демо-

кратию, использовалось лидерами движения «Власть хуту». Аналогичная ситуация наблюдается сегодня в Латинской Америке, где, как считалось ранее, нет национальных различий, поскольку кровь предельно перемешана. Нищим боливийцам, чилийцам и перуанцам внезапно стали внушать, что они аймары, инки либо просто индейцы — в зависимости от того, какой национальный ярлык в данный момент наиболее способствует мобилизации.

Этническая идентичность не возникает на пустом месте. Субъективное ощущение идентичности зачастую зависит от объективных признаков индивида — таких как физические черты, языковые различия, происхождение. Если вы скажете черному или белому зимбабвийцу, что этничность есть лишь «социальная конструкция», то ваши слова не воспримут всерьез. В Зимбабве нет смешанных браков, равно как их нет и между китайцами и малайцами или арабами и израильянами. Этничность может быть как ощутимой реальностью, так и продуктом воображения — фактор изменчивый, непостоянный, однако достаточный для того, чтобы привести к кровавым последствиям. Вот что делает этнические конфликты столь сложными для понимания и сдерживания.

Я не предлагаю универсального для каждой развивающейся страны подхода. Безусловно, есть и такие развивающиеся страны, где доминирующих на рынке меньшинств вовсе нет — Китай и Аргентина, например. Я также не пытаюсь настаивать на том, что этнические конфликты провоцируются исключительно присутствием на рынке доминирующих меньшинств. Опровержением этому может служить множество примеров этнической ненависти, направленной против экономически притесненных групп. Наконец, я не разделяю и мнения, согласно которому этнические конфликты вспыхивают скорее при рыночной демократии, нежели при авторитаризме или коммунизме. Дело скорее в том, что в большинстве государств, где одновременно можно наблюдать всеобщую нищету и доминирующее на

Иван Кафка. Танец 1399–1995. 1995

рынке меньшинство, демократия и свободный рынок — по крайней мере в тех сырых формах, в которых они сегодня обычно насаждаются, — могут сосуществовать не иначе как в постоянных трениях друг с другом. В подобной ситуации стремление к свободному рынку в сочетании с демократизацией вероятней всего выльется в этнические конфликты. Это один из вопросов глобализации, которому за последние двадцать лет уделяли не слишком много внимания.

Так к чему мы в итоге пришли? Каково значение доминирующих на рынке меньшинств для национальной и международной политики? Такие наблюдатели, как Фарид Закария и Роберт Каплан, предлагают сдерживать демократию до той поры, пока блага свободного рынка не сделают ее достаточно устойчивой. В своей книге «Грядущая анархия» Каплан противопоставляет процветающий, но авторитарный Сингапур времен Ли Куан Ю «кровоточащей» демократии Колум-

бии, Руанды и Южной Африки. При этом он осуждает предпринимаемые Америкой после «холодной войны» попытки насадить демократию там, «где она никогда не приживется». По-видимому, это трезвая, но едва ли удовлетворительная оценка. По наблюдению некоего писателя, «если бы авторитаризм был ключом к процветанию, Африка стала бы богатейшим континентом планеты». Те, кто ищет себе Аугусто Пиночета или Альберто Фухимори, чаще всего обретают Иди Амина или «папу Дока» — Дювалье.

Наилучшим вариантом для экономики развивающихся и посткоммунистических стран стала бы такая форма рыночного развития, которая сочетает в себе демократические принципы и конституционные ограничения, адаптированные к местным реалиям. Однако, поскольку рыночной демократии суждено одержать победу во всемирном масштабе, нельзя обойти вниманием проблему доминирующих на рынке меньшинств.

Наиболее очевидным способом ее решения видится попытка путем устраивающих всех соглашений лишить отдельные группы превосходства на рынке. Например, предоставление образовательных и иных возможностей нищему большинству в Южной Африке и Латинской Америке должно всячески поддерживаться международным сообществом. Между тем проведенные исследования свидетельствуют, что инвестиции в образование, не сопровождаемые социально-экономическими реформами, принесут мало пользы.

Глубинные причины, обуславливающие экономическое доминирование отдельных групп, трудны для понимания и тем более для преодоления. Политический фаворитизм, часто осуждаемый в обществах с господствующими на рынке меньшинствами, скорее является следствием, нежели причиной экономического преобладания. Большая часть доминирующих на рынке меньшинств, будь то народность бамилеке в Камеруне или индийцы на Фиджи, пользуются непомерными экономическими преимуществами в любой общественной среде, вплоть до мелких лавочников, которые едва ли могут похвастаться высокими политическими связями. Действительно, многие из упомянутых выше меньшинств преуспевают, несмотря даже на официальную дискриминацию. И ни одно объяснение их успехов не обойдется без ссылок на умение строить внутрigrупповые сети, а также на такие неосязаемые факторы, как религия и культура.

Преодоление неравенства в развивающихся странах, если оно вообще возможно, будет длительным и болезненным процессом, который займет не одно поколение. А вот для того чтобы справиться с потенциально взрывоопасными ситуациями этнической вражды и национализма, угрожающими этим странам, необходимо предпринимать самые срочные меры. Предлагаемые Западом приемы перераспределения богатств — прогрессивное налогообложение, социаль-

ные гарантии, страхование по безработице — несомненно, должны использоваться, но они, по крайней мере в краткосрочной перспективе, не будут слишком эффективными. Зачастую просто нечего облагать налогом или перераспределять. Среди иных путей стоит упомянуть идею, изложенную перуанским экономистом Эрнандо де Сото в работе «Загадка капитала»*. Он предлагает наделить бедняков развивающегося мира формальными, обеспеченными законодательной защитой правами на землю, которую они фактически занимают, но на которую зачастую не имеют законного права. Подобный шаг облегчил бы их приобщение к рыночным отношениям.

Еще более противоречивой представляется стратегия прямого государственного вмешательства в рыночные отношения, направленного на восстановление экономического баланса между этническими группами. Наглядным примером здесь выступает «новая экономическая политика» (НЭП) в Малайзии, к которой власти обратились после прокатившейся по стране в 1969 году волны протестов бедных малайцев против экономического доминирования иностранных инвесторов и китайского меньшинства. Тогда малайское правительство установило жесткие этнические квоты на владение корпоративной собственностью, зачисление в университеты и прием на работу.

Во многих отношениях местным властям удалось добиться впечатляющих результатов. Несмотря на то что НЭП так и не вытаскила всех малайцев из нищеты, она способствовала формированию прочного среднего класса из коренного населения. С 1970 по 1992 год число малайцев, занимающих выгодные и доходные позиции, возросло с 6 до 32 процентов. Бывший премьер-министр Махатир Мохамад защищал проводимую политику следующим образом: «Благодаря появлению состоятельных малайцев бедняки, по крайней мере, уже не будут считать, что их судьба всецело во власти богатых иноземцев. С точки зрения расового

* Эрнандо де Сото. *Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире*. — М.: Олимп-Бизнес, 2001. — 272 с. (Прим. перев.)

самосознания, которое у нас до сих пор крепко, нарождение своих, малайских, магнатов просто необходимо».

Однако далеко не все страны опираются на такой уровень процветания, который позволяет проводить программы нэповского типа. Политика, защищающая находящееся в невыгодном положении *большинства* (а не *меньшинства*, что характерно для Запада), рискует привести к изоляции состоятельного и образованного меньшинства, которое может покинуть стра-

ну, лишив ее своих квалифицированных знаний и капиталовложений. Больше того, подобные программы могут обострить, а не сгладить межнациональные трения, особенно там, где сами политики выступают на стороне этнических группировок. Напомним, что Слободан Милошевич, по его собственному мнению, проводил политику в интересах давно эксплуатируемого большинства.

Так или иначе, но всемирной рыночной демократии стоит полагаться прежде всего на сами доминирующие меньшинства. По крайней мере они находятся в достаточно благоприятном положении, чтобы противостоять современным вызовам. Хотя, конечно, стоит признать, что некоторые из преобладающих на рынке меньшинств активно вовлечены во взяточничество, дискриминационные займы, эксплуатацию труда, и это значительно усиливает негативные национальные стереотипы и дискредитирует рыночную демократию. Например, в Индонезии «патронажный капитализм» диктатуры Сухарто зависел от горстки китайских магнатов, вызвав потом бурю негодования в отношении китайской общины в целом.

Если же свободной рыночной демократии суждено процветать, то доминирующим на рынке меньшинствам следует приносить более ощутимую пользу экономике тех территорий, на которых они живут и работают. В качестве наиболее известных примеров реализации данной модели можно сослаться на университет Найроби, который обязан своим существованием состоятельным ин-

дийцам Кении. Семейство Мадхвани, владеющее крупнейшим промышленным конгломератом, обеспечивает своих африканских служащих образованием, медицинским обслуживанием, жильем, а также нанимает африканцев на ведущие управленческие долж-

...доминирующим на рынке меньшинствам следует приносить более ощутимую пользу экономике тех территорий, на которых они живут и работают

ности. Россия являет необычный пример того, как еврей-миллионер Роман Абрамович, покровительствуя нуждающимся, выиграл губернаторские выборы на Чукотке — одной из беднейших российских территорий на Дальнем Востоке. Более типичным, однако, можно считать завоевание расположения этнических групп посредством национальных торгово-промышленных палат, клановых объединений и т.п.

Целью данной статьи было выявление непредвиденных последствий демократизации, а не обвинение кого бы то ни было. По моему мнению, в частности, результаты демократизации в Индонезии катастрофичны. Но если все же искать виновных в этом, я бы указала на тридцатилетнее авторитарное правление и «патронажный капитализм» Сухарто. Точно так же и в Ираке, с его сложной комбинацией религиозных и этнических групп, демократия может привести к нежелательным итогам. Но отнюдь не сама демократия выступает здесь причиной. Если уж и стоит кого-то обличать, то виноват в этом Саддам Хусейн, провоцировавший дробление иракского общества. Сказанное тем не менее не отменяет того факта, что ситуация во многих молодых государствах, сформированная их историей, колониализмом, политикой «разделяй и властвуй», авторитарией в сочетании с «диким капитализмом» и неограниченной тиранией большинства, может привести к всеобщему краху.

Перевела с английского
Дарья Захарова

*Клод Гоасген,
депутат Национального
собрания Франции*

Государство и частные интересы в глобальном мире

Отношения, складывающиеся между государством и частными интересами, можно охарактеризовать двумя словами – они непростые. Каковы бы ни были ситуация в стране, ее политическая система, уровень экономического развития – эти отношения представляют собой очень сложную проблему с тех пор, как появилось государство.

Во Франции роль государства традиционно очень сильная. Это закреплено и в ее Конституции. У англичан, итальянцев, немцев, испанцев совершенно иное понимание назначения государства. Франция же развивается в этом направлении, пожалуй, медленнее всех в Европе и, собственно говоря, не является либеральной страной. Такое положение вещей обусловлено ее историей. Франция сформирована государством. Она не была нацией до тех пор, пока сменявшие друг друга короли хитростью и силой ни объединили вокруг себя массу населения, которое не говорило на одном языке, не имело общей культуры и одинаковых прав. И то, что королям удалось создать, по сути и стало французским государством, своей мощью подавившим частные интересы. Если французов сравнивать с англичанами (я имею в виду вторую половину XX века, когда госпожа Тэтчер запустила процесс либерализации, который продолжают британские лейбористы), то во Франции и сегодня на первом месте находится государство, а уж потом – частные интересы. Тогда как в Британии – вначале гражданское общество, частные интересы и только затем государство. Во Франции, как я сказал, иные традиции, и поэтому было бы очень трудно сделать то, что сделала Тэтчер. Либеральная идеология во Франции – не та сфера, где расцветают политики. Мы скорее предпочитаем говорить о республике, о республиканских чувствах, чем о либерализме. А республиканские чувства есть не что иное, как ощущение принадлежности к единой нации, которая весьма успешно использует государство.

О доминировании государства во Франции свидетельствует прежде всего тот факт, что у нас слишком много государственных служащих. Практически каждый второй француз занят сегодня на государственной службе, то есть находится на содержании государства. Это означает, что реформы проводить очень сложно, по крайней мере те, которые не

отвечают интересам чиновников. Я сам был министром, занимался вопроса-ми государственной реформы, и у меня накопился горький опыт в данной сфере. Ознакомившись недавно с перечнем подлежащих ликвидации нерентабельных государственных структур, который опубликовал нынешний министр государственной реформы, я с удивлением обнаружил, что девять лет назад, будучи на его месте, уже ликвидировал эти структуры. Но они тем не менее выжили. Таким образом, государственная служба — очень мощный фактор, и его нельзя недооценивать. Сильное государство всегда ставит частные интересы в подчиненное положение, хотя, надо признать, ситуация в результате развивающихся сегодня процессов глобализации постепенно меняется.

*...государство обязано руководствоваться
в своей деятельности морально-этическими
принципами*

Разумеется, после Второй мировой войны Франция нуждалась в сильном государстве, которое взяло на себя руководство общественными работами, причем не в слишком транспарентных условиях. При этом были национализированы в первую очередь те предприятия, чьи хозяева сотрудничали с немцами во время войны. А что касается организации предпринимателей, называвшейся Национальным центром французского патроната, то она, в отличие от подобных организаций в Британии или Соединенных Штатах, не проявляла особой заботы о предприятиях, которые привыкли к субсидиям. Эта привычка, естественно, не укрепляет частные интересы и не способствует либерализации.

Короче говоря, государственное вмешательство в послевоенные годы было даже более сильным, чем того требовало восстановление экономики. Пришедший в 1958 году к власти генерал де Голль был привержен идее государственности; его мало интересовали проблемы экономики и внешней политики, он оставил их на усмотрение профессионалов из числа выпускников созданной тогда Национальной школы администрации. (В настоящее время они также занимают доминирующее положение в высших эшелонах государственной власти либо становятся политическими деятелями, причем как в правых, так и в левых партиях.) Лишь при Жорже Помпиду, который был премьер-министром при де Голле и сменил генерала на президентском посту в 1969 году, акционерные общества и частные компании начали набирать силу, что и стало фактически периодом рождения современного французского либерализма (чего не замечают французские историки).

Интеграция Франции в Европу позволила французскому либерализму выжить, так как Европа была более либеральной, чем Франция. Иначе страна оставалась бы гораздо более этатистской. Европа буквально подталкивает нас к либерализму; мы пообещали осуществить реформы, на которых настаивает Европейский союз. Однако при этом возникают серьезные социальные конфликты, поскольку французы довольно плохо представляют себе, что такое международный рынок, а правительство часто объясняет причины всех наших проблем требованиями именно европейцев, пытаясь тем самым переложить свои ошибки на плечи других.

Итак, наш умеренный либерализм обусловлен давлением со стороны Европы, и надо признать, что сегодняшнее правительство ведет себя не слишком ре-

шительно. Оно потеряло больше года, а это много для проведения реформ. Оппозиция набирает силу, отчего ситуация еще больше осложняется. На самом деле, когда Франция хочет провести реформу, она не понимает, что такое медленная реформа. Это страна, которая действует резко. У французов, в отличие от англичан, революционный темперамент. Они обожают государство, когда оно функционирует, но когда оно не работает, они рубят головы. Если

Сильное государство всегда ставит частные интересы в подчиненное положение

глава государства не делает то, что должен, его устраниют. Например, генерала де Голля французы убрали с помощью референдума, хотя именно он спас Республику. Либеральный дух жи-

дется на участии граждан в общественных делах, когда перемены созревают медленно, но верно. Во Франции же или ничего не движется, или, если движется, то слишком стремительно. И все же это весьма консервативная страна, отсюда наши постоянные трудности.

Тем не менее, несмотря на отставание с реформами, государству удалось снизить налоги. Напомню, что во Франции — после скандинавских стран — самые высокие налоги, однако платит их лишь половина французов, тогда как другая половина вообще ничего не платит. И тот, кто не платит, отнюдь не склонен участвовать в жизни общества, хотя при этом непрерывно требует большего. Те же, кто платит, считают, что платят слишком много. Так что вопрос социального обеспечения во Франции — очень серьезная политическая проблема. Наша касса социального обеспечения имеет сегодня более 30 миллиардов евродефицита — умопомрачительная цифра. Но реформировать кассу не удастся, поскольку каждый хочет сохранить удобную для себя систему социального обеспечения и не желает реформ.

Это не какая-то карикатура на французское общество, просто французы ведут себя иначе, чем, скажем, англичане. Черчилль в свое время говорил своему народу: «Я обещаю вам кровь и слезы». Если бы Черчилль сказал такое французам, он бы долго не продержался. Надо понять, что французы не хотят ни крови, ни слез.

Французы любят равенство, но для себя. Они не любят равенства, например, с арабами, что также создает трудности при реформировании отношений между государством и частными интересами. И все-таки, несмотря на эту упрощенную, но реальную картину, Франции удастся находить решения проблем. Изобретательность французов, умение выкручиваться, выискивать пути, которые, может быть, не всегда законны, велики. Поэтому Франция останется, скажем так, довольно крупной нацией со стабильно высоким уровнем развития. У нас есть бюджетный дефицит, но и немцы в таком же положении. И это притом что, как и немцы, французы принадлежат к романо-германской правовой семье, но первые просто помешаны на праве и всё хотят регламентировать. Современный же мир требует гибкости, и, возможно, поэтому (при жестком регламенте очень сложно адаптироваться) французы не так серьезны, хотя отношения между частным сектором и государством у нас тоже основываются на законе и регламентах. Все регулируется законами. А сколько законов принимается и не применяется! Мы зачастую обсуждаем за-

Кристина Иглесиас. Бамбуковый лес II. 1995

кон, в отношении которого точно знаем, что он никогда не будет применяться. Наш министр экологии, например, предложила десять лет назад абсурдный закон об обустройстве территории (то была последняя модная идея). Мы проводили ночи, обсуждая этот проект, и я жду, когда он наконец начнет применяться. Можно создать музей французских законов, которые никогда не применялись.

Итак, мы тоже на все смотрим сквозь призму регламентов и законов, и в этом отличие нашей правовой модели от англосаксонской. Именно потому, что у англосаксов меньше законов, они, пожалуй, более адаптированы к процессам глобализации. Правовая система у них больше основана на прецедентах и судебных решениях, чем на писаных законах, и поэтому роль судов там гораздо выше, чем у нас. Французские суды применяют законы иногда, может быть, плохо, но это их обязанность. Тогда как обычное право в Великобритании и США дает судьям возможность лично выносить судебные решения, разрешать конфликты между частными и государственными интересами.

Во Франции мы настолько государственники, что у нас существует нечто (меня, например, шокирующее, хотя я не либерал), совершенно немыслимое для либерала. Речь идет об административных судах, дела в которых разрешают не судьи, а государственные служащие. То есть государство не могут судить обычные судьи, у него собственные судьи — его же функционеры. Таким образом, единственный, кто не может реально предстать перед судом, — это государство. Сложилась довольно странная система, при которой государство обладает безнаказанностью. Прежде всего это относится к случаям коррупции в сфере общественных работ.

Частный же сектор предстает перед обычным судом, и поскольку контроль над судьями несовершенен, его надо совершенствовать, быть может, с помощью Европейского союза: гармонизация правовых форм в Европейском союзе, безусловно, приведет к изменению судебной практики и позволит судам играть более важную роль, чем сейчас. Противники этого процесса во Франции считают (отчасти справедливо), что речь в данном случае идет об американизации права. Но в международном контексте мне это представляется одной из тех редких областей, которую следует заимствовать, иначе мы будем сталкиваться со все более серьезными трудностями.

Есть общее пространство, где государственные и частные интересы пересекаются. Именно здесь и возникает коррупция. Коррупция существует во всем мире; проблема, однако, в том, до какой степени она пронизывает все ткани общества, ибо есть предел, который нельзя переступать. Нельзя допустить, чтобы отношения между государством и частными интересами приводили к параличу общества, потому что иначе под угрозой ставится само его существование.

Коррупция во Франции, как я уже сказал, процветает прежде всего в госсекторе, что особенно заметно на примере армии. Примерно год назад у нас прошли громкие процессы по поставкам для армии; несколько генералов были обвинены в злоупотреблении служебным положением, в неправильном использовании средств. Но государственные и частные интересы сталкиваются и в таких сферах, как строительство дорог, поставки оборудования для больниц и т.д. Все эти работы оплачиваются из госбюджета, что, естественно, создает питательную среду для финансовых манипуляций. Наметившаяся в последнее время децентрализация, расширяющая prerogatives местных властей по проведению тендеров, также открывает большие возможности для злоупотреблений, если учесть, что мэры и разного рода руководители возглавляют при этом дорогостоящие общественные работы, будучи — по закону — их фактическими хозяевами. Из-за бесконечных скандалов десять лет

назад во Франции был принят новый кодекс общественных работ. Но он оказался настолько сложным, что практически парализовал общественные работы; сейчас наши законодатели его упрощают.

О политических партиях, которые одновременно представляют во Франции частные и государственные интересы. Совершенно очевидно, что правительство, сформированное одной партией, при управлении общественными работами будет в интересах партии брать взятки. Скандалы по этому поводу вспыхивают во многих странах Европы. Французы в этой связи приняли в 1993 году соответствующий закон. Теперь политические партии имеют у нас право получать

*Нельзя допустить, чтобы отношения
между государством и частными
интересами приводили к параличу
общества*

деньги лишь от тех частных лиц, фамилии которых публикуются в официальном бюллетене, а полученная сумма не должна превышать определенный, очень скромный, порог. В основном же партии финансируются государством с учетом результатов выборов, так что каждый процент на выборах приносит доход. Надо сказать, что эта модель, при всех ее недостатках, разрушила в этой сфере основу коррупции.

Разумеется, борьба с коррупцией не может быть успешной вне судебной системы, в связи с чем вновь встает вопрос о роли судей. Очень важно обеспечить их независимость. Судья должен иметь в обществе достойный его ранга статус, в первую очередь материальный. Судьям надо платить так же, как высокопоставленным бюрократам. Когда руководителям хорошо платят за статус, это часто бывает лучшим способом борьбы с коррупцией. Итак, необходима независимость судей и их ответственность.

Ответственность судей во Франции — проблема, до сих пор не урегулированная. У нас в целом хороший, квалифицированный судебный корпус, но судьи никому не подотчетны. Они заканчивают Национальную школу судей в 25 лет и после этого в их руках сосредоточивается почти неограниченная власть: они могут осудить человека на пожизненный срок или наложить безумный штраф. Между тем и судьи могут ошибаться. Американцы, например, имеют выборную систему судей, что тоже не слишком хорошо, поскольку это не избавляет их от давления частных структур. В Британии, может быть, более работоспособная, саморегулирующаяся система, которая предусматривает приглашение судей из среды успешных адвокатов. Профессия судьи в Британии очень престижна, и, хотя за нее мало платят, крупным адвокатам льстит, когда их приглашают в судьи. Эти люди знают, что такое бизнес, гражданское общество и имеют ясное представление о границах своей профессии. Тогда как французские судьи далеки от проблем гражданского общества.

Мой рассказ был бы неполным, если бы я не уделил внимания наиболее актуальной теме — отношениям частных интересов и государства в условиях глобализации.

Ясно, что мы движемся, учитывая огромный поток информации и масштабы современной экономики, к глобальному обществу, когда необходимо приня-

тие серьезного законодательства, которое было бы адаптировано к сегодняшним условиям и не позволяло процветать, прежде всего, коррупции.

То есть необходимо начать формировать некий набор общих правил и непременно ввести моральную составляющую в функционирование международных рынков. Иначе сегодняшняя либерализация, предоставляющая простор для финансовых махинаций и развязывающая руки мафиозным структурам и террористам, будет и впредь подрывать все наши реформаторские усилия. И не исключено, что в результате может появиться какое-то новое общество, вообще освобожденное от морали. Но я надеюсь, что понятия этического и морального все-таки возродятся, и мы вспомним о Всеобщей декларации прав человека ООН, которая была принята еще в 1948 году. Этот документ был направлен в будущее, и к нему непременно вернутся, поскольку речь в Декларации фактически впервые шла о том, что могло бы стать основой международной морали. Я уверен, в ближайшие годы мы станем возвращаться к забытым ценностям, и у нас появятся общие договоренности на основе этих ценностей, в том числе и с исламским обществом, обладающим, как известно, своей моралью и своими этическими принципами. Это абсолютно другая культура, но если мы будем разрабатывать международные нормы, то сможем договориться, выработать общий язык.

Парадокс современного общества состоит в том, что процесс глобализации определяется в первую очередь телекоммуникациями. Их развитие происходило подобно взрыву, и они вырвались далеко вперед, тогда как глобализация экономики и политики отстают.

За последние десять лет мир радикально изменился. Глобализация автоматически снижает роль государства, если учесть, что производство товаров и услуг переносится в страны, где их себестоимость ниже. Территория, границы государств становятся все более относительными, и, собственно, поэтому современному государству предстоят глубокие функциональные изменения, чтобы соответствовать своей новой роли в глобальном обществе. Оно должно более четко определить сферу своего вмешательства, передавая некоторые свои функции, например оказание услуг в области здравоохранения, транспорта, связи, частному сектору. Разумеется, есть функции, без которых государство немислимо, такие как международное представительство, армия, полиция. Но и в этом случае оно должно быть более эффективным и качественным и опираться на квалифицированные кадры. И при этом государство обязано руководствоваться в своей деятельности морально-этическими принципами.

Глобализация в конечном итоге приведет к тому, что возникнут политические международные нормы. Мы вступаем в глобальные международные отношения, которые чреваты огромными трудностями. Но избежать их, имея телевидение, спутники, паутину Интернета, опутавшую все население земли, — нельзя. Поэтому нужны всеобщие ценности, поддерживаемые различными государствами и культурами. Тогда, хочется верить, планета сможет управлять своей судьбой.

«Столыпинский центр» – общественный экспертно-аналитический проект, созданный в августе 2004 года. Задачи Центра – переосмысление идейных и стратегических основ правой политики, формулирование повестки дня российской политики, адекватной современным вызовам.

Председатель совета Центра – Михаил Емельянов; директор Центра – Юрий Гиренко. Доклад о тенденциях и перспективах современного политического развития России был подготовлен в феврале 2005 года.

Публикуется сокращенный вариант доклада; с полным его текстом можно ознакомиться на сайте www.stolypin-center.ru.

Выбор для России: национальная модернизация

Тенденции и перспективы политического развития современной России

В 2004 году в России не случилось ни экономического краха, ни социального взрыва, ни масштабного политического кризиса, но в течение всего года происходило неуклонное нарастание напряженности, охватившее все сферы жизни общества. Наблюдались:

- рост террористической опасности;
- стагнационные тенденции в экономическом развитии;
- обострение внешнеполитической ситуации и симптомы международной изоляции;
- деградация публичной политики;
- нарастающая неадекватность политических субъектов.

Последнее обстоятельство особенно важно. Ключевые решения, принимавшиеся в 2004 году на высшем государственном уровне, в лучшем случае не имели отношения к действительно существующим проблемам, а в худшем усугубляли ситуацию (самые характерные примеры – монетизация социальных льгот и формирование «вертикали власти»). При этом отсутствие адекватности демонстрировали не только руководители государственных структур, но и политический класс в целом. Как в институтах власти, так и в оппозиционных кругах нет определенной стратегии, что означает отсутствие возможности разрядки существующих зон напряженности. В результате сразу по завершении 2004 года произошло два события, зафиксировавшие нахождение страны на кризисном пути раз-

вития: 1. Возобновление «уличной политики»; 2. Утрата устойчивости «путинского большинства».

Для политического класса оба эти события оказались неожиданными, и его реакция была столь же неадекватной, как и в течение всего 2004 года: органы власти растеряны, а оппозиционные деятели все больше впадают в революционаризм, не осознавая всей глубины социальной опасности подобного поведения. Это означает, что кризисные тенденции продолжают усиливаться, а возможность их преодоления зависит прежде всего от способности элиты осознать реальную повестку дня, ответить на вызовы и предотвратить угрозы.

Повестка дня

Комплекс сегодняшних вызовов России характеризуется двумя ключевыми понятиями: стабилизация и модернизация. Российские вызовы имеет смысл сгруппировать по четырем сферам: экономической, внутриполитической, внешнеполитической и культурной, каждая из которых должна быть и модернизирована, и стабилизирована:

- строительство национальной модели экономики;
- строительство системы государственных институтов;
- внешнее позиционирование нации;
- формирование гражданской нации.

В течение 2004 года выявились три основные угрозы, каждая из которых чревата

провалом как модернизации, так и стабилизации.

Во-первых, это бюрократизация, проявляющаяся в нарастающей избыточности государства в общественной и экономической жизни, а также в преобладании силового начала в самом государстве.

Во-вторых, растет угроза внешней изоляции страны. В 90-х годах Россия утратила почти все влияние на международной арене, а ее попытки восстановиться в качестве самостоятельного субъекта мировой политики встречают сильное противодействие ведущих государств мира, стремящихся сохранить аутсайдерское положение России, окружив ее кольцом лимитрофных государств. Возникает риск изоляции и автаркизации страны.

В-третьих (и эта угроза представляется наиболее реальной и разрушительной), растет опасность политической энтропии: минимизация публичности, коррупция, неадекватность политического класса, растущая делегитимация политических и общественных институтов — все это может привести не просто к дестабилизации и задержке модернизации, но к распадению государственности как таковой.

Российское общество и политический класс

В настоящее время российский социум делится на несколько страт, различающихся по своим идейно-политическим ориентирам.

До недавнего времени самой массовой из этих страт были *советские люди*, чей общественный идеал сводится к восстановлению СССР времен «развитого социализма». По сей день к этой категории принадлежит значительная часть населения России, однако ее реальный вес в общественно-политической жизни в 2003–2004 годах резко сократился. Советская элита утрачивает политическую субъектность.

Политическую арену современной России занимают две группы, сформировавшиеся во время революции 1986–1999 годов, и ведущую роль играет одна из них — бюрократия (самоназвание — «государственники» и «патриоты»). Нынешняя российская бюрократия наследует как советскую, так и им-

перскую бюрократическую традиции, но не тождественна им. Ядро бюрократии составляют «тимократы» — высшие офицеры силовых структур, занимающие сейчас ведущие позиции в государственном аппарате. Политическое представительство бюрократических интересов осуществляется также значительной частью бизнеса, экспертно-технологического сообщества, рядом партийных политиков и функционеров «третьего сектора». При этом у бюрократической пирамиды очень узкое основание: ее массовая база, включающая все эшелоны чиновничества и административную клиентелу, невелика. Бюрократия располагает мощными властными, экономическими, информационными ресурсами, которые к тому же постоянно наращивает, однако чем дальше заходит процесс бюрократической монополизации, тем фактически слабее становится сама бюрократия, так как монополизация ведет к эрозии государственной системы.

Главным ее оппонентом являются компрадоры (их самоназвания — «либералы» и «демократы»). Ядро этой страты составляет компрадорская буржуазия, эксплуатирующая сырьевые ресурсы страны. В компрадорскую элиту входят также публичные лидеры 90-х и большинство представителей экспертного и медийного сообществ. Как и у бюрократии, у компрадорской элиты узкое «основание пирамиды», в основном включающее «разночинную» интеллигенцию. Ресурсный потенциал компрадорской элиты сокращается, но все еще достаточно велик; она контролирует социально-экономическую политику; пользуется содействием ведущих государств Запада. Политическая позиция компрадоров скорее реактивна, чем проактивна, что парадоксальным образом играет для них положительную роль: при явных провалах государственной политики роль и значение компрадорской элиты, закрепившей за собой статус «демократической оппозиции», возрастают. Но резервы роста у этой элиты еще меньше, чем у бюрократической. У нее, по сути, нет опоры ни внутри страны, национальные интересы которой чужды компрадорам по определению, ни за ее пределами: сегодня Запад уже не стремится включить Россию в свою орбиту.

Относительное большинство граждан России не принадлежит ни к одной из названных групп. У них уже есть свой идеал (хотя еще довольно невнятный), отличающийся и от советского, и от бюрократического, и от компрадорского. Эту группу можно условно назвать «третьим сословием». Его ядро — национальная элита — еще не вполне сформирована, хотя уже появились некоторые ее составляющие, такие как складывающаяся национальная буржуазия и национально-ориентированные элементы экспертного, медийного и политического сообществ. Этот круг быстро расширяется, но остается неконсолидированным. При этом массовая база у национальной элиты самая широкая и расширяющаяся по мере эрозии советского социума. Это средний и мелкий бизнес, «новые профессионалы», молодежь.

Но самостоятельность национальной элиты ограничена, поскольку ее интересы почти не артикулированы, притом работает инерция, привязывающая ее к бюрократии, отождествляемой с государством, или к компрадорам, якобы представляющим бизнес. Национальная элита разрознена: буржуазия мало связана с интеллектуалами, да и внутри экономической и интеллектуальной элит существуют большие противоречия. В структурах власти она почти не представлена, но возможности ее роста очевидны. Происходящие сдвиги в социальной структуре постоянно меняют соотношение сил в пользу «третьего сословия». Ресурсы национальной элиты (прежде всего экономические) не консолидированы, но также велики. Ее консолидацию стимулируют очевидные симптомы надвигающегося кризиса и явная неспособность бюрократической и компрадорской элит с ним справиться.

Проекты развития

Бюрократический и компрадорский проекты прочитываются в решениях, принимаемых на федеральном уровне власти. Главные черты национального проекта обозначены в публикациях отдельных экспертов и в программно-политических документах организаций, претендующих на политическое представительство «третьего сосло-

вия». Надо отметить, что внятного и последовательного изложения нет ни в одном из трех случаев, и это означает, что реализация любого из них не может быть простой и беспроблемной.

Бюрократический проект основывается на патриотизме и антилиберализме. Бюрократия пытается легитимизировать свое политическое господство через создание широкого патриотического консенсуса. Из сегодняшних угроз она акцентирует только одну — внешнюю. Поэтому бюрократическая версия патриотизма крайне примитивна: это шовинизм, основанный на противопоставлении «нас» всем «не нашим». Таким путем бюрократия хочет решить проблему национальной самоидентификации. В экономике предполагается государственный капитализм (контроль со стороны государства должен обеспечить стабильность и социальность), во внутренней политике — «вертикаль» (тем самым должны исключаться разрушительные конфликты), во внешней политике — изоляционизм (это должно оградить страну от разрушительных чуждых влияний).

Компрадорский проект в исходных посылах прямо противоположен бюрократическому: западничество и либерализм. Компрадоры хотят решить проблемы идентичности и легитимности путем утверждения либерального консенсуса в ущерб национальному. Они тоже видят лишь одну угрозу, и это угроза авторитаризма. Потому их ответы на вызовы, составляющие повестку дня, основаны на либеральном фундаментализме в экономике («рынок все поставит на свои места»), нормативной демократии во внутренней политике («брать пример с цивилизованных стран») и интеграционном оппортунизме — во внешней («чем больше открытости, тем скорее мы станем частью мирового сообщества»).

Национальный проект исходит как из патриотических, так и из либеральных установок; причем и те и другие носят скорее стихийный, чем осознанный характер. Успех национального проекта предполагает сочетание патриотического и либерального консенсуса, через которое и достигается самоидентификация гражданской нации. Такое сочетание для российской политической традиции внове, а потому требует глубокой проработ-

ки — в то время как именно в проработанности национальный проект уступает и компрадорскому, и бюрократическому. Национальные ответы на современные вызовы также не отличаются детализацией. В экономике предполагается развитие свободного рынка, защищаемого национальным государством. Во внутренней политике — строительство институтов гражданской нации. Во внешней политике — национальный эгоизм. Что касается угроз, в национальной элите осознаются все три существующие опасности, из которых самой серьезной видится риск распада государственности из-за политического паралича.

Модели политического поведения

Практическая реализация описанных проектов требует от их сторонников формирования моделей политического поведения, адекватных целям проекта. О существовании таких моделей сегодня можно говорить применительно к бюрократии и компрадорству. Что же касается национального проекта, то у него все еще нет политического выражения, а потому нет и определенной модели.

Бюрократическая и компрадорская модели во многом сходны между собой. Это обусловлено тем, что у них общий противник — «путинский консенсус»: то есть политический режим, в котором главные государственные институты находятся в совместном пользовании бюрократии и компрадорства, первая из которых контролирует политическую часть, вторая — экономическую; баланс поддерживает президент В.В. Путин и назначенные им исполнители. В условиях нарастания кризисных явлений обе элитные группы уже не видят смысла в сохранении баланса, а потому путинская система становится для них помехой.

Как бюрократы, так и компрадоры пользуются тактикой «двух рук». Это означает, что их представители находятся и у власти, и в оппозиции. Приоритет той или другой «колоне» отдается в зависимости от конкретной ситуации: элиты еще не решаются на радикальную ломку системы. Их сдерживает остающийся недостижимым для других политических лидеров авторитет президента,

риск лобового столкновения между собой и неуверенность в своих силах. Основная текущая цель бюрократов и компрадоров — постепенный подрыв «путинского консенсуса». Пока он не ликвидирован, бюрократы и компрадоры реализуют свои тактические задачи в рамках консенсуса, стараясь переложить ответственность на конкурентов и на президента как хранителя баланса.

Бюрократы и компрадоры расходятся в понимании стратегических задач и путей их решения после ликвидации консенсуса. Они готовятся к непосредственному конфликту, в котором намереваются использовать разные методы. Бюрократия намерена заменить путинскую систему авторитарным режимом, а потому занимается укреплением спецслужб и сосредоточением в своих руках материальных ресурсов. Компрадорская элита проводит информационную подготовку «оранжевого» переворота, усиливая критику авторитаризма. Она нацелена на революционный путь восстановления «демократии», то есть режима 90-х годов.

Сторонники национального проекта в обостряющемся конфликте почти не участвуют. Задача консолидации национальной элиты только недавно стала формулироваться экспертами (например, Л.И. Радзиховским), а сегодня у этой элиты нет ни административных и информационных ресурсов политического участия, ни явного центра кристаллизации, ни — что особенно важно — осознания необходимости консолидации и участия.

Вероятности

Для России — особенно при том, что все три проекта ее развития недостаточно осознаны и сформулированы, — решающее значение для выбора пути имеет позиция первого лица государства, в данном случае президента В.В. Путина. Его деятельность на президентском посту не дает возможности четко причислить главу государства к одной из обозначенных групп. На уровне деклараций и постановки задач он скорее тяготеет к национальному проекту. Программно-идеологическая составляющая его деятельности имеет заметный компрадор-

ский уклон. Что же касается практики, она носит преимущественно бюрократический характер. Можно сказать, что президент, для которого высокий рейтинг является главным инструментом сохранения власти, пытается удержать баланс между основными группами таким образом, чтобы отражать все существующие в обществе мнения. Чем дальше расходятся векторы развития основных политических акторов, тем труднее президенту сохранять равновесие.

При построении прогноза необходимо также учитывать внешний фактор, и прежде всего позицию стран Запада. Укрепляющееся там доминирование интервенционистов ведет к воспроизведению методологии «холодной войны», то есть установке на окружение России лимитрофными государствами при минимуме вмешательства в ее внутреннюю политику. По факту такая политика работает на бюрократический проект.

Бюрократический проект уже реализуется, но и препятствия ему усиливаются. Шансы бюрократии эродировать (особенно это касается массовой поддержки). Тенденция — постепенное выхолащивание авторитарного начала, по мере которого более внятные очертания приобретает компрадорский проект, хотя и для него не становится меньше препятствий. В компрадорской элите нарастает революционаризм в отсутствие потенциальных революционеров. Возможны попытки технологическим путем сформировать революционную коалицию и реализовать «оранжевый» сценарий, но успеху такого рода попыток мешает отсутствие у компрадорских лидеров политической воли и недостаточная помощь извне. Поэтому его основная тенденция — профанирование.

Важно отметить, что, хотя устойчивость «путинского консенсуса» подорвана и конфликт нарастает, потенциал сохранения status quo еще достаточно велик. У государства еще остаются значительные финансовые ресурсы для поддержания относительной стабильности: прибыли от продажи нефти и газа, средства стабилизационного фонда, доходы от продажи собственности. С учетом дефицита политической воли (как у бюрократии, так и у компрадорской

элиты) это создает вероятность инерционного характера развития страны.

Национальный проект формулируется очень медленно, а сопротивление ему усиливается. В то же время общественная потребность в таком решении растет. Тенденция развития национального проекта противоречива, и можно предположить, что к 2008 году национальный проект либо станет безусловно доминирующим, либо потерпит полное поражение.

Сценарии

С учетом вышеизложенного мы видим пять возможных вариантов развития России в ближайшие три-четыре года.

Инерционный сценарий

Условия реализации: сохранение существующей расстановки сил; снижение западной активности в СНГ (вероятнее всего из-за отвлечения на проблемы Ближнего или Дальнего Востока); благоприятная экономическая конъюнктура, позволяющая сработать компенсирующим факторам (наличие стабилизационного фонда, высокие цены на энергоносители, бюджетный профицит); сохранение высокого рейтинга президента.

Если эти факторы сработают, то нарастание напряженности может не привести к разрушительным последствиям, ни одна из сил не решится сломать «путинский консенсус» и политический процесс не выйдет за правовые рамки. В этом случае кризисные тенденции постепенно затухают; выборы проходят по графику в конце 2007 — начале 2008 года и завершаются победой назначенного В.В. Путиным преемника, nasledующего консенсусную модель.

Инерционный сценарий менее болезнен, чем остальные, однако его благополучие мнимое, поскольку все проблемы, породившие нынешний кризис, сохраняются и потенциал напряженности остается. Инерционное развитие дает лишь отсрочку кризиса на несколько лет, затем все неизбежно повторится, причем условия будут еще хуже, так как проблемы накапливаются, не находя решения.

Авторитарно-автаркический сценарий

Условия: ухудшение экономической конъюнктуры, дальнейший рост активности Запада в СНГ — при невмешательстве в российский дела; падение рейтинга Путина и появление у бюрократии яркого лидера или группы лидеров.

Если расклад будет таким, то бюрократия может найти в себе силы для крайних мер. Тогда можно ожидать отстранения Путина по «форосскому» сценарию, который будет подготовлен лучше, чем в 1991 году. Скорее это произойдет до начала федеральной избирательной кампании, чтобы исключить возможность назначения Путиным преемника. Новые лидеры жестко подавляют оппозицию, проводят показательные конфискации крупных состояний, ускоренными темпами восстанавливают государственный патернализм и создают дирижистские механизмы управления экономикой. Никакого организованного сопротивления их действия не встречают, и в стране быстро формируется военно-авторитарный режим, легитимизирующий себя демонстрацией антизападничества и ревизией преобразований 90-х годов.

Жизнеспособность такого режима будет поддерживаться продажей сырья, то есть Запад фактически выступит в роли спонсора авторитарического авторитаризма в России, существование которого позволит ему вернуться к привычной модели глобальной политики и лишит Россию международного влияния. К моменту нового падения (а авторитарный режим в нашей стране уже не может быть долговечным) Россия будет бедной страной, не имеющей никаких шансов на возрождение.

Революционно-колониальный сценарий

Условия: при ухудшении конъюнктуры бюрократы не решаются нарушить «путинский консенсус»; рейтинг президента падает, и вместе с ним падает влияние бюрократии, на которую возлагается ответственность за все провалы последних лет; Запад по инерции помогает российским компрадорам и спонсирует «оранжевую революцию» в России; у компрадоров появляется авторитетный лидер.

При таких условиях компрадоры, выступающие в роли защитников демократии, осуществляют при поддержке Запада революционный переворот по «оранжевому» сценарию. Скорее всего, это произойдет во время выборов, как то было в Югославии, Грузии и на Украине. Компрадорский режим восстанавливает систему институтов и правил времен «директории» 1996—2000 годов и еще больше интенсифицирует приспособление российской экономики и государства к западным условиям. Неизбежно происходит экономический спад, компенсируемый западной помощью. Бессилие новой власти может быть скомпенсировано только фактическим установлением протектората великих держав над Россией, причем гораздо более жесткого, чем в 90-х годах. Таким образом, революция превращает страну в колонию, и ее дальнейшая судьба целиком зависит от внешних сил.

Стагнационно-деструктивный сценарий

Условия: сохранение и усугубление кризисных тенденций, а также неизменность расстановки сил; нехватка ресурсов для сохранения «путинского консенсуса»; отсутствие консолидированной национальной элиты и сохранение «двоевластия» бюрократов и компрадоров, состояние которых остается таким же, как сейчас.

При таких условиях бюрократы и компрадоры будут только имитировать попытки продвижения своих проектов. Растет социальная энтропия, которая может достичь пика не ранее начала 2006-го и не позднее декабря 2007 года. Если ситуация не сломается до парламентских выборов 2007 года, инициативу могут попытаться перехватить компрадоры, используя сербско-грузинско-украинский сценарий. Однако без условий, благоприятных для революционно-колониального сценария, возможности получения ими массовой поддержки за пределами столицы сомнительны, а потому революция, скорее всего, будет подавлена провинцией (вариант «Парижская Коммуна»).

Если слом произойдет раньше, то вероятно формирование из остатков советской элиты и маргинальных элементов бюрократии коалиции радикально-популистских сил фашистского толка (вариант «Поход чернору-

башечников на Рим»). Так или иначе в итоге наиболее вероятен приход к власти фашиствующих маргиналов, симулирующих авторитаризм и конфронтацию с Западом, но обеспечивающих функционирование экономики за счет продажи Западу сырья. Россия в таком случае окончательно потеряет влияние в СНГ и соответственно в мире вообще. От падения на уровень failed state страну могут удержать только западные вливания, но в силу российских масштабов их вряд ли будет достаточно для поддержания стабильности. Далее с большой долей вероятности может последовать распад страны на несколько государств («латиноамериканизация»), что закроет последнюю страницу истории России как единого государства.

Национально-модернизационный сценарий

Условия: национальной элите удастся преодолеть сопротивление бюрократии и компрадорства (скорее всего, за счет нарастания внутренних конфликтов в старых элитах). Необходимым условием консолидации национальной элиты является появление национального лидера, противопоставляющего себя и бюрократии, и компрадорам. В этом случае возникает возможность для формирования новой массовой политической силы, нацеленной на реализацию национального проекта.

Такая сила может стать фактором политической стабилизации, не дающим реализовать ни «чернорубашечный», ни «оранжевый» варианты. Электоральный цикл при таком развитии событий завершится в соответствии с законодательством, и это даст возможность новой силе прийти к власти, что позволит возобновить процесс модернизации, который на сегодня практически остановился. Это означало бы, что российская нация получает свой исторический шанс.

Задачи национальной модернизации

Мы полагаем, что реализация национального проекта для России — единственно возможный путь из тупика. Очевидно, что сегодняшняя политическая элита — ни в

бюрократической, ни в компрадорской ипостаси — реализовать этот проект не может и не хочет. Период, начавшийся в 2004 году, в этом смысле переломный: Россия либо успешно решит задачи постреволюционной стабилизации, национальной самоидентификации и модернизации, либо прекратит существование как единое государство. Чтобы избежать второго, в течение ближайших двух-трех лет должны быть решены три первоочередные задачи:

Артикуляция национального проекта

Проект должен быть детально проработан на экспертном уровне, сформулирован для массового восприятия и введен в политический оборот.

Консолидация национальной элиты

Сплочение национально-ориентированных профессиональных сообществ — делового, экспертного, журналистского. Установление прочных связей между этими сообществами. Формирование политической и информационной инфраструктуры, то есть массовой партии, сети общественных объединений и проектов, средств массовой информации, экспертных организаций (think-tanks). Выявление национальных лидеров, способных повести за собой «третье сословие».

Реанимация политического процесса

Идеологизация политического процесса: экспансия смыслов в политическое пространство. Дебюрократизация публичной политики; минимизация административно-технологических элементов политического процесса. Активизация политической конкуренции, начиная с муниципального уровня и заканчивая федеральным.

Решение этих трех задач есть не достаточное, но необходимое условие нахождения адекватного ответа России на исторический вызов. В 2004 году над поиском решения уже начали работу многие предприниматели, эксперты, политики, общественные деятели, журналисты. Теперь нужна консолидация их усилий и интенсификация деятельности. Запас исторического времени у нашей страны еще есть, но он крайне ограничен.

Сергей Мошкин,
доктор политических наук
(г. Екатеринбург)

Почему президент делает это...

Инициативы Президента России по реформированию политической системы вызвали в обществе значительный резонанс. Критика этих инициатив, исходящая из уст политиков и экспертов, опирается главным образом на представления о демократии, ядром которых являются права человека (главным образом политические и гражданские), политическая конкуренция (предполагающая в свою очередь наличие многопартийной системы и института свободных политических выборов) и ограничение вмешательства государства в различные сферы общественной жизни. Соответственно острейшая критика направляется на президентский тезис о необходимости усиления государства за счет выстраивания «исполнительной вертикали». Сильное государство рассматривается здесь как потенциальная или реальная угроза правам личности, политическим свободам и политическому многообразию, а президентские инициативы интерпретируются как очередное «закручивание гаек».

Разделяя обеспокоенность авторов представленной точки зрения о последствиях президентских новаций, тем не менее хотелось бы задаться вопросом не только о том, *что* и *как* делает президент с политической системой страны (об этом уже написано и сказано немало), но и *почему* он это делает. Иными словами, существует ли некая объективная логика поведения верховной российской власти, подтолкнувшая ее (власть) на выбор этатистского (государственнического) сценария развития страны.

Ответ на этот вопрос предполагает как минимум обращение к опыту советского режима, лишь недавно ушедшего в прошлое и хорошо знакомого большей части населения России. Тем более что повод для такого обращения дает сам президент, неоднократно высказывавшийся в уважительном тоне об опыте советского государства (хотя и с оговоркой о его нежизнеспособности в изменившихся условиях). В этом смысле, учитывая, что советская система строилась на специфическом сочетании авторитарных и демократических принципов, позволявшем успешно решать задачи развития и обеспечения безопасности страны в течение длительного времени, нынешние президентские инициативы объективно соотносимы с советским периодом. Однако дихотомия «тоталитаризм — демократия», заложенная в основу легитимации власти в постсоветской

России, не позволяет не только вести позитивное обсуждение этого вопроса, но и, возможно, адекватно его осознать. Между тем в серьезном обсуждении нуждается само *понятие демократии*, проблема разнообразия ее моделей и исторических форм, задача выработки такой модели реализации демократических принципов, которая была бы адекватна потребностям развития страны.

Тот факт, что исторически политическая система России имела принципиальные отличия от систем западноевропейских, является сегодня общепризнанным. Обычно отмечают мобилизующую роль государства по отношению к обществу, традиции сотрудничества с царской властью, а не торга с ней за права и привилегии. Указывают, что менталитет народа, модели поведения сформировались в иных условиях, нежели в Западной Европе и т.д.

Большевики, захватив власть в 1917 году, исходили прежде всего из постулатов своей доктрины и конкретных обстоятельств. Однако оказалось, что, отвергнув дореволюционное прошлое, они путем проб и ошибок пришли к системе, имевшей черты *преемственности* с этим прошлым. Сильное авторитарное государство, установка на консенсусное принятие решений, сотрудничество с властью и другие черты сближали новые политические механизмы с многовековой политической традицией. При этом советский режим приобрел качественные отличия от традиционного, связанные главным образом с процессом демократизации (включавшим рекрутирование элиты «из низов», «социальную демократию», специфическое участие населения в общественно-политической жизни страны «под опекой» КПСС и пр.). Но, пожалуй, самым важным (и не до конца осмысленным) являлось то, что политическое развитие в СССР шло в русле *модернизационных процессов*, хотя это развитие и приняло иные, нежели в западном обществе, формы. В советский период реализовалась альтернативная по отношению к западной модель политической и социальной модернизации.

Поиск большевиками адекватных политических механизмов, которые включали бы провозглашенные в октябре 1917 года принципы и в то же время позволяли бы реализовать задачи удержания власти, реформирования общества и развития страны, шел более десяти лет, до конца 1920-х. Найденные же формы настолько отличались от идеалов революции, что многие ее участники восприняли их как предательство первоначальных идей. Достаточно вспомнить недовольство партийцев свертыванием «внутрипартийной демократии» и бурные дебаты вокруг решения вопроса о «назначенном секретаре», предполагавшего назначение партийных руководителей из центра по согласованию с местной организацией при формальной процедуре избрания. Однако именно эти меры позволили выстроить жесткую вертикаль государственной власти и обеспечить высокую степень вертикальной интеграции общества в условиях его трансформации и модернизации, не отказываясь при этом полностью от демократических процедур.

Как ни покажется парадоксальным на первый взгляд, но выдвинутые сегодня реформаторские предложения объективно имеют с тем, большевистским, курсом *общую логику*, хотя сам президент вряд ли основывался в своих выводах на перипетиях внутрипартийной борьбы 1920-х годов. Более того, вызывает интерес даже сам период выдвижения президентских инициатив (прошло чуть более десяти лет с момента провозглашения России демократической страной), позволяющий, возможно, говорить о *повторении циклов* политического развития, о том, что революционные «переходные периоды» после ряда функциональных кризисов заканчиваются тем или иным вариантом усиления государственной власти.

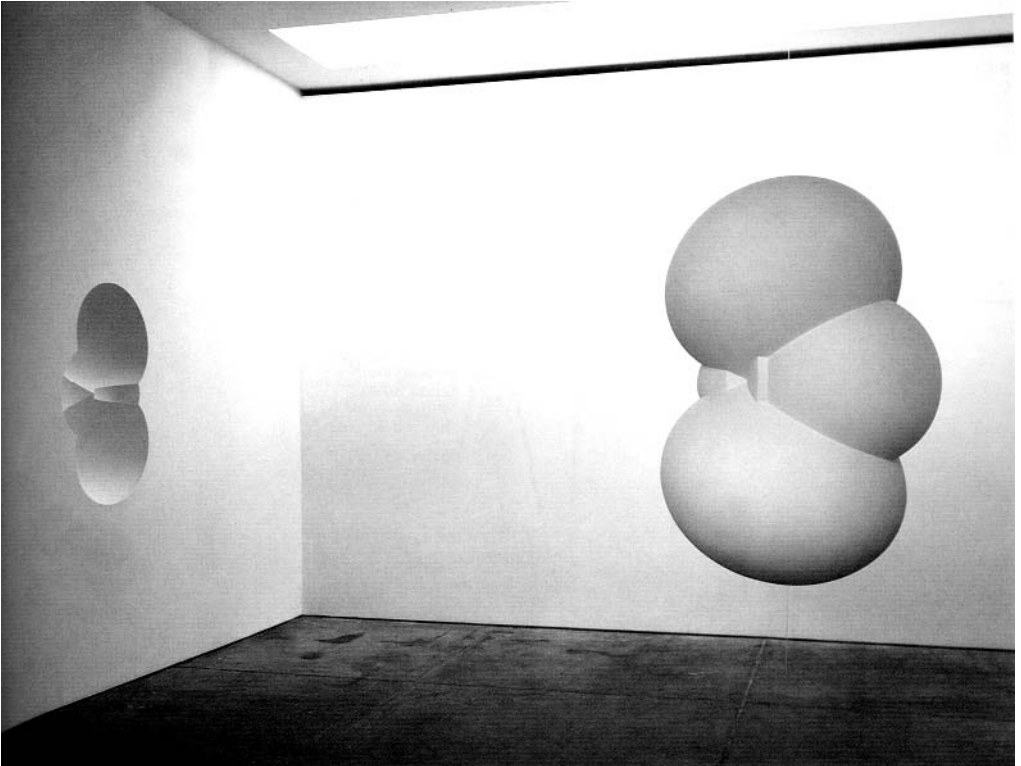
Стоит обратить внимание и на сходность условий, в которых актуализируются идеи централизации и концентрации государственной власти. Сегодня вновь, как и в двадцатые годы прошлого века, стоит задача модернизации общества, преодоления технико-экономического отставания от ведущих мировых держав, удержания своего достойного места в системе международных отношений и обеспечения безопасности страны, преодоления сепаратистских настроений в «окраинных» территориях федерации и адекватного выполнения решений центра, борьбы с организованной преступностью и коррупцией. Вполне понятно, что выстраивание «властной вертикали» вновь рассматривается как *рычаг*, способный обеспечить выполнение названных задач. В то же время полный отказ от демократических механизмов столь же проблематичен, как и в предшествующую эпоху, ибо демократическая идея, хотя и в принципиально различных интерпретациях, составляет основу легитимации обоих режимов.

Умозрительно угроза ликвидации демократических устоев современного российского общества, естественно, существует. Поводом для такой ликвидации может стать, например, *крайняя степень внешней угрозы*. Неслучайно официальная пропаганда политической реформы опирается на тезис о борьбе с международным терроризмом, подкрепляя этот тезис призывами к сплочению нации перед лицом террористов-интервентов. Однако ясно, что причины президентских новаций по реформированию политической системы глубже — они заключаются в неспособности государства эффективно решать весь спектр возложенных на него задач.

Здесь заметим: внешняя угроза (даже искусственно раздутая официальной пропагандой) может быть преходящей, однако задача состоит в обеспечении выживания демократических принципов, в выработке механизмов их латентного существования, предусматривающих возможность последующего активирования. Советский опыт таких механизмов не предлагает.

Идеологическим обоснованием перехода от советского режима к либерально-демократическому были и во многом остаются поныне ошибочные представления о том, что либеральная демократия автоматически влечет за собой экономический рост и стремительное достижение уровня развития западных стран. Эти представления не выдержали эмпирической проверки. Более того, все чаще и чаще крупнейшие ученые мира подвергают критике саму *концепцию модернизации* (особенно ее америкоцентричный вариант), которую еще лет тридцать назад трактовали как желательную и необходимую для других стран. На практике эта концепция продемонстрировала, как заметил С. Хантингтон, «методологическую слабость, эмпирическую сомнительность и историческую бесполезность». Сам он еще в конце 1960-х годов исследовал проблемы упадка и нестабильности в «переходных обществах» и пришел к выводу, что изменения в них должны происходить *позитивно*, при наличии сильных политических институтов, ведущей роли государства и ограничении гражданского участия, характерного для либеральных режимов. Позднее Хантингтон неоднократно подчеркивал, что концепции «расширения демократии» или «минимального государства» не подходят для развивающихся стран.

Конечно, модернизация в постсоветской России имеет существенные особенности по сравнению со странами «третьего мира». Тем не менее Россия столкнулась с комплексом проблем, характерных для подавляющего большинства переходных (модернизирующихся) обществ: отсутствие существенного экономического роста или даже стагнация и упадок, обострение социальной напряженности, этнических, культурных и иных противоречий, нарастание

Риччи Альбенда. Универсум. Негатив/ Позитив. 2002

конфликтности и насилия, распад социальных норм, маргинализация общества, коррупция госаппарата.

Мировой опыт свидетельствует: экономические прорывы в странах с такими проблемами (или хотя бы их частью) осуществлялись, во-первых, на основе авторитарных режимов, во-вторых, на основе наличия у этих режимов адекватной программы вывода страны из кризиса и, в-третьих, с помощью мощных иностранных инвестиций. Удачный опыт стран «третьего мира» привел к переосмыслению авторитаризма западными исследователями и появлению понятия «авторитаризм развития».

Современный «авторитаризм развития» связывается прежде всего с военными режимами (Чили, Южная Корея и др.). Однако наиболее яркий пример удачного экономического «рывка» на авторитарной основе демонстрирует наша собственная история, точнее — советский опыт (почему, собственно говоря, и интересны исторические аналогии модернизации «по-советски» с нынешними президентскими предложениями).

Сможет ли президентский курс на выстраивание «властной вертикали» и постепенное свертывание «социального государства» ответить вызовам глобализации, обеспечить хотя бы сокращение экономического и технологического отставания России от развитых стран, изменить менталитет россиян, сделать их более мобильными и конкурентоспособными, или избранный курс ошибочен — это основной вопрос, и ответ на него даст только время. В конце концов история изобилует не только замечательными примерами «авторитаризма развития», не меньше в ней и обратных примеров — «авторитаризма без развития».

Свобода слова и корпоративная этика

Александр Архангельский,
обозреватель газеты «Известия»,
автор и ведущий программы «Тем временем» (ГТРК «Культура»)

В энциклопедии Брокгауза и Эфрона, которая издавалась в начале XX века, есть статья под названием «Собака беспамятная»: «собака беспамятная — собака жадная до крайности». Что означала такая энциклопедическая статья? Ответственный секретарь издания (представитель главного акционера — так мы его назвали бы сегодня) все время «забывал» платить деньги авторам. И при очередном напоминании о необходимости выплатить гонорар, он хлопал себя по лбу и говорил: «Ах я, собака беспамятная, забыл! Голубчик, зайдите на следующей неделе». Данной статьей авторы «отомстили» ответственному секретарю; они использовали издание для того, чтобы свести счеты с представителем «главного акционера», а не для объективного, правдивого информирования масс. Это был, возможно, последний дореволюционный случай нарушения корпоративной этики.

С тех пор вопросы корпоративной этики на долгое время утратили свою актуальность. При советской власти никакой корпоративной этики быть не могло. Никому в голову не приходило говорить то, что система не предполагала услышать. И в определенном смысле журналисту существовать было проще. Хотя проще — не значит лучше.

Первый слом, как мне кажется, произошел в середине 1960-х годов. Тогда появились издания, в которых работали младомарксисты, левые интеллектуалы, — одним из них был журнал «Проблемы мира и социализма», выходивший в Праге на многих языках. Там работали люди серьезные и сильные. Кроме того, были собственные корреспонденты советских изданий на Западе, и не все из них были сотрудниками внешней

разведки. После событий 1968 года эти люди, включенные в систему, официальные журналисты, оказались перед выбором: как им действовать? Передавать то, что от них требуют, или не передавать (и, значит, выбить из профессии)? Некоторые передавать отказались, нарушили корпоративную этику, зато сохранили чистую совесть.

В целом выбор был очень ясный, из трех возможностей: либо ты конформист, либо ты протестуешь доступными методами, либо уходишь в информационное небытие.

Постепенно поле неофициальной мысли, неофициальной информации расширялось, оппозиционные проекты нарастали. Шла подготовка к «слову консервной банки» — постепенное расшатывание жести, под которой все было скрыто, казалось, на века.

Потом, практически в одночасье, этот разлом произошел. Очень быстро накопилась критическая масса информационной свободы. И в этот период журналист из идеологического обслуживающего работника превратился в участника политического процесса, минуя стадию простого информирования. Был винтиком и колесиком в партийном механизме, а превратился фактически в механизм, формирующий новую политическую реальность. Потому что в условиях отсутствия новых политических институтов журналист становился суррогатом всего — суррогатом отсутствующего парламента, других институтов.

И журналист, подобно герою одного из скандинавских мифов, делал пением лодку — он пел и лодка возникала. Примерно этим занималась российская журналистика в период с 1989-го по 1993 год, причем не только в политической сфере. К примеру, никакого среднего класса в стране в это время не было и быть не могло, но существовала ми-

фология среднего класса, искусственно создаваемая газетой «Коммерсантъ». Адресата не было, а продукт был. И под этот продукт, под эту идеологическую матрицу, постепенно подтягивался адресат. Тот, кто хотел быть солидным человеком, солидным бизнесменом, — тот читал «Коммерсантъ». И постепенно становился буржуа!..

В 1993-м возникла ситуация, к которой никто не был готов: начался первый передел информационной собственности. Появился такой субъект, как собственник, которого позже назовут акционером — появился, так сказать, массово. До того он присутствовал в исключительных случаях — примером является вышеупомянутый «Коммерсантъ», он с самого начала возник как бизнес-проект. Владимир Яковлев сыграл колоссальную роль не только в создании медийного пространства, но и в создании нового российского бизнеса. Он первым понял, что нельзя жить за счет продаж, а можно жить только за счет рекламы; понял и многие другие вещи, в том числе и то, что наш первый закон о печати являлся не только прорывом в пространство свободы, но и миной замедленного действия.

Это ни в коей мере не упрек авторам закона — просто в переходные периоды мы пишем законы, учитывая ту реальность, внутри которой находимся, а затем реальность нас обгоняет.

В этом законе содержалось положение, согласно которому главного редактора мог избирать журналистский коллектив. В тот момент только таким способом и можно было разломать систему партийно-хозяйственного, профсоюзного и иного контроля — через выдвижение журналистскими коллективами из своих рядов новых руководителей. Иначе никакой кадровой революции не было бы.

Однако эти руководители, освободившись от партийного диктата, оказались заложниками трудовых коллективов.

Во-первых, как вы можете увольнять людей, сокращать штаты, если именно эти люди привели вас к власти? Но бизнес есть бизнес. Штаты многих редакций были раздуты при советской власти до предела. Бизнес не предполагает такого количества людей.

Во-вторых, люди, выдвигаемые коллективами, как правило, были действительно достойными журналистами, яркими и честными людьми. Но! Самые яркие и самые честные не всегда умеют хорошо считать и поэтому начинают проигрывать на рынке. Редакции оказываются недееспособными, и вот тогда приходит собственник — не только как покупатель, но как гарант дальнейшего существования данной редакции, поскольку он умеет управлять бизнесом.

Одновременно появляются те, кто прекрасно понимает, что в отсутствие развитого рынка и мощных политических институтов медийная сфера становится ключевым инструментом. Одним из первых это понял Борис Абрамович Березовский.

Таким образом, возникает новый субъект, является собственник, у которого есть свои интересы, свои представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Он учитывает экономические законы и рассматривает журналистское творчество как товар. Между тем многие яркие талантливые журналисты «вписались» в постсоветскую систему, и не в качестве «колесика и винтика», носителя и передатчика информации — они создавали новую реальность, являясь инструментом большой политики, причем инструментом, который управляет сам собой.

Появление собственника как минимум осложняло ситуацию. Но тут выяснилось, что убеждения можно конвертировать в деньги, не меняя их. Это очень важно! Потому что с 1993 года ярких представителей журналистского сообщества «покупали» в том качестве, в котором они действовали на рынке, им не приходилось менять свои убеждения. И не только демократов: тот же Березовский пестовал, холил и лелеял Александра Невзорова. Он был нужен ему со всем своим антидемократизмом, антилиберализмом, национализмом.

Но уже тогда, в ходе политического кризиса 93-го года, возникло такое явление, как политический заказ власти. Речь идет не о том, что журналист о чем-то «по мелочи» договаривается с клиентом, а о настоящем политическом заказе. Первым на российском телевидении эту практику начал осуществлять Андрей Караулов. Напомню, как

это было: требовалось устранить Александра Руцкого как влиятельную политическую фигуру, и в этот момент в прямом эфире Руцкому были предъявлены поддельный трастовый швейцарский договор. В этой схеме участвовали и «художники» со швейцарской стороны, и тогдашний Генеральный прокурор России, и журналист Андрей Караулов, понимающий, видимо, зачем он это делает и за что он это делает.

Но в целом примерно до 1996 года (за редким исключением) владельцы разных СМИ аккуратно обращались с журналистами: старались не вовлекать их в междоусобные «разборки», не наступать на горло ничьей песне, просто каждому давать возможность петь там, где следует, и продавать это пение с максимальной выгодой.

В 1996 году мы столкнулись с критическим выбором: либо выбираем Ельцина, либо проваливаемся в прошлое. Конвертация происходила более осознанно, в рамках реализации PR-проектов. В условиях отсутствия внятных, по-настоящему сильных политических партий к журналистам прислушивались как к оракулам, а не как к информаторам.

И Евгений Киселев, и Николай Сванидзе, и другие яркие журналисты той поры были фигурами не информационного, а чисто политического поля. Они действительно помогли Ельцину переизбраться.

После чего сообщество пришло к выводу, что только медиа могут править этим миром. К такому же выводу пришли и медиа-олигархи. Выборы 1999 года были чисто медийным проектом. Реальная политика не играла никакой роли, главным было то, кого высмеет Сергей Доренко и на кого делает ставку Березовский.

В этот момент на первый план вышли журналисты, конвертирующие свои убеждения. Точнее сказать, заполняющие пустоту разными взглядами в зависимости от политического заказа. Понятна разница? Раньше они высказывали некоторые взгляды, и их в этом качестве покупали. Теперь они под заказчика моделировали свои взгляды. В определенном смысле был поставлен знак равенства между владельцем, корпорацией, журналистом и информацией. И ключевой точкой, конечно, здесь являлись не

журналист, не свобода, не информация, а владелец.

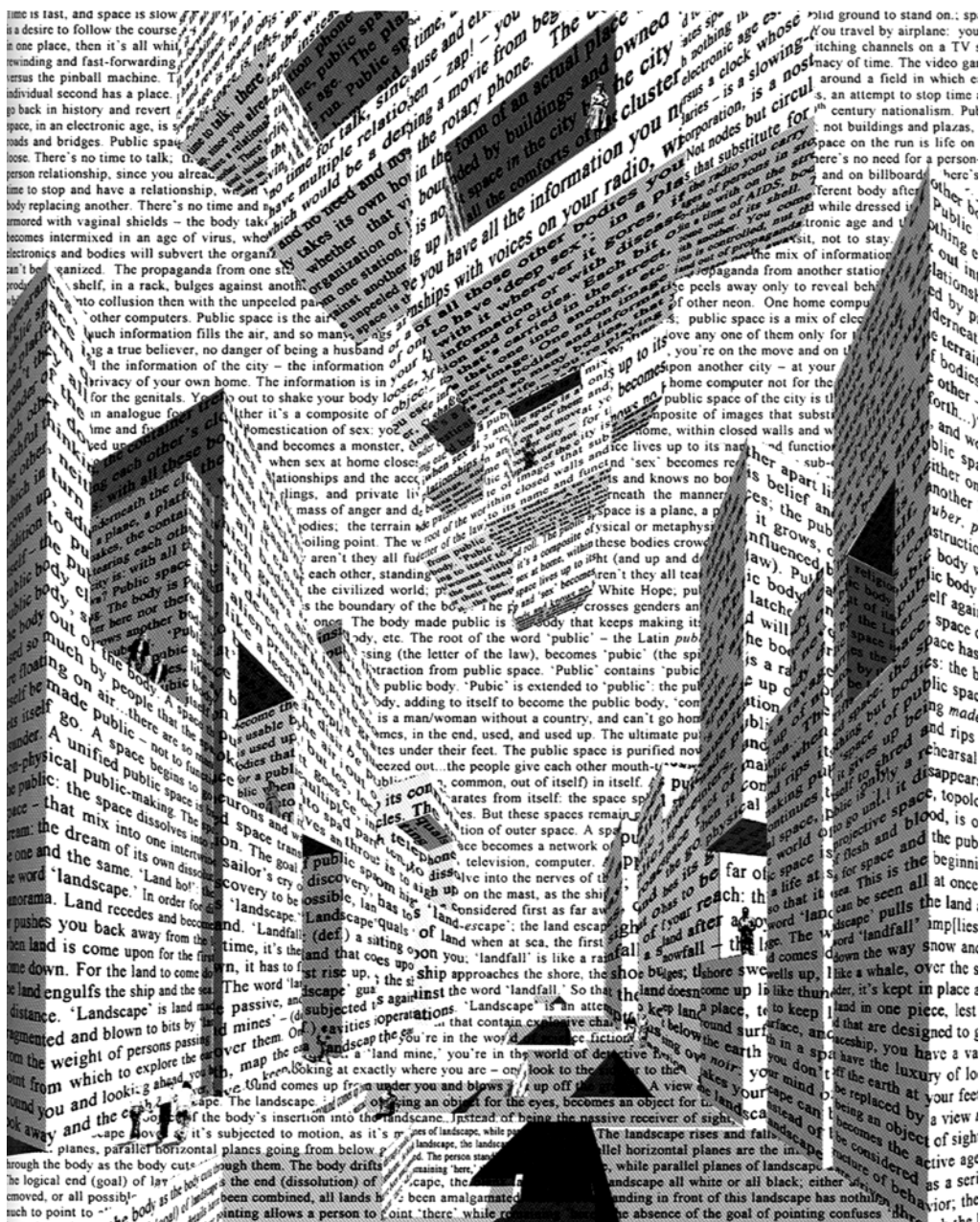
Ситуацию резко усугубил скандал вокруг «Связьинвеста», возникший в связи с переделом собственности. Тогда, в 1997-м, разгорелась первая «информационная война»: недополучившие свою долю в «Связьинвесте» Гусинский и Березовский вступили в сговор и начали, как выразился Гусинский, «мочить рыжего». В такой форме был оформлен заказ на информационное устранение Чубайса. Журналисты были вовлечены в этот процесс, причем вовлечены на очень хороших условиях. Зарплаты лидеров цеха были за пределами, несоотнесимыми ни с чем — это была цена политического влияния.

Потом произошло информационное «зачехление». Тот, кто приходит к власти «на информационных штыхах», первым делом должен эти штыхы зачехлить, чтобы больше никто не мог ими воспользоваться.

После 2000 года и медиаолигархи, и власть, выясняя отношения между собой, использовали журналистов в качестве «живого щита».

Мы все понимаем, как платили зарплату в 90-е годы. Хорошо, если не в конвертах, а по легальным схемам: схемам страхования или депозита. Человек как бы получал колоссальный кредит, который ему никогда в жизни на руки никто не давал, потому он получал зарплату в виде процентов с этих кредитов. И когда в СМИ вбрасываются фантастические цифры этих кредитов, якобы выданных журналистам, а на деле существующих лишь на бумаге, понятно, что таким образом давят на журналистов, используя их в качестве рычага, разламывающего любимый бизнес оппонента. Самое неприятное заключалось в том, что за спиной этого «живого щита» и те, и другие (и владельцы бизнеса, и государство) спокойно продолжали договариваться между собой.

Журналист в свою очередь не осознавал себя наемным работником корпорации, который обязан быть лояльным по отношению к корпорации. То есть не высказывать за ее пределами никаких критических суждений о корпорации (пока он на нее работает!), не нарушать неписаные или писанные правила, действующие в корпорации. В то же время

Вито Аккончи. Город из слов. 1999

он совершенно не обязан платить своим именем или выходить на митинг, отстаивая интересы владельца. Более того, журналист не должен был идти вслед за топ-менеджером, которого увольняет владелец. Вся система этих взаимоотношений не была никем прописана и даже не была осознана. Никто к этому не был готов. Например, к тому, что чем выше человек находится на

иерархической лестнице, тем меньше у него жестоящих обязательств по отношению к нему. Журналист не обязан топ-менеджеру ничем, у него нет перед ним личных обязательств. Он не обязан идти за него в бой, он обязан выполнять свою работу в рамках, оговоренных контрактом. Но тогда он не участник политического процесса, а наемный информационный работник. Тут при-

ходится выбирать: либо мы участники политического процесса, либо наемные информационные работники.

Возникает вопрос: где начинается и где заканчивается корпоративная этика? Когда журналист должен вовлекаться в процессы, а когда дистанцироваться от них? Возникает этическая проблема, касающаяся отношения к коллегам по цеху. Когда журналисты НТВ уходят с канала, они реализуют свое право, но они приходят на место журналистов, которых выгоняют с ТВ-6. Может быть, это нормально, потому что их наняли в качестве более сильных работников и для этого уволили менее сильных. Но тогда при чем здесь романтический оттенок, который пытались придать этой ситуации?

В итоге мало кто знает, что Гусинский свой бизнес продал и деньги получил. Уже после всего, после прихода Йордана, они договорились об условиях продажи прав на сериалы, на видеоматериалы, которые Гусинский приобретал, и так далее. Процесс договоренностей шел, и это нормально, бизнес есть бизнес. Но вовлекать в процесс передела пишущих, снимающих и рассказывающих — это цинизм. Сопоставимый с цинизмом власти, которая держала в тюрьме заложника, финансиста группы «Мост» Титова, чтобы Гусинский не вздумал «кинуть» и был сговорчивым. Тех, кто не вовлечен в этот процесс, надо оставить в покое.

Тем не менее никто в покое журналистов не оставил. С моей точки зрения, среди всех топ-менеджеров Гусинского идеально вел себя лишь Алексей Венедиктов. Журналисты радиостанции «Эхо Москвы» в «революционные» процессы вовлечены не были, а все переговоры вел миноритарный акционер и руководитель компании Венедиктов. Вел переговоры со всеми — с Гусинским, с Кремлем, с Кохом и так далее. И журналистский коллектив был сохранен.

Разруливать ситуацию должен топ-менеджер — это его работа. И топ-менеджер не может сказать: «Я не буду вступать ни в какие переговоры!» (как это сделал Евгений Киселев). Он должен вступать в переговоры, это как раз его работа.

Сегодня корпоративная этика еще не сформирована — ни в сознании владельцев, ни в

сознании менеджеров, ни в сознании журналистов. У нас нет ответов на вопросы: с кем каждый из нас заключает контракт; о чем заключает контракт; о чем он должен договариваться с тем, с кем заключает контракт, о чем не должен; перед кем он отвечает за соблюдение этого контракта; за что и в какой мере отвечает; в какой форме отвечает; кто принимает решение о том, что мы делаем и чего мы не делаем как журналисты?

Корпоративная этика не работает — ярким примером был конфликт по поводу освещения трагедии «Норд-Оста», после которого состоялся второй разгром НТВ.

В чем состояла проблема? Журналисты свою работу делали абсолютно грамотно. Журналист должен снимать все, что может. А менеджер обязан принимать решение о том, что ставить в эфир, а что нет. И это должно быть прописано внутри корпорации — кто и на каких основаниях принимает решение.

То, что шло по перегону во время теракта 11 сентября 2001 года, и то, что шло в эфир по CNN, — это две разные картинки. Никто по американскому телевидению не показывал людей, берущихся за руки и прыгающих с сотых этажей, действовали внутренние табу. Не внешние, не запреты власти, а внутренние табу.

Но для того чтобы такие правила были прописаны внутри каждой конкретной корпорации, должны существовать корпоративные правила всего журналистского цеха.

Иначе любой менеджер будет сидеть и думать: я сейчас этот сюжет не покажу, а конкурент покажет, и я проиграю. А бизнес продолжает оставаться бизнесом.

Для этого и должно существовать соглашение сообщества. И оно должно быть подписано всеми ключевыми субъектами — представителями профессии. Тогда действовал бы некий единый стандарт.

Но такое соглашение не было никем подписано. Когда в результате освещения «Норд-Оста» возник конфликт власти с НТВ, то входим в Кремль представителям корпорации стоило огромных трудов отговорить власть от идеи регулировать специальными, весьма жесткими законодательными актами действия журналистов по освещению террористических операций. Власть согласилась

на условия, что корпорация сама примет правила, по которым она будет действовать. Индустриальный комитет их утвердит, и они будут обязательны для всех. Где эти правила? Договориться не смогли.

И это означает, что правил до сих пор нет ни у кого: ни у менеджеров, ни у журналистов, ни у власти.

Вспомним ситуацию, когда журналист Парфенов выпустил в эфир программу «Намедни» с сюжетом (интервью с вдовой Яндарбиева), который менеджеры НТВ попросили пока не показывать. Наутро в газете «Коммерсантъ» появился соответствующий внутренний документ корпорации НТВ.

Я сейчас не обсуждаю вопрос о том, правильно ли поступил менеджмент НТВ, согласившись не показывать это интервью. Их попросила наша внешняя разведка (СВР): отложить показ сюжета на два выпуска, чтобы в данный момент «не дразнить собак» — пока два человека находятся под судом, пока идет сложный процесс переговоров. Предположим, что и ФСБ, и внешняя разведка, и менеджмент поступили абсолютно неправильно. Как в этой ситуации должен действовать журналист, работающий по контракту?

У него есть два варианта. Первый: выпустить передачу в эфир без этого сюжета и тем самым авторизовать решение, принять за него ответственность. Второй: не выпускать передачу в эфир, не авторизовать свой продукт, на что он имеет полное право. В таком случае наутро он подает в знак протеста заявление об уходе из корпорации. В случае с «Намедни» все было иначе.

Днем по «Орбите» вышло это интервью с Яндарбиевой, а позже по Москве — не вышло. Во второй раз в эфир вышла усеченная программа — значит журналист сам авторизовал решение менеджмента.

А наутро внутренний документ — письменное распоряжение о снятии этого сюжета — журналист передает в другое издание. Это разрыв с корпорацией. И если мы исходим из того, что Парфенов изначально прав, а менеджер — вместе с СВР — не прав, то все же как журналист, подписавший контракт с корпорацией, действовать так Парфенов

не имел права. Либо снимай передачу с эфира, либо выпускай ее в усеченном виде, но внутренние документы оставляй в корпорации. Кроме случаев, когда они представляют угрозу национальной безопасности, а таковой в этих внутренних документах не содержалось.

В итоге менеджмент обязан был уволить Парфенова. Иначе компания стала бы неуправляемой.

Что мы имеем на выходе? Сужение свободы слова в результате нарушения корпоративной этики. Уволен Парфенов со своей очень жесткой и по-настоящему острой программой. И эта программа вместе с ее остротой уже не возобновится на нашем ТВ.

В сравнении с этим последующие случаи — уже, так сказать, мелочи. На месяц отстраняется от эфира журналист Пивоваров, который комментирует действия своей корпорации в прямом эфире. С моей точки зрения, он не должен был этого делать, потому что он член корпорации. Он может ее покинуть. Но пока он внутри корпорации, он должен соблюдать правила, не критиковать ее публично.

Однако тут я готов начать противоречить сам себе. Вышеперечисленные ситуации нельзя рассматривать в точном соответствии с той логикой рассуждения, которой я следовал. Все было бы именно так, как я рассказывал, если бы не одно очень важное обстоятельство: корпоративные правила должны действовать в прозрачной политической ситуации. Можно быть последовательным тогда, когда идешь прямой дорогой. Но когда ты ползаешь по горам, двигаешься по кривой... Не снимая ответственности со всех, и с Парфенова в частности, я должен сказать о том, что их действия происходили на фоне искривленного информационного, политического пространства. Это искривление не оправдывает ничего из того, что мы делаем, но объясняет многое — больше, чем хотелось бы.

И вот в этих рамках нам предстоит действовать в ближайшие годы. И в этих рамках обеспечивать ту, я бы сказал, вертикаль личности, которая может быть в известном смысле противопоставлена вертикали власти.

*Сэр Бернард Ингам,
пресс-секретарь
в правительстве М. Тэтчер,
председатель «Бернард Ингам
Коммьюникейшн»*

Взаимодействие СМИ и правительства в Великобритании

Поделюсь своими размышлениями о том, как развивались отношения между правительством и массмедиа в Соединенном Королевстве. Как вообще в демократической стране должны строиться отношения между правительством и СМИ.

Я проработал в правительстве и в журналистике более шестидесяти лет. Четырнадцать лет назад Маргарет Тэтчер ушла в отставку, а я ушел на пенсию и сейчас работаю в качестве ведущего газетной колонки, консультанта по медийным вопросам и телеведущего.

Британская жизнь была бы неполной без журналистов, и, конечно, журналисты часто ее украшают.

Когда я начал работать в журналистике, у нас в основном были газеты, а из других средств массовой информации только радио Би-би-си. Помню, как в 1938 году появилось экспериментальное телевидение. Сейчас же у нас есть спутниковое, международное, многоканальное телевидение — это наши СМИ номер один. А что касается газет, то они, по-прежнему существуя, пытаются выжить. Правда, у самой крупной из них тираж более 10 миллионов. Но они уже не имеют такой политической силы, как телевидение.

Деятельность средств массовой информации определяют два момента. Во-первых, являясь коммерческими, они соперничают, конкурируют между собой. Реклама зависит от рейтинга, от того, сколько зрительских глаз привлечено к тому или иному каналу. От этого зависит успех. Би-би-си, скорее всего, смотрят в каждом доме, где есть телевизор, но если исчезнет аудитория — кто обеспечит существование тысяч сотрудников компании? Все это, естественно, сказывается на качестве средств массовой информации. И второй момент связан с распространением международных программ. Раньше в Британии мы боролись с точками зрения, которые нам навязывали извне. Сейчас происходит глобализация и стилиа жизни, и точек зрения. Поэтому и диктаторам стало непросто контролировать собственные государства. Была такая песня в Первую мировую войну: о том, что невозможно заставить остаться в деревне тех, кто увидел Париж. То же происходит и в нашем мире. А началось все, может быть, еще в XVIII веке. Но только теперь, благодаря распространению коммуникаций, мы можем, сидя в кресле, получать фактически мгновенно информацию обо всем, что происходит на свете.

Эта скорость определяет и реакцию на то, что происходит. Политик ориентирован на международные события, он должен вовремя отреагировать должным образом, а если он этого не сделает, то может не состояться как политик. Безусловно, скорость действия СМИ играет в этом немаловажную роль.

Новые средства массовой информации создали дополнительный соблазн для политиков, потому что они теперь могут выступать перед очень большой аудиторией. Это определяет и политическую, и вообще национальную жизнь во многих государствах. «Мать всех парламентов» — Вестминстер в Англии уже не тот, что был раньше: его заседания передаются по телевидению, а парламентария могут остановить на улице и взять у него интервью.

Я все время сравниваю, что было раньше и что происходит сейчас. Мы наблюдаем, как телевидение стремится расширить свою аудиторию и перейти от серьезного содержания к внешним эффектам. Многие считают это весьма важным. И действительно, все это влияет на политику. Борьба за аудиторию обостряется, что вынуждает придумывать все более мощные эффекты. Происходит своего рода подготовка зрителей-читателей к восприятию информации, для того чтобы они «подсели» на ваши передачи, но в то же время это ведет к упрощению — иногда чрезмерному.

Для того, собственно, мы, журналисты, и нужны. Сложные вещи мы делаем простыми для понимания простых людей. Происходит отбор, фильтрация каких-то фактов, что в итоге приводит к устранению деталей. Отсеиваются дополнительные точки зрения или комментарии, которые якобы портят общую картину, заданную тем или иным органом СМИ или политической партией. Конкуренция неизбежно сопровождается стремлением к сенсациям, например, сексуального характера, приводит к вмешательству в личную жизнь граждан. И в результате в борьбе за массовую аудиторию наступает неизбежная примитивизация.

СМИ сейчас не только информируют и не только развлекают. Есть и побочные эффекты от их деятельности. Например, кто-то появился на экране телевизора буквально на пятнадцать секунд, и его запомнили. Все его узнают...

Конечно, в Британии существуют определенные нормы и стандарты, кодекс поведения. В частности, Комиссия по рассмотрению жалоб на прессу — это, может быть, самая суровая комиссия, работа которой оплачивается, кстати, за счет прессы.

Но стоит все же сказать прямо: в целом значение политики и журналистики уменьшается. Это происходит не только в Британии. В Соединенных Штатах телевидение, например, просто ужасно. Очень часто передачи никуда не годятся. Хотя в них можно найти то, чего нет в газетах, они не приводят к позитивным эмоциям и впечатлениям. А вот во Франции газеты — националистические. Они сопротивляются вмешательству извне. Дело в том, что спутниковое телевидение вещает в основном на английском языке, а французы считают французский чем-то вроде национальной валюты и поэтому дорожат своей прессой.

Нечто подобное происходит во всем мире, в разных странах, и, рассматривая ситуацию в целом, можно видеть, куда мы, собственно, идем и какие воздействия испытываем.

Идеальных отношений между правительством и СМИ не бывает

В России сейчас много говорят о свободе слова, и я хочу предупредить, что вряд ли этот путь будет простым. Идеальных отношений между правительством и СМИ не бывает. Это невозможно никогда и нигде, ни при каких обстоятельствах. Но я думаю, что идеал всегда надо иметь в качестве цели, к которой все мы стремимся.

Распространение спутниковых СМИ может, конечно, оказать влияние на политику, но даже в самых старых демократиях, таких как Великобритания, у политиков срабатывает инстинкт самосохранения. Они тоже не хотят никакого контроля и хотят доминировать в СМИ. Нужно помнить, что ни один чиновник, ни один бюрократ не верит в открытость, они верят только в конспиративность и в повышенную секретность.

Что происходило в Британии в последние пятьдесят лет? Мы по праву считаемся открытой демократией, но даже у нас нет абсолютной гармонии между правительством и средствами массовой информации. Пока правительство работало с доверием и уважением к прессе, а пресса, в свою очередь, в основной своей части не стремилась к дискредитации политиков, удерживать равновесие было не очень сложно. Однако это не означает, что тех же взглядов придерживались владельцы изданий. В 1920–1930-е годы два наших крупных издателя пытались основать собственную политическую партию — экстремистского толка. Однако общество не пошло им навстречу. В то время, когда я пришел в пресс-службу, существовали достаточно корректные отношения с журналистами. Политики были гораздо более открытыми и искренними, чем сегодня. Без опасения говорили об исключительно острых вопросах.

Начиная же примерно с 60-х годов мы наблюдаем постепенную эрозию общества, основанного на взаимоуважении. Я думаю, что наши нынешние сложности вызваны изменением самой структуры общества. И, я бы сказал, искушением открытостью. Это искушение в настоящее время распространяется на все сферы, в том числе и на частную жизнь людей. У меня никогда бы и в мыслях не было покуситься на частную жизнь политика, но меняются критерии общественных отношений. Конечно, ситуация у нас не очень плохая, но если вдаваться в подробности, картина получается грустной. Так что изучайте и наш опыт, чтобы не наступать на те же грабли.

А сейчас немного истории. Давайте посмотрим, как развивались в Британии отношения между СМИ и правительством в прошлом. Еще в XV веке Уильям Кэстон основал типографию в Вестминстере. Это понравилось тогдашнему королю Великобритании Ричарду III, потому что Библию стали печатать большими тиражами. Потом Генрих VIII запретил импортировать книги, использовал протекционистские меры, и с тех пор в течение нескольких столетий в Британии существовала цензура, налоги, вводились другие препоны для журналистов. Их даже сажали в тюрьму. Затем парламент разрешил печатать протоколы своих заседаний. Теперь общественности было известно, что происходит в парламенте. Особенно, когда за дело взялся доктор Джонс, потому что то, что он печатал, было гораздо лучше, чем то, что звучало на самом деле внутри парламента. Не буду объяснять, почему эту практику прекратили. Наверно, чтобы король не читал эти документы. Чарльз II, например, даже засылал в парламент своих шпионов, чтобы знать, что делают парламентарии... В 1803 году, однако, в парламенте выделили специальные места для журналистов, которые могли сидеть в галерее для посетителей. Там было неудобно, очень душно и темно. И только в 1945 году для журналистов в палате общин создали специальную галерею, откуда можно было видеть и слышать, что же происходит в зале заседаний. На это понадобилось 142 года!

Политики в Британии никогда много не говорили средствам массовой информации, а если им приходилось это делать, то не по собственной воле. Но так или иначе, отношения между правительством и прессой существовали, хотя развивались хаотично.

Во время Первой мировой войны в стране появился министр информации. До этого идея создания такого поста встречала большое сопротивление. А после войны его опять упразднили. Почему? Потому что политики сказали: возможно, нам и стоит иметь такого министра в военное время, но в мирное время он совершенно ни к чему. Это нарушает баланс между правительством и оппозицией и просто мешает.

...даже в самых старых демократиях, таких как Великобритания, у политиков срабатывает инстинкт самосохранения

В годы Второй мировой войны снова возник вопрос о создании службы, занимающейся связями с общественностью. И сразу после войны пришлось вплотную заняться этим вопросом, хотя сопротивление было достаточно сильным.

К 1951 году информационная служба правительства приняла в общих чертах ту форму, какую она имеет сегодня. Она состояла из госслужащих, которым приказывалось вести себя подобающим образом, по-божески в отношении СМИ. Возможно, это был самый добрый совет, который когда-либо давали информационным службам. Если вы государственный служащий, занимающийся информационной поддержкой правительства, вы должны оставаться политически нейтральным. Какое бы в стране ни было правительство, представители информационной службы обязаны представлять исключительно его точку зрения, а не партии, которая сформировала это правительство. Я никогда не бывал в штаб-квартире консервативной партии, ни разу не принимал участия в собраниях, заседаниях или совете этой партии. Я присутствовал исключительно на министерских и правительственных заседаниях. Высказываться нейтрально было нелегкой задачей. Я не должен был говорить, что то или иное правительство, допустим, успешно контролирует стачечное движение в Британии. Я мог только сказать, сколько в тот или иной период было в стране забастовок и как снизилось их количество за последние годы. Слушателям или зрителям предоставлялась возможность самим составлять мнение на основании изложенного.

Второе требование к госслужащим состояло в том, что ни один из министров или членов правительства не имел права использовать общественные финансы для партстроительства или каких-то дел, связанных с той или иной политической партией. В противном случае им грозило парламентское расследование в палате общин. Мне кажется, что за правительством нужно внимательно наблюдать, потому что в распоряжении у чиновников слишком много власти и огромное количество денег. Они должны знать, что они подотчетны. Это достигается прежде всего посредством парламента, который для этого и предназначен, но то же самое должны делать и средства массовой информации. Государственный служащий, занятый в информационной службе, должен предельно внимательно относиться к источникам информации. Потому что люди, которые дают вам информацию, могут добросовестно заблуждаться, Иными словами, нельзя ни при каких обстоятельствах опираться на данные так называемых анонимных источников.

Бене Бергадо. Самовластѐе. 2002

Наконец, государственный служащий не может иметь фаворитов при распространении новостей и информации. Я горжусь тем, что, когда ушел в отставку с поста пресс-секретаря Маргарет Тэтчер, корреспондент коммунистической лондонской газеты «Морнинг стар» (не написавший о ней за одиннадцать с половиной лет ни одного доброго слова) сказал: спасибо большое за то, что вы никогда не пытались меня дискриминировать. Это была, наверное, высшая похвала, которую я получил.

Входило ли в мои обязанности запрещать какие-то негативные сообщения? Нет. Я был, конечно, в курсе всего, что публиковалось. Но каждый имел право сказать

Политики тоже не хотят никакого контроля и хотят доминировать в СМИ

о правительстве и министрах все что угодно. И министр, разумеется, мог говорить все, что он хотел, — на то он и министр. Что же касается правительственной информационной службы, то она имела дело только с официальными заявлениями министра, за которые тот нес ответственность. И министр искал способ, чтобы в печать попали как можно лучшие слова о том, какие достижения у правительства. Ему важно было оправдать свое присутствие в правительстве. Конечно, журналисты могли по-своему интерпретировать все, что он сказал, добавляя свои собственные оценки, не всегда приятные тем же министрам.

Тот кодекс профессиональной этики, о котором мы говорили, очень важен для госслужащих на информационной службе. У меня было на этом посту четырнадцать предшественников и теперь уже три преемника. И все мы не только поддерживали существование этой службы, но, можно сказать, осуществляли за ней почти полицейский надзор. Мы находились (и находимся) под постоянным перекрестным вниманием со стороны как парламента, так и различных оппозиционных групп и министерств.

Не стану отрицать, что были и ошибки. Я сам ответственен за ряд ошибок в работе информационной службы. Вступив в должность, я хотел изменить систему, сделать ее более эффективной. Пытался чрезмерно ее централизовать. Из-за этого попадал иногда в неприятные положения. На самом деле, когда есть система, которая хорошо и надежно работает, не нужно ей мешать. Зачем улучшать, когда она и так хорошо работает?

В середине 70-х годов средства массовой информации не сразу пришли к осознанию своего возросшего могущества в связи с развитием телевидения. Уровень безответственности, который царил в те годы, наверное, превосходил тот, что мы имеем сейчас. Полагаю, многие промахи были совершены из-за неверной трактовки задач самой системы информационной службы правительства. Государственные служащие, в целом информационная служба работали достаточно эффективно. Правительства уходили в отставку из-за собственных ошибок, а не из-за того, какое впечатление создавалось о них в СМИ. Мне не кажется, что в Великобритании существовал постоянный дефицит доверия к правительству.

Информационная служба правительства фактически выступает в роли повитухи, способствуя рождению новостей, доводя факты до сведения общественности. Но при этом необходимо помнить, что реальность всегда гораздо сложнее, чем мы ее представляем. Молчание информационной службы, пожалуй, оглушает больше, чем любые произнесенные слова. Тони Блэр вступил в долж-

ность с помощью исключительно безжалостной и мощной медиамшины. И эта медиамшина, в частности, говорила о том, что консерваторы погрязли во лжи и мракобесии. Что произошло? В течение первых двенадцати месяцев основные чиновники информационной правительственной службы были отстранены от должности. Некоторые из них ушли в отставку, иные были заменены. Фактически произошла полная ротация. К концу 2001 года остался только один сотрудник из прежнего состава. Никогда ранее в британской истории мы не наблюдали такой полной ротации, я бы сказал — чистки правительственной информационной службы. Теперь мои коллеги, работающие в информационной службе правительства (это мое личное мнение), стремятся придать всему сказанному политическую окраску.

Должен сказать, что некоторым журналистам очень нравится подобная ситуация. В настоящее время утечка информации — рутинная часть функционирования британской правительственной машины. Ни одно заявление правительства не доходит до парламента без того, чтобы о нем не стало известно из каких-либо иных источников. При этом истолкование, различные интерпретации правительственных инициатив не всегда играют на руку этим инициативам. Начинается яростная кампания, чтобы заглушить голоса многих журналистов. Можно, таким образом, говорить о дискредитации информационной службы. Нередки ситуации, когда представителям службы приходится публично извиняться за тот или иной случай, хотя, мне кажется, когда проступки настолько часты, извинения неуместны.

На мой взгляд, в этих обстоятельствах средства массовой информации сами проявили необычайную склонность к подкупу. Я, будучи пресс-секретарем и лейбористского, и консервативного правительств с 1967-го по 1990 год, никогда бы не поверил, что такое возможно. К каким изменениям в политической системе Великобритании это привело? В первую очередь — к падению доверия к правительству и ко всем политикам вообще. Падение такого масштаба существовало, наверное, у вас в советские времена. Британская система, если так можно выразиться — мать демократии, боюсь, истекает кровью. Мы имеем сегодня чересчур могущественное правительство, не питающее должного уважения ни к традициям, ни к истории, ни к реальности. Мы имеем беспомощную оппозицию и продажную прессу. И у нас есть политизированная информационная служба, которая не делает практически ничего, чтобы защитить свое доброе имя. Правительство погрязло в политических технологиях, и не исключено, что следующие выборы также выиграют лейбористы — не в последнюю очередь из-за абсолютного бессилия оппозиции.

При всем том я сознаю, — возвращаясь к российскому опыту, к возможности развития демократических свобод в области средств массовой информации, — насколько разрушительными могут стать достаточно короткие промежутки времени, когда демократическое правительство поддается соблазну доминировать и фактически свертывает фундаментальные реформы. Говорю как человек, который служил семи правительствам, четырем премьер-министрам, принадлежащим как к лейбористской, так и к консервативной партиям. Не думаю, чтобы кто-нибудь из этих премьер-министров мог предвидеть то состояние средств массовой информации, которое мы наблюдаем в течение последних семи лет. Взаимоотношения между правительством и информационной службой в настоящее время пугающе плохие. Звучит не очень оптимистично, но таков мой взгляд.

Мы продолжаем знакомить читателя с нашими изданиями, публикуя короткие аннотации и характерные отрывки, дающие представление о выходящей в свет книге, а также сведения об авторах.

КУЛЬТУРА ПОЛИТИКА ФИЛОСОФИЯ

Уильям М. Джонстон. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии 1848-1938 гг.

Перевод с английского.

«Австрийский Ренессанс» – это систематизированное исследование социальной и интеллектуальной истории габсбургской Австро-Венгрии второй половины XIX – первой трети XX века. В «Новом Вавилоне», каким представлялась многонациональная империя, парадоксально сосуществовали разные языки и нравы, патриархальность и модернизм, аристократическая и массовая культура; ниспровергались и создавались философские концепции, экономические и социальные теории; рождался новый язык в литературе, музыке, живописи, архитектуре.

Именно в этот период наступления «молодых» на систему ценностей классического либерализма появились психоанализ и социология знания, получили теоретическое обоснование сионизм, объединение Европы, родились эстетические школы венского импрессионизма...

В чем загадка культурного феномена эпохи австрийского Веселого Апокалипсиса с ее нигилизмом и свободой нравов, культом «маленького человека», сельской общины, с погружением в праздность и созерцание, с политической апатией и продажностью некомпетентной бюрократии? Почему в интеллектуальном пространстве многонациональной империи доминировали евреи, отношение к которым в обществе было далеко не благосклонным?

Построенный на первоисточниках энциклопедический труд известного американского историка У. М. Джонстона блестяще решает задачу анализа исторического и социально-политического контекста австрийского ренессанса и его глобального воздействия на культурно-интеллектуальное состояние мировой цивилизации.

ДОСТИЖЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ АВСТРИИ

Может возникнуть вопрос, кто из новаторов, о которых шла речь в этой книге, оказал самое большое влияние на последующие поколения? Первое место, без сомнения, нужно отдать Фрейду. Ни один другой мыслитель XX века, будь то австриец или нет, не оказал столь продуктивного влияния на сознание со-

временников, так или иначе затронув все аспекты экономической, социальной и интеллектуальной жизни. Вездесущность психоанализа объясняется главным образом тем, что сейчас наиболее распространенным взглядом на мир является позитивизм с оттенком импрессионизма. Исследователям еще предстоит выяснить, в какой мере после 1945 года именно австрийцы способствовали распространению этого типа мышления. Вторым направлением, у которого была масса сторонников, является буберовская философия диалога: как и психоанализ, она примиряет позитивизм с импрессионизмом, проводя границу между различными уровнями психики.

Третье направление, в котором воплотилась любовь австрийцев к фантазии, это литература. Бросив вызов обыденности, такие великолепные романисты, как Кафка, Музиль и Рот, показали, что значит приоритет воображения. Критикуя технический прогресс и новое варварство, которое он несет, маркионисты и терапевтические нигилисты боролись против грядущего тоталитаризма, строя при этом свои малополезные для их времени прогнозы. В отличие от французских и американских писателей австрийские авторы тратили гораздо больше энергии на диагноз, чем на лечение.

Кроме того, что они сформулировали систему взглядов, ставшую составной частью нашего самосознания, австрийцы оказались зачинателями новых, очень важных течений почти во всех сферах мыслительной деятельности. Созданный в рамках философии логический позитивизм и лингвистический анализ из Вены дошел до каждого университета, в стенах которого говорили на английском языке. Brentano открыл новые перспективы в эпистемологии, психологии и этике, а феноменология Гуссерля стала самостоятельной дисциплиной. Используя принципы позитивизма, Кельзен создал совершенно новые представления в области теории права, а в области теории экономики Менгер со своими студентами основал так называемый маргинальный анализ. В социальной теории Лукач и Манхейм основали науку, которая позднее получила название социологии знания. Доведенная до совершенства продолжателями этого дела, она стала особой наукой, бесценным средством для обуздания тех, кто требует свержения какого-либо установленного порядка. Венгерские теоретики учили, что ни одна программа изменения общества не может не испытывать на себя влияния самого этого общества. И в этом отношении социология знания, как и психоанализ, с присущей ей систематической строгостью усиливает спасительный для всех релятивизм.

Вряд ли кому из австрийских утопистов удалось увидеть осуществление своей мечты. Конечно, еврейское государство Герцля и сбалансированная культура сексуальности Майредер стали фактами жизни, как и результаты крестового похода Лооса против орнаменталистики в архитектуре. Все остальные теории кажутся донкихотскими — будь то программа искоренения бедности Поппер-Люнкюйса, мечта о мире Сутнер или схема объединения Европы Коуденхове-Калерги. Авторы этих теорий, равно как и таких педантов, как Вейнингер и Брех, не слишком приветствовали в мире, уважавшем только власть сильного.

Возможно, еще рано выносить окончательный вердикт в отношении того, что оставили миру австрийские мыслители, однако ясно одно: присущая им способность к глобальному мышлению, увы, утрачивается. За последние двадцать лет ни одна страна не дала философа или ученого, работающего в области социальной теории и способного соперничать по части новаторства с Фрейдом, Гуссерлем, Витгенштейном, Кельзеном или Нейратом.

Однако благодаря тому, что несколько австрийских мыслителей поселились в Северной Америке и Великобритании, глобальное мышление исчезло не полностью. С 1945 года Арнольд Хаузер, Майкл Полани, Фридрих фон Хайек, Людвиг фон Бергаланфи, Карл Поппер и Эрнст Гомбрих, обладая широчайшим диапазоном научных интересов, увенчали свои карьеры созданием целостной системы взглядов. И надо отметить, что их труды кажутся поразительными с точки зрения сегодняшнего дня.

Еще предстоит выяснить, сможет ли глобальная цивилизация создать условия, хотя бы приближенные к тем, которые превратили Австрию в путеводный маяк для нашего современного, такого динамичного мира. Сейчас, когда перемены во всех областях жизни стали приметой повседневной, никто не поможет нам лучше, чем эти знатоки метаморфоз, жившие в империи Габсбургов. Тем не менее есть один аспект, в котором им не стоит подражать. Эти мыслители времен Веселого Апокалипсиса считали себя скорее завершителями прежней эпохи, чем открывателями новой. Карл Краус или Стефан Цвейг очень удивились бы, если узнали, что цивилизация выжила, но если ожидания ее гибели и не оправдались, то уж никак не благодаря исповедовавшемуся ими терапевтическому нигилизму. Прислушиваясь к советам их более конструктивно мыслящих соотечественников, все еще можно выиграть время и опровергнуть пессимистические ожидания. Однако сам Веселый Апокалипсис учит нас, что время уносит больше, чем сохраняет.

СВОЕВРЕМЕННАЯ МЫСЛЬ

Юрий Гиренко. Новая русская революция. Опыты политического осмысления.

В конце XX века в России произошла революция, до сих пор не опознанная и не осознанная современниками (даже теми, кто ее делал), – так полагает политический аналитик и публицист Юрий Гиренко.

Его книга «Новая русская революция» посвящена осмыслению событий в России и вокруг нее на рубеже тысячелетий. Автор утверждает, что наша страна потеряла свой исторический смысл и растерялась в чуждом ей мире. Наша элита разрушает государство и себя. Наши проблемы запутаны и запущены. И все же у нас еще есть шанс...

НОВАЯ РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Допущение, что прогрессивная общественность хоть в какой-то степени соотносится с отечественной историей и формальной логикой, представляется чрезмерно сильным.

Максим Соколов

Так же как в 1905 и в 1917 году наша интеллигенция не начинала революцию, но быстро ее возглавила. При этом ее готовность к роли лидера оказалась еще меньше, чем у либералов и социалистов начала XX века. В 1988–1991 годах интеллигентские вожди, внезапно обретшие голос и темперамент народных трибунов, со всей страстью ринулись рушить советский строй. Споры нет, со-

ветская система заслуживала гибели. Но вот что важно: у наших саванарол не было ни малейшего представления о том, что делать, когда система падет! Они имели о государственном строительстве еще меньшее представление, чем апологеты «ответственного правительства» в 1917-м (у тех был хотя бы десятилетний опыт парламентской работы).

К счастью для страны, интеллигенция не была монополистом общественной жизни. Пока интеллигенты, шалея от собственной значимости, рушили государственное здание, в недрах «субкультуры референтов» пытались разрабатывать планы переустройства. Поэтому в момент крушения СССР у руководства новой России были осмысленные предложения хотя бы по экономической политике и были люди, готовые применять свои рекомендации на практике. У них не было опыта, они мыслили схемами, их действия часто были ошибочными — но они действовали, и это спасло страну от казавшейся неминуемой экономической катастрофы. Более того, действия экономических реформаторов придали некую осмысленность и структурированность даже политике, где безраздельно господствовала интеллигенция, умевшая порождать только хаос.

Политическое доминирование интеллигенции неминуемо вело ее во власть. Приобретение интеллигентских вождей к власти началось еще в 1989–1990 годах. Поначалу они ограничивались постами депутатов и советников; если же вдруг становились реальными руководителями (вице-премьерами, министрами, мэрами и проч.), то быстро и громко уходили в отставку. Но после августовского путча начался массовый призыв вчерашних бунтарей на высокие государственные должности, и они стали осваиваться. Оказалось, что сладкий вкус власти вовсе не обязательно уравнивать тяжелым грузом ответственности. Что служение можно просто имитировать, получая при этом весомые выгоды в виде роскошных особняков, «откатов», казенной obsługi и т.п. Верхушка интеллигенции, развращенная десятилетиями «совка», оказалась на удивление легко коррумплируемой...

Так возникло явление, немыслимое в начале века, — демократура. Интеллигентские вожди приобщились к власти, но остались отщепенцами. Занимая высокие посты и принимая непосредственное (зачастую — определяющее) участие в принятии государственных решений, они никоим образом не отождествляют себя с государством (точнее — отождествляют государство с собой, пока занимают должности и пользуются их преимуществами). Демократура соединила в себе интеллигентскую безответственность и нигилизм с бюрократической рутинной и косностью, отбросив как идеализм первой, так и государственничество второй.

Но демократурой стала только верхушка (в основном столичная) интеллигенции. Большая же часть «работников умственного труда» не вописалась в поворот к рынку. Учителя, врачи, инженеры и научные работники были яркими сторонниками демократических перемен — и стали первыми их жертвами. А то, как повела себя интеллигентская масса после 1991 года, должно войти в анализы социальной антропологии.

Не умея войти в рынок, интеллигенты продолжали его приветствовать (раз про рынок написано в умных книгах). Они практически не пытались ни адаптироваться индивидуально, ни заставить государство и общество принимать в расчет свои интересы. Их недовольство положением дел стало выражаться (и выражается по сей день) либо в бездумном следовании указаниям демократуры, либо в полном уходе из общественной жизни. Второе не надо путать с этим профессионалов позднесоветских времен — там был осмысленный отказ

от участия в бессмысленных ритуалах, здесь — бессмысленный отказ от осмысленного участия в политическом процессе.

Трудно сказать, чье поведение в большей степени лишено смысла — ведущего меньшинства (демократуры) или ведомого большинства (основная масса интеллигенции). Первые готовы жертвовать всем ради своих сиюминутных интересов, не умея выглянуть за границы собственного загородного имени. Вторые готовы идти за первыми, не желая увидеть разделяющей их пропасти. Понятно одно: те и другие вместе не хотят признавать реальности. Они по-прежнему мнят себя социальными инженерами, удивляясь: почему прочие сограждане не спешат отдаться их экспериментаторству?

НОВЫЕ НАДЕЖДЫ

Отечество, правосудие, государство — основа основ нации.

Морис Дрюон

На выборах в декабре 2003 и марте 2004 года «либеральной общественности» — то бишь новой русской интеллигенции — избиратели указали на дверь. Значит ли это, что интеллигентский морок, довлевший России последние полторы сотни лет, развеялся? Не совсем.

Во-первых, интеллигентские «бесы» по-прежнему располагают мощными ресурсами. Они если и не в состоянии вести за собой, то вполне способны порождать мифы и стереотипы, мешающие окончательно выбросить «русскую интеллигенцию» на свалку истории.

Во-вторых, у интеллигенции все еще нет адекватной замены, по крайней мере в политическом пространстве. Разочаровавшись во вчерашних «властителях дум», россияне голосуют (если голосуют) за таких же бесов, только не умствующих лукаво.

Неинтеллигентская образованная элита в России существует, но она еще социально слаба и не очень отделяет себя от интеллигенции. Рвать пуповину приходится самостоятельно, а это больно и не всегда посылно.

Становление новой экономики привело к формированию новых социальных страт, которым интеллигентские мифы, комплексы и предубеждения глубоко чужды. Появилась национальная буржуазия; вырос новый средний класс; формируется сословие новых профессионалов... Но все эти группы еще чуждаются социальной активности; побаиваются политики; не верят политикам.

И тем не менее люди уже есть. Сыграют ли они свою роль в истории; смогут ли преодолеть «дурную бесконечность» яновских циклов? Ответ не очевиден. На том перепутье, на котором находится сейчас наша страна, исход зависит от множества факторов; от усилий каждого неравнодушного гражданина.

Мы знаем точно, что не можем надеяться на интеллигенцию: все, что она сделала до сих пор, вело только к разрушению, а теперь время созидать.

Неправительственные правозащитные организации

*Сергей Сергеев,
научный сотрудник
Поволжской Академии государственной службы
им. П.А. Столыпина*

В статье 2 Конституции Российской Федерации сказано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Хотя во многих статьях Конституции особо подчеркивается роль государства в обеспечении реализации прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, тем не менее в статье 45 части 2 признается, что «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законами». Таким образом, за каждым человеком, находящимся на территории Российской Федерации признается право защищать свои права и свободы индивидуально или коллективно, прибегая к помощи государственных или международных институтов, российских или международных межправительственных или неправительственных организаций в рамках, не нарушающих действующее национальное законодательство.

Современное отечественное гражданское правозащитное движение историческими корнями уходит в период существования Советского Союза, когда права и свободы человека, зафиксированные в Основном законе страны, оставались не более чем декларацией, а государственные интересы ставились неизмеримо выше прав и свобод индивидуума. Так называемое диссидентство (несогласие) стало той идейной основой, на которой оформлялось независимое правозащитное движение сначала в СССР, а затем в суверенной России.

Одной из наиболее известных и авторитетных советских, а с 1991 года российских

правозащитных организаций является Московская Хельсинкская группа (МХГ). Организация была создана по инициативе известного советского физика, члена-корреспондента Академии наук Армянской ССР, профессора Юрия Федоровича Орлова, который и стал ее первым руководителем.

Поводом для создания МХГ стали решения проходившего с 30 июля по 1 августа 1975 года в столице Финляндии Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). В Совещании приняли участие руководители тридцати трех европейских государств (всех европейских стран за исключением Албании), США и Канады. 1 августа 1975 года главами государств был подписан Заключительный акт Совещания, согласно которому страны-участницы (в том числе СССР) брали на себя обязательство придерживаться международных стандартов в области прав человека. Тем не менее было очевидно, что Советский Союз не собирался на деле выполнять взятые на себя обязательства в гуманитарной сфере (так называемая третья корзина), в стране сохранялась жесткая цензура, однопартийная система, официальная коммунистическая идеология, отсутствовала свобода слова, преследовались инакомыслящие, имелись политические заключенные.

Московские правозащитники Юрий Орлов, Андрей Амальрик, Валентин Турчин, Анатолий (Натан) Щаранский выдвинули идею создания в странах — участницах Совещания независимых от официальных государственных институтов общественных объединений по контролю за выполнением гуманитарных статей Хельсинкских соглашений. О создании группы было объявлено 12 мая 1976 года в Москве на пресс-конфе-

ренции, созданной на квартире академика Андрея Дмитриевича Сахарова. В МХГ вошли известные правозащитники: Людмила Алексеева, Михаил Бернштам (состоял в МХГ около двух месяцев), Елена Боннэр (жена академика Сахарова), Александр Гинзбург, Петр Григоренко, Александр Корчак, Мальва Ланда, Анатолий Марченко, Виталий Рубин, Анатолий Щаранский.

Работа группы состояла в том, чтобы принимать от граждан СССР информацию о нарушениях гуманитарных статей Хельсинкских соглашений, на этой основе составлять документы, которые доводились бы до сведения общественности и правительства тридцати пяти государств, подписавших Заключительный акт Хельсинкского совещания. Информация собиралась и в ходе специально совершаемых выездов членов правозащитной группы в регионы страны.

В подготовленных документах указывались конкретные случаи нарушений официальными властями Советского Союза взятых на себя обязательств. Наиболее часто фигурировали нарушения свободы выбора места проживания, свободы передвижения, свободы выезда из страны и возвращения в нее, свободы совести. Имелись задокументированные свидетельства нарушения социально-экономических прав граждан, права на справедливый суд, права на контакты между людьми (общение); в Советском Союзе нарушалось равноправие наций, право народов распоряжаться своей судьбой; особенно актуально стоял вопрос о наличии политических заключенных и нарушении государством их прав.

Документы подписывались членами МХГ, участвовавшими в их подготовке, а также теми правозащитниками, которые были согласны с их содержанием. После этого по почте документы направлялись в канцелярию Президиума Верховного Совета СССР и в посольства стран — участниц Хельсинкских соглашений в Москве. Кроме того, информация передавалась иностранным корреспондентам на пресс-конференциях.

Группа подготовила около двухсот информационных документов и несколько обстоятельных обзоров по правозащитной тема-

тике. МХГ взаимодействовала с другими правозащитными организациями, делались совместные сообщения и заявления о нарушениях международных стандартов прав человека в СССР. По примеру московских правозащитников в 1976–1977 годах были созданы аналогичные группы в Украине, Литве, Грузии и Армении.

В январе 1977 года по инициативе Петра Григоренко при МХГ была создана Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях, что не могло не вызвать резко негативной реакции со стороны КГБ и других официальных советских структур. Высшее партийное и государственное руководство СССР было крайне раздражено поведением правозащитников и тем, что к нарушениям прав человека в Советском Союзе привлекалось внимание лидеров других государств и представителей мировой общественности. С первых дней создания группы в советской печати началась спланированная кампания угроз и клеветы, цель которой состояла в ликвидации хельсинкского движения в СССР.

На членов МХГ оказывалось давление, КГБ добивался отказа правозащитников от участия в работе группы и вынуждал их к эмиграции. В 1976 году эмигрировал Виталий Рубин, в 1977-м Людмила Алексеева и Петр Григоренко. Уже в феврале 1977 года начались аресты членов Московской и других Хельсинкских групп, действовавших в СССР. Были арестованы Юрий Орлов, Александр Гинзбург, Анатолий Щаранский и Мальва Ланда. Однако МХГ продолжила свою работу, в нее вошли Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Наум Мейман, Юрий Мнюх, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Феликс Серебров, Владимир Слепак, Леонард Терновский, Юрий Ярым-Агаев, после окончания ссылки вернулась к работе в группе Мальва Ланда, вновь репрессированная в 1980 году.

По приговорам, вынесенным советскими судами, члены МХГ в общей сложности должны были отбыть свыше шестидесяти лет лагерей и сорока лет ссылки. К концу 1981 года на свободе в СССР остались лишь три члена группы: Елена Боннэр, Софья

Каллистратова и Наум Мейман. В сентябре 1982 года было сделано заявление о прекращении работы группы. Причиной послужило то, что на Софью Каллистратову было заведено уголовное дело и ей грозил арест.

С момента своего создания МХГ вызвала большой интерес и поддержку западной общественности. Сообщения о деятельности группы и репрессиях против ее членов были в центре внимания западных средств массовой информации и особенно радиостанций, вещавших на Советский Союз. В 1978 году сенат США выдвинул арестованных членов МХГ на соискание Нобелевской премии мира. Вопрос о судьбе советских правозащитников регулярно поднимался на встречах политических и общественных деятелей западных демократических стран с партийным и государственным руководством СССР.

Активная деятельность МХГ была возобновлена в период перестройки во второй половине 80-х годов XX века уже в новых условиях. 28 июля 1989 года правозащитники Вячеслав Бахмин, Лариса Богораз, Борис Золотухин, Сергей Ковалев, Алексей Смирнов и Лев Тимофеев провозгласили восстание Московской Хельсинкской группы. Вскоре к ним присоединились Людмила Алексеева, Кронид Любарский и Юрий Орлов. Председателем группы стала Лариса Богораз, которую в 1994 году на этой должности сменил Кронид Любарский.

В мае 1996 года МХГ возглавила вернувшаяся в 1993 году из эмиграции Людмила Алексеева. В состав Московской Хельсинкской группы в новейший период входили известные отечественные правозащитники: Валерий Абрамкин, Борис Альтшулер, Эрнст Аметистов, Валерий Борщев, Кристофер Геттеруд, Иосиф Дядькин, Евгений Захаров, Инна Захарова, Дина Каминская, Виктория Маликова, Карина Москаленко, Сергей Пашин, Борис Пинскер, Мара Полякова, Лев Пономарев, Генри Резник, Алексей Симонов, Сергей Сорокин, Галина Старовойтова, Георгий Эдельштейн, Глеб Якунин.

Согласно Уставу, принятому в 1993 году, Московская Хельсинкская группа является неправительственной общественной организацией, целью которой по-прежнему остается содействие практическому выполнению гуманитарных статей Заклю-

*«Каждый вправе защищать
свои права и свободы всеми способами,
не запрещенными законами»*

чительного акта Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

С июля 1996 года МХГ выпускает информационный бюллетень, бесплатно рассылаемый региональным правозащитным организациям.

Создание Московской Хельсинкской группы положило начало международному хельсинкскому движению, которое ныне состоит из тридцати семи аналогичных национальных правозащитных организаций в странах — партнерах по Хельсинкским соглашениям. Организации объединены в основанную в 1982 году в Беладжио (Италия) Международную Хельсинкскую федерацию по правам человека, президентом которой в ноябре 1998 года была избрана российская правозащитница Людмила Алексеева.

Помимо Московской Хельсинкской группы одной из наиболее известных правозащитных структур, действующих в Российской Федерации, является «Мемориал». Сегодня это не просто организация (общество, клуб, фонд), а достаточно влиятельное движение на пространстве бывшего СССР, основной задачей которого изначально было заявлено сохранение памяти о политических репрессиях в недавнем прошлом нашей страны и их жертвах. В движение входят десятки региональных организаций в России, Казахстане, Украине, Грузии, Латвии, ведущих правозащитную, исследовательскую и просветительскую работу.

Специалисты «Мемориала» изучают историю ГУЛАГа, ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ, историю диссидентского движения в СССР 60–80-х годов XX века, уточняют статистику политических репрессий в СССР. «Мемориалом» созданы общедоступные музейные коллекции, собрания документов, специализированные библиотеки, посвященные тематике политических репрессий в советский период истории.

Актом памяти и напоминанием о тоталитарном прошлом страны является установленный по инициативе российского общества «Мемориал» на Лубянской площади в Москве* Соловецкий камень**, а также множество памятников в самых разных уголках бывшего СССР.

Издательская и просветительская деятельность «Мемориала» нашла воплощение в десятках книг, газетных и журнальных статей, радиопередач, выставок, посвященных как трагедиям прошлых десятилетий, так и сегодняшним попыткам ущемления свободы и достоинства граждан России и других стран СНГ. Новым направлением в работе Общества стала организация и проведение всероссийских и международных конкурсов по тематике исследования истории политических репрессий и правозащитного движения в странах бывшего СССР, современного состояния соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Большое внимание уделяется правотворческой деятельности. По инициативе и при участии «Мемориала» в 1991 году был принят Закон о реабилитации жертв политических репрессий, вернувший гражданскую честь и достоинство сотням тысяч сограждан и провозгласивший 30 октября Днем памяти жертв политических репрессий. Юристами «Мемориала» проводится правовая экспертиза нормативно-право-

вых актов, в том числе федеральных и региональных законов, непосредственно затрагивающих права и свободы человека и гражданина. Кроме того, организация оказывает юридическую, а иногда и материальную помощь бывшим политзаключенным, прошедшим советские тюрьмы и лагеря.

При непосредственном содействии граждан и групп наблюдателей в «горячих точках» на территории СНГ специалисты «Мемориала» собирают, проверяют и анализируют фактический материал о нарушениях прав человека. Наряду с аналогичными сведениями из регионов России собранные данные публикуются в средствах массовой информации или же в форме отдельных докладов направляются уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, в органы власти различных уровней.

Одной из старейших отечественных правозащитных организаций является Центр содействия реформе уголовного правосудия (ЦСРУП), учрежденный в 1988 году бывшими политзаключенными при поддержке академика Андрея Дмитриевича Сахарова, который активно сотрудничал с инициаторами создания этой общественной организации. Центр занимается проблемами уголовного правосудия и исполнения наказания, условиями содержания заключенных и соблюдением их гуманитарных прав.

Основатели Центра на собственном опыте знали о тяжелых условиях содержания подследственных и заключенных в советских (российских) тюрьмах и колониях. Одним из главных направлений деятельности Центра стала организация широкой политической и общественной поддержки преобразованию судебной и пенитенциарной

* Эта площадь в новейшей истории СССР и России известна прежде всего тем, что здесь расположено здание Комитета государственной безопасности (ныне – ФСБ) – советской спецслужбы, преследовавшей за политическую деятельность и проводившей репрессии.

** Соловецкий монастырь (Архангельская область) в Белом море в 20-е годы XX века был превращен советской властью в первый лагерь и первую тюрьму особого назначения (СЛОИ и СТОИ) для политических заключенных. Соловки стали главным символом политических репрессий.

систем. Правозащитники стремились привлечь внимание органов власти, средств массовой информации, всего общества к тревожному положению, сложившемуся в этой сфере, дать точное представление о тех последствиях, которыми грозит промедление в проведении реформ.

Специалисты Центра исходили из того, что начальным шагом гуманизации и установления приемлемых рамок человеческого существования в условиях лишения или ограничения свободы должно стать сокращение численности содержащихся под стражей. Количество заключенных в России в 1991–1998 годах выросло в полтора раза, превысив миллион человек. Это привело к дальнейшему ухудшению положения заключенных, одним из наиболее очевидных проявлений чего стало расширение туберкулезной эпидемии. Правозащитники не оставляли в стороне и вопрос об условиях работы сотрудников пенитенциарных служб, которые также требовали существенного улучшения.

К 1991 году Центр разработал программу законодательных и других предложений, направленных на гуманизацию содержания подследственных и заключенных, проведение судебной реформы и реформы системы исполнения наказания. Определенным итогом усилий правозащитников ЦСРУП стал принятый Верховным Советом РСФСР в 1992 году закон о внесении изменений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (ИТК РСФСР). В нем были учтены основные предложения Центра, направленные на значительное смягчение условий содержания заключенных.

Закон предусматривал отмену жестоких дисциплинарных наказаний и неоправданных ограничений, например таких как лишение права на свидания с родственниками, получение посылок и передач, права приобретать на заработанные заключенным деньги продукты в магазине учреждения, права самому решать, стричься ли наголо, иметь свой радиоприемник и других. Заключенные получили право на свободу

вероисповедания, право на отдых и телефонные переговоры. Правозащитникам удалось добиться ликвидации запрета на посещение пенитенциарных учреждений активистами неправительственных организаций, журналистами, священниками.

*...стало меняться
отношение общества к людям,
оказавшимся в местах заключения*

Сотрудники Центра участвовали в работе и над другими законами в сфере уголовного правосудия и исполнения наказания, в преобразовании судебной системы. Деятельность ЦСРУП в немалой степени способствовала первым успехам судебной реформы в Российской Федерации. В 1994 году директор Центра Валерий Абрамкин был назначен членом Совета по судебной реформе при Президенте России.

Центр явился одним из инициаторов и последовательных сторонников перевода следственных изоляторов и колоний из ведения Министерства внутренних дел в ведение Министерства юстиции Российской Федерации. После состоявшегося в 1998 году перевода руководство Министерства юстиции России предложило кардинальные изменения уголовно-исправительной политики российского государства. При активной поддержке российских неправительственных организаций (в первую очередь правозащитных) были разработаны и приняты Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, другие законодательные акты, направленные на дальнейшее сокращение количества заключенных в России и гуманизацию условий их содержания.

Предпринятые Главным управлением по исполнению наказаний (ГУИН) Министерства юстиции меры принесли очевидные положительные результаты: в 2000 году количество содержащихся под стражей в России уменьшилось на сто сорок тысяч чело-

век*. Сегодня российские исправительные учреждения становятся все более открытыми и доступными для посещения правозащитниками и журналистами с целью осуществления гражданского контроля за условиями содержания заключенных. Руководство российской системы исполнения наказания признало, что реализация задуманных преобразований требует не только законодательных изменений, но и поддержки со стороны институтов гражданского общества.

Одна из важных задач, которую ставит перед собой ЦСРУП, — налаживание тесного контакта с персоналом пенитенциарных учреждений, которому по долгу службы приходится реализовывать новые законодательные установления. Человеческий фактор является важнейшим условием для того, чтобы более гуманные законы в отношении подследственных и заключенных стали реально действующими: без работников системы исполнения наказания, способных понять и принять эти новшества, преобразования в данной сфере обречены на неудачу.

Серьезной социально значимой проблемой в настоящее время является создание государственных и общественных служб допенитенциарной и постпенитенциарной помощи. Специалисты понимают, что процесс сокращения численности заключенных только за счет смягчения уголовной политики не может стать долговременным и устойчивым. Реально снизить уровень преступности (в том числе рецидивной) в стране, а бывшим заключенным помочь адаптироваться к нормальной жизни возможно только при условии эффективного решения проблемы социальной реабилитации. Практические усилия Центра направлены на создание сети служб, которые будут способны оказывать действенную помощь осужден-

ным к наказаниям, не связанным с лишением свободы, и освобождающимся из мест лишения свободы.

ЦСРУП проводит большую просветительскую и пропагандистскую работу: выпущены сотни книг, брошюр, буклетов, листовок и плакатов, подготовлено более тысячи публикаций, аудио- и видеосюжетов для средств массовой информации, с 1992 года на волнах государственной радиостанции «Радио России» под названием «Облака» выходит еженедельная радиопередача о проблемах заключенных**. Усилиями Центра была подготовлена выставка «Человек и тюрьма», показанная в залах Москвы, других российских городов и вызвавшая большой общественный резонанс. Дважды она экспонировалась в Государственной думе. За три года работы (1998–2001) выставку посетили более ста тысяч человек.

Благодаря просветительской и пропагандистской работе правозащитников стало меняться отношение общества к людям, оказавшимся в местах заключения. По результатам социологических исследований ФОМ в регионах России до 65 процентов населения страны считают, что улучшение условий содержания в тюрьмах является важной государственной задачей.

Сотрудники ЦСРУП ежегодно получают и обрабатывают несколько тысяч писем, осуществляют мониторинг соблюдения прав человека и текущего законодательства в местах лишения свободы, проводят социологические исследования. Центр активно работает в области правового просвещения населения, выпуская информационные материалы в помощь заключенным, их родственникам, сотрудникам уголовно-исполнительной системы (серия «Знай свои права!»). Помимо этого оказывается благотворительная помощь заключенным.

* Впервые с 30–50-х годов XX века (система ГУЛАГ) Россия перестала быть лидером по количеству заключенных на сто тысяч человек населения, уступив это сомнительное первенство Соединенным Штатам: теперь в Российской Федерации шестьсот сорок заключенных на сто тысяч человек населения, тогда как в США — семьсот.

** По данным опроса фонда «Общественное мнение» (социологическая служба ФОМ) эту передачу слушает 25 процентов взрослого населения России, не считая заключенных.

Почему люди ходят в школу?

Признаюсь сразу, эти заметки возникли из тех вопросов, которые я по разным причинам так и не смог задать на семинарах Московской школы политических исследований: либо выступающие были столь интересными, что хотелось больше слушать, нежели говорить, либо до меня не доходила очередь, либо разговор направлялся совсем в другое, но не менее интересное русло. Поэтому над так и оставшимися на бумаге вопросами приходилось размышлять самому, поскольку многое из того, о чем говорится на семинарах, касается не столько умозрительных концепций, сколько затрагивает собственные мысли, тревожащие душу чуть не каждый день: правильно ли живешь и туда ли мы идем. Прошу прощения за эту неожиданную высокопарность, но хотел бы я посмотреть на человека, который мне возразит. А потом сами вопросы оказались не нужны, потому что в результате оказалось, что собирались в Школу не для этого. А для чего?

Школа стала самым глубоким интимным переживанием.

Лет десять назад встретил цитату с подобным утверждением из школьного сочинения, правда дело в ней касалось Пушкина. Школа для каждого человека — более чем серьезный стресс; это желание быть там, где близкие тебе люди, духовный и интеллектуальный труд, ответственность наконец. Наверное, поэтому так рвались в школу многие литературные герои детства — от простите, Филиппка и Пинноккио до Ломоносова, который с рыбным обозом дошел до университета аж от самого Архангельска. Хочется быть лучше, знать больше, хочется понимать, что ты не один, что твои мысли и переживания — не только твои личные, что есть кто-то, кто думает так же или в том же направлении, что и ты.

С первого же моего посещения Школы зимой прошлого года начались новые впечатления: Школа огорошила и озадачила. Во-первых, оказалось, что и у нас, и там, «за бугром», есть немало интересных, умных, знающих людей, которые не выступают мэтрами, а мучаются теми же жизненными вопросами, которые размышляют вместе с тобой, хотя уже достигли каждый в своем деле серьезных высот. Раньше приходилось бы-

*Андрей Раев,
руководитель пресс-службы
правительства
Республики Карелия*

вать в разных странах, но часто местные спецы смотрели на прибывших каким-то «прикладным» взглядом: уж сейчас-то мы научим этих русских демократии. Долго приходилось доказывать, что мы не дикари с дубиной. Здесь такого изначально нет.

Почему после первого семинара я каждый раз снова и снова рвусь в Школу? На работе при просьбе о командировке задают вопрос: а оно надо? Надо! Не говорю о том, как трудно все это организовать, собрать деньги и людей, удержать их внимание, спровоцировать на дискуссию. Главное в том, что сегодня осталось неизблемой ценностью: общение с людьми, которые тебе интересны. Это целый пласт сегодняшней политической культуры, не замшелые чиновники, давно забывшие о том, для кого и для чего они работают и как выглядит собственная страна, а живые, энергичные люди.

Видел я вашу Италию на карте — сапог-сапогом...

Не сапог! итальянцы — интереснейшие люди и собеседники. И все остальные тоже, за очень редким исключением. Не буду про их уровень жизни. Но и Россия — не лошадь, на которую похожа на карте. Наверное, есть люди, которые так и думают, что лошадь, что все вынесет, поэтому и получается «как всегда», и не слушают друг друга, а в результате, чего ни коснись, все плохо реализовано, что монетизация, что любая другая реформа...

Семинары Школы помогают прорвать занавес одних и тех же бесконечных обсуждений у себя в регионе, замкнутость разговоров, вырваться «над» и посмотреть, что у других, попробовать понять, что делать дальше. Хорошо, если ты молод и у тебя есть Интернет и деньги на него. А если ты из другого поколения или живешь в глубинке и у тебя из источников информации два канала телевидения? Посмотреть, как «у них», даже просто услышать — уже шок.

А когда видишь, как на твоих глазах впервые посетивший Школу к концу семинара начинает не просто восторгаться и задавать вопросы, а спорить и дискутировать с более чем серьезным оппонентом, не можешь не отдавать должное ее *атмосфере*, где каждый равен в правах с другими и знает, что его мнение будет услышано.

Конечно, часто бывает, что западные гости знают меньше о реальностях российской глубинки, но для них это тоже школа, они не менторы, общение позволяет им скорректировать свои взгляды, и это тоже очень важно.

Может ли Школа изменить мировоззрение?

Если оно уже сформировалось — вряд ли. Сформировать — да! Но для этого надо пропускать через такие школы всех российских молодых людей, чтобы они поняли, что мир не ограничивается их малой родиной. С другой стороны, Школа дает уникальную возможность

сверить свои взгляды на мир, политику, общество, проверить свои идеи. Каждый ее семинар — это некий допинг, толчок: не сиди сложа руки, двигай то, что ты хотел сделать, ты тоже важен в этом мире, без тебя его картина будет неполной...

Не берусь говорить за политиков, но карельские журналисты и редакторы, побывавшие на семинарах Школы, как-то по-другому начинают смотреть на мир, свободно дискутируют дома. Желающих попасть сюда прибавляется, даже обижаются, если забыли, не взяли, подавали заявку в январе, а записали на декабрь.

В силу своих профессиональных обязанностей в пресс-службе карельского правительства и журналистской профессии мне приходится все время быть на стыке двух миров: власти и прессы. Опыт этот, надо сказать, более чем интересный.

Чиновники — не монстры (хотя бывают и исключения, но это от плохого воспитания), они живые люди, им свойственно сомневаться, ошибаться, совершать плохие поступки, они так же боятся признать собственную неправоту, выглядеть смешно или глупо. От этого — новые ошибки, метания, непоследовательность, им тоже надо помогать оставаться людьми, иначе они сдуреют в своей тусовке и действительно забудут о человеке. Но они, «зашиваясь на работе», редко ездят на подобные семинары, хотя стоило бы.

Так и живу уже седьмой год: на службе пресс-релизы, после работы или в выходные — интервью, телеэфиры, аналитика или статьи «для души», преподавание у молодых журналистов в университете. Кто-то на семинаре в Голицыно спрашивал: как сохранить себя, работая пресс-секретарем? Да только одним способом: подписывать пресс-релиз своей фамилией! Отвечать лично за каждое слово, а не прикрываться удобным выражением «пресс-служба». Писать дома в стол, если публиковать написанное не позволяет корпоративная этика, не бояться высказывать собственное мнение. Те, кому это не нравится, оценивают пресс-релиз с точки зрения журналистики, а передачу с точки зрения пиара. Молодежь на лекции задает каверзные вопросы о том, как оцениваю ту или иную статью. Для профилактики дал им газету, первый попавшийся номер: посчитайте, сколько материалов в ней спровоцировано пресс-службами? Нашли половину, но в номере их число доходило до 30-ти! После этого последовал долгий разговор о призвании журналиста. Грех не дать другим людям поразмышлять над тем, над чем думал вместе с другими сам.

Так в чьих же руках градусник?

Одна из наиболее замечательных черт Школы — провокация в самом хорошем смысле этого слова. Провокация к размышлению, со-

переживанию, поиску вариантов развития. Этой способностью обладает чуть не половина выступающих.

Кажется, Чехов в свое время писал о миссии писателя (не ручаюсь за точность): «Человека ведут в тюрьму, а литератор говорит, как ему плохо будет в тюрьме... Литератор должен научить, как бежать из тюрьмы». Эти слова более чем применимы к журналистике. По призванию журналист — тот же врач (если, конечно, он не ограничивается репортерской деятельностью и сообщением новостей). Он должен вовремя и точно поставить диагноз и сообщить его обществу и власти. Только тогда возможен переход к гражданскому обществу, о котором ведется столько разговоров. Сегодня, к великому сожалению, в массе своей (за редкими замечательными исключениями) журналисты поверхностно судят о больном, главное — новость, ведь завтра она будет другой. Поэтому от них и отмахиваются, как и от политиков, готовых часто вообще говорить о чем угодно в любом шоу. И те и другие легко идут на службу к власти, олигархам, к кому угодно и профессионально имитируют любой диагноз и даже процесс лечения. А общество в этой ситуации находится в таком

«залеченном» и перекормленном таблетками состоянии, что, услышав еще что-то, легко меняет точку зрения на противоположную.

Такое водится не только за обывателями, но и за депу-

татами, работниками аппаратов власти.

Если же вы здоровы, то после просмотра десятка каналов, у вас поднимется температура. В результате вы стопроцентно придете в соответствие с поставленным диагнозом. Если еще не пробовали — пульта вам в руки. Нет, конечно, если вы попадете в «нужный» момент на «нужный» канал, то вам скажут: все в порядке, у вас нормальная температура, в «Багдаде все спокойно». Но это бывает редко.

Похоже, я тоже становлюсь провокатором. Спасибо Школе. Но то, что более сотни журналистов и работников пресс-служб задумались вместе о судьбе и миссии журналистики, — немалое дело.

Не знаю, в каком мы сегодня классе. Россия еще учится «творческой демократии», о которой некогда писал философ Иван Ильин. Учеба только началась и не закончится до тех пор, пока демократические институты не проникнут в самую глухую деревню. А пока, если вы помните из истории, крестьяне на Дальнем Востоке узнали, что сбросили царя, этак году в 23-м ...

И вы еще спрашиваете, зачем люди ходят в школу?

Национализм

Нации, национализм и нация-государство

Наряду с такими категориями, как «власть», «государство», «суверенитет», понятие «нации» традиционно предстает одним из базовых элементов политического анализа. Следствием политической активности наций (хотя и не единственным) стал национализм — центральный феномен XX столетия. В отличие от интеграции индивида в иные социальные общности, принадлежность к нации определяется не только самоощущением, но биологическим фактом рождения, что ставит нацию в особое положение, предопределяя ее крайне запутанные взаимоотношения с государством. Сам термин «нация» происходит от латинского *nasci*, что значит «быть рожденным». Вместе с тем сведение идеи нации к наличию общих предков, общей истории или общей территории, предполагающее рассмотрение каждого из этих факторов в качестве основного, логически непродуктивно. Гораздо более совершенной выглядит трактовка, согласно которой на этот статус может претендовать любая группа, ощущающая себя нацией.

Британский историк Уолтер Бейджхот, для которого история XIX века была процессом «образования наций», отмечал: «До тех пор пока нас не спрашивают, мы понимаем, что это такое, но тотчас же объяснить или определить мы не в состоянии». Действительно, понятие нации едва ли поддается однозначному определению, а критерии отнесения к нему размыты; конкретная дефиниция зависит от того, к какой научной школе принадлежит ее автор. Между тем почти в каждом из многочисленных описаний нации упоминаются по меньшей мере два ее признака: связь с той или иной территорией и наличие особой идентичности. Расхождения исследователей начинаются

там, где речь заходит о политических аспектах национального бытия. В связи с этим различаются и трактовки национализма. В частности, ряд специалистов считает, что *любая* нация стремится политически выразить себя через создание собственного государства; национализм при этом трактуется как идеология права наций на самоопределение. В настоящее время, однако, такая интерпретация национальной проблематики стала предметом острых дискуссий, поскольку данный взгляд все более энергично оспаривается как в развитых, так и в развивающихся странах.

Фактически формирование наций было исходным пунктом средней фазы модернизации и представляло собой исторический процесс, связанный с появлением и укреплением нации-государства как особого типа государственности, в рамках которой правительство осуществляет всю полноту суверенной власти в границах определенной территории, а граждане подчиняются ему, осознавая свою принадлежность к единой нации. Понятие нации-государства явилось одним из ключевых понятий модернистского проекта. Сегодня подобная модель все чаще ставится под сомнение. Это объясняется усилением межгосударственных структур, большей, чем прежде, прозрачностью и проницаемостью государственных границ, развитием самоуправления и альтернативных движений, которые часто тоже становятся транснациональными.

Основные теории происхождения национализма

Большинство исследователей считает, что национализм есть современное движение, возникшее в эпоху Великой французской революции, которое, достигнув апогея в пе-

риод между двумя мировыми войнами, с конца XX столетия переживает спад. Согласно этой точке зрения, сегодня на смену национализму идут новые, глобальные силы, не ограниченные рамками национальных государств. Особенность подобных воззрений в том, что они прочно связывают национализм с *современностью*, а нация в них рассматривается в качестве фактора, внутренне обусловленного самой природой новейшего времени. Интеллектуальные основы модернистской теории национализма заложили на рубеже минувшего века Карл Маркс, Зигмунд Фрейд, Макс Вебер и их многочисленные последователи. Вопреки представлениям тех, кто усматривал в нациях нечто предвечное и изначально данное, модернисты отказывают национализму в биологической, «кровной» обусловленности. С их точки зрения, нации не имеют природной основы, благодаря чему делается возможным *национальное строительство*, то есть конструирование нации в соответствии с рациональными выкладками национальной элиты.

Ключевые принципы модернистской парадигмы, по Энтони Смиту, состоят в следующем:

- нации представляют собой территориальные политические образования;
- национальные узы выступают ядром гражданской и политической лояльности современного человека;
- нации есть основные игроки на международной арене;
- нации являются творением своих граждан и в особенности лидеров и элит;
- нации оказываются ведущей силой социально-политического развития.

К 1960-м годам модернистская парадигма и ее модель строительства нации получили всеобщее признание. Однако по мере приближения третьего тысячелетия все более настойчиво напоминала о себе их альтернатива в виде так называемого «органического национализма». Согласно этой концепции, мир всегда состоял из естественных наций-организмов, которые обладали ярко выраженной самобытностью, представляю-

щей собой прочный сплав культурных и биологических характеристик. Так, социобиология считает нацию продуктом естественного отбора, а особенности ее развития соотносит с проявлениями социального поведения у животных. В такой трактовке националистические лозунги теряют свою рациональную обоснованность и переходят на уровень прозрений и интуиций, что делает их особенно привлекательными для малообразованных групп и слоев. Процессы социальной модернизации, которые в минувшие десятилетия затронули бывшие колониальные и зависимые страны и пробудили от политического сна массы неграмотных и несовременных людей, заметно повысили спрос на национализм подобного рода. Одна из теоретических проблем, возникающих в данной связи, заключается в том, что «вековая» трактовка национализма полностью упраздняет грань между *нацией и этносом*. Согласно логике «почвы и крови», любая этническая общность является нацией, что и теоретически, и практически неверно.

Национализм и культура

Практически все концепции национализма отводят культуре первостепенное место. Причем подъем националистических движений может рассматриваться, с одной стороны, как причина, а с другой — как следствие культурного самоопределения нации. Отталкиваясь от понятия «культура», некоторые исследователи предпочитают говорить о *двух разновидностях национализма* — «культурной» и «политической». В то время как политический национализм видит свою цель в обретении нацией собственного государства, для культурного национализма государственное строительство вторично, поскольку, с его точки зрения, культурный расцвет вполне достижим и при отсутствии государственности.

В процессе национальной самоидентификации на первый план выдвигаются именно культурные факторы. Среди них легитими-

рующие мифы, связанные с ними символы, а также соответствующие модели коммуникации. Благодаря этому обстоятельству выдающуюся роль в становлении того или иного национализма играет *интеллигенция*, вырабатывающая и распространяющая культурные коды, на которых основывается националистическое мировоззрение. Так, Эрнест Геллнер прочно связывал возникновение национализма с новой, унифицирующей ролью языка в современном обществе. По его мнению, национализм является «навязыванием высокой культуры обществу, где раньше низкие культуры определяли жизнь большинства населения».

Практически везде социальным ферментом националистического брожения оказываются небольшие группы интеллектуалов, которые в свою очередь действуют рука об руку с местными элитами. «Интеллектуалы дают основные определения и описания нации, лица свободных профессий служат главными распространителями идей и идеалов нации, а интеллигенция — наиболее яростным поставщиком и потребителем националистических мифов» (Энтони Смит). Соответственно народное сознание как таковое националистических настроений не порождает; как правило, национализм привносится в народную среду извне, сопутствуя вдохновляемым элитами процессам модернизации. В данной связи некоторые специалисты говорят о том, что именно национализм творит нации, а не наоборот, как предлагают считать сами националисты.

Национализм как фактор политики

С теоретической точки зрения, национализм способен выполнять функцию объединяющего начала, снимающего остроту общественных конфликтов и социальных разломов. Однако при этом важнейшим остается вопрос о том, до какой степени национализм действительно объединяет, а не разъединяет людей, требуя от них преданности

«нации», которая отнюдь не тождественна верности интересам государства.

Политическое значение национализма теснейшим образом связано с доктриной о *праве наций на самоопределение*, сформулированной на рубеже XIX и XX века. Ее становлению способствовала борьба за переустройство имперского миропорядка, которую вели — с противоположных флангов — крайние либералы и крайние социалисты. Способствуя разрушению европейских империй, препятствовавших гегемонии США, американский президент Вудро Вильсон в 1917 году выдвинул тезис о неотъемлемом праве этнических общностей на обладание собственной государственностью. Аналогичный лозунг в тот же период провозгласили большевики, расшатывавшие слабеющую империю Романовых. Масштабные потрясения, вызванные реализацией этой политической программы, способствовали широкой популярности исключительно политического подхода к определению нации. Так, согласно Макс Веберу, «нация — это общность, которая, как правило, стремится создать собственное государство».

Несовершенство подобного взгляда было продемонстрировано уже в ходе создания «версальской системы», предусматривавшей государственное самоопределение для европейских наций, которые освободились от имперских пут. Как справедливо отмечает Эрик Хобсбаум, наиболее решительно этой программы «придерживались (и до сих пор придерживаются) те, кто далек от этнических и языковых реалий регионов, предназначенных для разделения на однородные нации-государства». Говоря об этнических чистках, происходивших в первой половине XX столетия на территории Турции, Германии, Польши, Чехословакии, названный автор добавляет: «После всего этого уже можно было понять, что создание однородного национального государства представляет собой цель, которую могут осуществить только варвары или, по крайней мере, только варварскими средствами». Переустройство карты Европы по национально-языковому принципу заверши-

лось общепризнанным провалом, последствия которого напоминают о себе и сегодня. Национальные конфликты, вспыхнувшие на территории Восточной Европы в 1990-е годы, напрямую были связаны с версальскими решениями.

Право наций на самоопределение послужило идеологическим обоснованием и для высвобождения стран «третьего мира» из-под колониальной зависимости, начавшегося после Второй мировой войны. Создание государств-наций в регионах, многие из которых раньше не знали никакой государственности, шло с большим трудом, а теория «конструирования» новых гражданских наций в Азии и Африке в процессе модернизации, активно распространявшаяся в 1960-е годы, во многих случаях доказала свою практическую несостоятельность. Но главная проблема заключалась и заключается в том, что полное политическое самоопределение *всех* этнических и языковых групп просто недостижимо. Именно этим соображением, неоднократно проверенным на протяжении XX столетия, обусловлена решительная критика права наций на самоопределение, звучащая в последнее время. Речь идет как о новой интерпретации международных документов, провозглашающих это право, так и о корректировке практической политики. Настороженность, проявляемая в данном отношении ведущими государствами мира, стала особенно ощутимой после того, как с феноменом этнического сепаратизма столкнулся ряд стран — членов Организации экономического сотрудничества и развития (Канада, Испания, Великобритания).

Сказанное, однако, не означает, что современный национализм понемногу лишается своей политической окраски. Даже на европейском континенте он по-прежнему остается одним из существенных факторов общественного развития. Эту характеристику подтверждают, по крайней мере, два обстоятельства. Во-первых, следует отметить

прокатившуюся в последние двадцать лет по Западной Европе волну успеха откровенно националистических партий. Так, во Франции, ФРГ, Австрии, Италии набирают очки популистские и радикальные движения правого толка, которые постепенно

*...народное сознание как таковое
националистических настроений
не порождает*

становятся все более значимыми игроками на национальной и европейской политической арене. При этом активность системных националистов соединяется с активностью внесистемных правых экстремистов. Во-вторых, идет постоянное нарастание центробежных тенденций в регионах проживания коренных этнических групп. Политическое обособление исторических регионов Великобритании, как Шотландии, так и Уэльса, из области теоретических дебатов переходит в сферу политической практики. Схожие процессы наблюдаются и во Франции, где наряду с радикальным корсиканским движением набирают силу национальные движения других регионов — Бретани, Окситании, Эльзаса. В испанской Каталонии принят закон о языке, который устанавливает приоритет каталанского языка над государственным кастильским языком на территории этого автономного сообщества. Таким образом, национализм в Западной Европе не только становится все более интенсивным, но и усложняет свои проявления.

Национализм в эпоху глобализации

В настоящее время многие специалисты говорят о переосмыслении понятия нации в связи с завершением эпохи модерна. По их мнению, постмодернистский контекст, в котором реализуются глобализационные сдвиги, лишает межэтнические противоре-

чия первостепенного значения в силу активизации иных, прежде второстепенных, социальных общностей. Кроме того, некоторые исследователи обращают внимание на имеющий место «перенос лояльности» с национального государства на «наднациональные» региональные объединения типа Европейского союза. Становление принципиально новой «европейской идентичности» свидетельствует, как они полагают, об *упадке национализма* — по крайней мере в одном регионе.

Впрочем, согласно господствующей ныне точке зрения, глобализация, несмотря на присущую ей всестороннюю переоценку роли национального государства, стимулирует не столько упадок наций, сколько глобальное этническое возрождение. Так, электронные средства массовой коммуникации, унифицируя культуры, одновременно позволяют национальным общностям более эффективно, чем прежде, отстаивать свою самобытность. По нашему мнению, вследствие процессов глобализации, повсеместно стирающих этнические и лингвистические особенности, национализм как политический феномен обретает второе дыхание. Наблюдаемый в последние десятилетия подъем этнического самосознания, а также его политические импликации, обусловлены нарастающей незащищенностью этнических и языковых групп, особенно малых, и их стремлением отстаивать свою самобытность в условиях глобального миропорядка. В этом смысле национализм как фактор политической мобилизации имеет большое будущее даже в XXI веке, прежде всего в странах «третьего мира», где глобальная унификация и нивелировка отождествляются с нарастающей и всеобъемлющей экспансией Запада.

По наблюдению Энтони Гидденса, нынешний национализм делается все более локальным: происходит своеобразное переключение националистических чувств и настроений с национального государства, отступающего под натиском новых отношений и практик, на менее широкие общности регионального и местного плана. Именно отсю-

да проистекают импульсы, направленные на защиту местной политической автономии и стимулирование культурной идентичности регионального типа. Процесс «*локализации национализма*» весьма способствует укреплению роли и значения регионов, причем как в Европе, так и за ее пределами.

Национальный вопрос в современной России

Для России, которая всегда была полиэтничным государством, национальная проблематика традиционно обладает особой важностью. Во всех фундаментальных преобразованиях, которые в последние столетия пережила отечественная государственность, неизменно был задействован этнический фактор. Националистическая мобилизация сыграла ключевую роль и в крушении Российской империи, и в крахе Советского Союза. Возможность очередной смуты на этой почве должна постоянно учитываться аналитиками и творцами государственной политики.

Одним из принципиальных источников риска выступает *сопращение этноса и территории*, присущее российскому федерализму. Заложив этот принцип в фундамент своего государства, большевики наделили суверенитетом народы, многие из которых ранее вообще не знали государственности. Как справедливо отмечает Хобсбаум, «идея советских республик казахской, киргизской, узбекской, таджикской или туркменской «наций» была скорее чисто теоретической конструкцией советских интеллектуалов, нежели исконным устремлением любого из перечисленных народов». От Советского Союза данная проблема, правда в меньших объемах, по наследству перешла и к России. Причем потенциал этого «рукотворного» очага беспокойства по-прежнему остается высоким, тем более что в посткоммунистический период наша страна не слишком преуспела в строительстве гражданской нации, идеология которой была бы нацелена на сглаживание межэтнических различий.

Отсутствие внятной, сплачивающей народ идеи и четко структурированного национального проекта, ориентированного в будущее, а не в прошлое, благоприятствует националистическому брожению в целом ряде российских регионов. Латентная форма этих процессов не должна вводить в заблуждение, ибо они способны в полной мере проявить себя в тот или иной кризисный период.

В процессах этнической мобилизации последних пятнадцати лет можно выделить два этапа, которые соответствовали, во-первых, стихийной регионализации 1990-х годов и, во-вторых, попятной централизации, разворачивающейся с 2000 года. В последнее десятилетие XX века национализм развивался преимущественно в республиках, которые стали «пионерами» российской федерализации. В этих регионах довольно быстро и динамично шло становление этнических элит, сопровождавшееся подъемом антирусских настроений и выдавливанием русских с ключевых политических и экономических позиций. Но с началом нового тысячелетия, как полагают некоторые исследователи, на смену малому национализму республик приходит большой и агрессивный русский национализм. На наших глазах, утверждают они, идет активное возрождение мифа о «русском народе-богоносце», наделенном уникальными духовными качествами, которые позволяют ему претендовать на мессианскую роль в мировой истории. При этом подразумевается, что исполнить такую роль русские смогут лишь при условии безусловной преданности своему государству, в пользу которого можно добровольно отказать от привычных политических прав и свобод.

Данный подход, зачастую поддерживаемый самой государственной властью, встречает активное понимание у населения, особенно у жителей средних и малых городов и российской «глубинки». Так, доля наших со-

граждан, поддерживающих лозунг «Россия для русских», согласно социологическим опросам, в последнее время постоянно растет. Превращение агрессивного русского национализма в системный фактор развития российского общества, если оно состо-

*...с началом нового тысячелетия
на смену малому национализму республик
приходит большой и агрессивный
русский национализм.*

ится, следует считать довольно опасной тенденцией. Хотя в целом пример России в данном отношении едва ли можно считать уникальным: масштабное переустройство любого многосоставного социума сопровождается, как правило, всплеском националистических чувств. Ибо, согласно наблюдению Мирослава Хроха, «когда терпит крах общество, последней опорой начинает казаться нация».

Литература

- Б. Андерсон. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. — М.: КАНОН-пресс, 2001.
- Категории политической науки*. — М.: РОС-СПЭН, 2002.
- А. Лейпхарт. *Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование*. — М.: Аспект Пресс, 1997.
- Э. Геллнер. *Нации и национализм*. — М.: Праксис, 2002.
- Э. Смит. *Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма*. — М.: Праксис, 2004.
- В.А. Тишков. *Этнология и политика*. — М.: Наука, 2001.
- Э. Хобсбаум. *Нации и национализм после 1780 года*. — Санкт-Петербург: Алетейя, 1998.

*Ирина Бусыгина,
Андрей Захаров*

*Андрей Ильницкий,
заместитель директора
образовательных
и просветительских программ
МОО «Открытая Россия»,
выпускник Московской школы
политических исследований*

Дороги российской демократии

Чем больше размышляешь над слабостью гражданских институтов в России, тем чаще вспоминается известный тезис евразийцев «география — как судьба».

Не только дураки, но и дороги порождают проблемы российской модернизации. Известный факт — транспортные магистрали в соседних российских регионах зачастую не стыкуются. «Из Сибири в Сибирь» по-прежнему легче попасть через Москву. Отсутствие должной коммуникации между людьми и территориями, слабая мобильность населения — все эти пространственно-географические факторы напрямую проецируются и влияют на общественно-политическую ситуацию. Сюда еще надо добавить оформившуюся ко второму сроку президента Путина тенденцию к превращению федеральных электронных средств массовой информации из инструмента коммуникации в пропагандистский ресурс, «сливающий» в регионы строго дозированный информационный коктейль.

На чем же консолидировать общество в такой ситуации? Этот вопрос волнует и властных бюрократов, и демократическую оппозицию. Тревоги власти понятны: с кем в перспективе разделить

ответственность за очевидный сегодня провал реформ? С кем и на каких площадках по душам поговорить об общих проблемах и трудностях их решения? Ни парламента, ни партий, ни оппозиции, ни СМИ толком не осталось в публичном поле. Бизнес хвост поджал. А гражданское общество еще не народилось... Выгоптали, в общем, поляну, не на кого опереться в трудностях, не на кого и вину свалить. Ресурс раскулачивания ходоковских и иже с ними уже использован.

Наша нынешняя власть любит возрождать советские традиции. Ленинские большевики использовали в своих преобразованиях ресурс ненависти и зависти к более успешному соседу, сталинские реформаторы — мобилизацию на страхе, репрессировав и уничтожая свое же население по логике «русские бабы еще нарожают».

Сегодня эти механизмы консолидации не работают. Чем только не кошмарят народ «леонтьевы и Ко» — и олигархами, и чеченами, и злокозненными «определенными кругами на Западе», и природными катастрофами — ничего не получается. И бабы уже не нарожают, и общество в целом устало бояться. Живут люди в регионах плохо, да и далеко от Москвы. Что им до ее проблем. Где они, а где москвичи и бюрократы проклятые...

Ну да бог с ними — с властными вертикализаторами и прочими разнокалиберными российскими бюрократами, опустившими государство до роли личного кармана. Унизить государственные институты более, чем это сделали конструкторы «балтийских инвестиционных, тьфу, байкальских...» схем, вряд ли у кого получится.

Но это их проблемы. «Не надо пугать Родину с начальством» — лучше тут и не скажешь.

Тем же, кому небезразлична судьба демократии в России, надо задуматься, на каких ценностях и оргресурсах сопрячь элитарно-столичный характер сегодняшнего российского либерализма с точками роста гражданского общества в регионах.

Масштаб страны и рассеянность населения предопределяют, что гражданское общество может прорасти именно на местных территориальных интересах. Там легче отстраиваются горизонтальные коммуникации. Там формируется информационная среда, отличная от картинке по центральному телевидению. Там быстрее и проще нащупывается и обретается общность целей и интересов. Что же происходит в это время на правом политическом фланге?

Наши правофланговые политики в регионах практически не работают, концентрируясь в столицах, что в принципе выгодно конструкторам властных вертикалей и «управляемых демократий» — все и всё под рукой и прямо тут — в рамках Садового кольца. Поди проконтролируй,

чего они там в регионах могут сотворить, — страна-то громадная, широко живем. Всего лучше — пригласим демократический актив в Кремль на чашечку чая, выслушаем чаяния, распишем варианты, учтем интересы... А что в результате такого конструирования мы наблюдаем на практике? На Гражданском конгрессе в декабре прошлого года главный идеолог СПС Леонид Гозман декларирует как основную цель СПС в нынешнем четырехлетии борьбу с коммунистами и преодоление 7-процентного барьера в 2007 году, а неувыдаемый Явлинский с тех же трибун страстно зовет всех в свое «Яблоко», и только в него... Что же делать?

Для начала честно поставить диагноз. На мой взгляд, он состоит в том, что существующую на правом фланге политическую конфигурацию уже не продать ни обществу, ни правому избирателю, что бы там ни говорили лидеры «Яблока» и СПС.

А далее — формировать новую политическую конфигурацию. Как? Не на элитарно-столичной основе, а на консолидации в широком движении тех 20–25 процентов российского населения, которые составляют модернизационный потенциал нашего общества.

В опоре на задавленные вертикалью регионы, на внятную ценностную матрицу, на конкретные интересы нарождающегося среднего класса, на уже существующие гражданские институты созда-

вать влиятельное общественное демократическое движение.

Конструировать те самые коммуникации, институты и смыслы, которые помогут выявить, разъяснить и объединить демократов в регионах. В том числе через СМИ. Как тут не вспомнить бессмертное ленинское: «Газета — пропагандист, агитатор и организатор».

В оппозиции режиму правым нужно научиться идти на широкую коалицию, в том числе и с коммунистами, и с «Родиной» и пр. Да, да — с теми в регионах, кто поверил в патриотический пафос программных деклараций. Надо заниматься правым популизмом, работать и просвещать наших потенциальных сторонников. В том числе на простых и внятных лозунгах, например: «Хотите нового раскулачивания и национализации — готовьтесь потерять работу».

Необходимо формировать в российских регионах среду активных, граждански мыслящих людей. В исторически короткое время из такой среды выйдут и новые партии, и новые лидеры.

Только не надо торопиться и сводить все к политтехнологиям. Демократическим элитам надо работать с обществом, уже сегодня тратить деньги и оргресурсы на то, чтобы встретились наконец на бескрайних российских просторах либеральная модернизация, традиционно идущая сверху, и широкое гражданское движение снизу. Место встречи, как я полагаю, — регион. В столицах им не найти друг друга.

*Владимир Мужаровский,
директор Фонда
межкультурных
коммуникаций,
выпускник Московской школы
политических исследований
(г. Апатиты)*

Гражданское общество – это бренд

Что мы строим? Открытое общество свободных граждан. Разделяют ли те, для кого мы строим, наши планы и поддерживают ли они наши устремления? Или мы строим для себя? Тогда понятно, почему народ нас не воспринимает, — потому что выглядит как будто для себя. Чего мы хотим от того, что делаем, какой результат должен стать положительным? Мы варим зелье по известному рецепту и знаем, как среагирует на зелье пациент? Боюсь, что нет. У нас нет согласия больного, потому что он уверен, что здоров. Значит, думает он, его хотят отравить. Ишь, чего удумали!

Мы не понятны, а потому и отношение к нам настороженное. Вслушайтесь... страна говорит на другом языке. Какими методами исправлять ситуацию? Я думаю, выход в использовании коммуникационных стратегий. Если либерально-демократическая идея в кризисе, то необходимо антикризисное управление. Если идея непонятна или ее понимают не так, как хотелось бы, необходимо формулировать и доносить ее более ясно. Методы бизнес-коммуникаций универсальны и могут применяться в продвижении идей. Если мы строим гражданское общество, то продукт «ГО» товар не штучный, а массового потребления. Это как шоколад. Только продукт от одного производителя потребляется, а другой «зависает». Без активной поддержки его не продвинуть. Сравните, например, потребление «Марса» и «Бабаевского». Прошло время, когда достаточно было производить качественный товар, удовлетворяющий спрос, и он сам пробивал себе путь к потребителю. Теперь же продают такое... когда производители качественной продукции без активной маркетинговой коммуникационной работы просто обречены. И то же самое относится к идеям. Их продвижение имеет ту же организационную структуру, что и товар. И «Марс», и «Бабаевский» используют сеть дистрибьюторов в регионах. Это как гражданское общество имеет свои институты, а государство свои. Меньше государства — это как для «Бабаевского» меньше «Марса». Обыкновенная конкуренция. Цель — увеличить долю рынка. Тот, кто внедряет и использует современные методы работы на рынке быстрее и более умело, тот и имеет большую долю рынка.

Пример. «Демократы» предложили продукт, искренне веря, что по своим потребительским свойствам ему нет рав-

ных, но страна решила потреблять другое предложение. Как я уже сказал, нам только кажется, что, поддерживая гражданские инициативы, можно прийти к гражданскому обществу, на самом деле негосударственные организации (НГО) воспринимаются часто как чужеродные субстанции, живущие своей, непонятной большинству населения, жизнью. Со стороны они выглядят как живущие сами для себя и потому не вызывают ничего, кроме безразличия. Бывают исключения. Бывает, выглядят они очень ярко на общем фоне.

Уверен, что развитие институтов гражданского общества должно вестись параллельно с работой по формированию общественного мнения о необходимости таких институтов.

Итак, недостаточно иметь развитую дистрибьюторскую сеть, выстраиваемую к тому же с отставанием от конкурента. Недостаточно создавать институты гражданского общества, чтобы общество стало гражданским. Необходимо сделать идею гражданского общества привлекательной и сформировать на нее спрос.

Для того чтобы продукт ГО был востребован, необходимо сделать понятными его потребительские свойства.

При этом политическая идеология необязательно должна присутствовать в предлагаемом проекте. И уж тем более это не продвижение конкретной политической партии. Хотя методы те же и для партий, и для идеологий. Но я хочу сейчас разделить понятия, потому что меня больше волнует продвижение ГО как основы развития политической конкуренции.

В быстро меняющемся мире необходимо использовать более совершенные современные методы, учитывая, что региональные гражданские инициативы хотя и мобильны, благодаря своей гибкой структуре, все же есть запаздывание реакции на изменения условий. Объяснение простое. Деятельность НГО полностью зависит от финансирования со стороны, когда финансовые ресурсы выделяются под конкретные, строго обозначенные параметры, в результате чего убивается инициатива. На изменение условий нет адекватной реакции. Существующие схемы финансирования устарели. Гражданская инициатива должна находить финансовую поддержку прежде всего в регионе. Тогда она будет отвечать существующей в данный момент ситуации. Именно для этого необходимо формировать соответствующее общественное мнение, когда те, кто может предоставить ресурсы, осознают необходимость их предоставления.

В настоящее время развитием гражданского общества охвачены ничтожно узкие слои населения. Все существующие проекты, финансируемые в основном западными институтами, с точки зрения коммуникации не эффективны. Пока это черная дыра для одних и бизнес для других. Такие яркие исключения, как Московская школа политических исследований, только подтверждают существующее положение вещей. Работу, которую здесь сейчас проводит Евгений Греков (рассылка сообщений, вовлечение в дискуссию, обмен информацией и т.д.), крайне важна и решает вопрос внутренней коммуникации. Но без вовлечения широкой аудитории, то есть внешней коммуникации, проект ГО не реализовать. Школа занята воспитанием политиков нового поколения, но откуда возьмется общественность нового поколения? Если мы думаем, что обществу понятно без наших объяснений, чего мы хотим, мы заблуждаемся. Так дальше продолжаться не может.

Коммуникация должна быть направлена на широкую аудиторию. Каналы коммуникации для такой аудитории известны — это СМИ, из которых необходи-

мо особо выделить Интернет как более молодой по возрасту пользователей ресурс.

Концептуально это может выглядеть как «игры и развлечения».

Если общество учится, то обучение лучше всего осуществляется через игру с постановкой вопросов, которые помогали бы формировать начальный уровень понимания, что такое гражданское общество. С использованием в том числе и игр на эрудицию. Игры, подобные «Последнему герою», могут быть при этом даже самокупаемыми. К тому же есть идеи Интернет-игр, что вообще малозатратно.

Тенденции таковы, что серьезному размышлению предпочитают обычно развлечения. Метод: активное участие в шоу-программах, поддержка фильмов, формирующих положительный образ предпринимателя, защитника прав человека, борца за демократию с активной гражданской позицией и тому подобные проекты.

Суть — внести в общественное сознание набор терминов, понятий. Стимулировать накопление конкретных знаний и информации. Создать привлекательный образ носителя модернизации, строителя ГО.

Возможно, концепция должна быть другой, — можно спорить.

Главное в этой идее не что делать, а как.

Необходимо разработать стратегию коммуникации, где ГО — это бренд, и его нужно сделать привлекательным и востребованным.

Меньше агитации и скучных заумных разговоров — больше маркетинговых и рекламных ходов.

Ключевые сообщения должны соответствовать уровню подготовленности аудитории, а не уровню «продвинутой» источника сообщений.

Программа продвижения ГО должна разрабатываться и реализовываться на всю сеть, как тот же «Марс» реализует свои рекламные кампании. Дистрибьюторы не могут каждый в своем регионе рекламировать товар производителя: не хватает специалистов и не оправданы затраты. Они в лучшем случае занимаются пиаром самих себя, и это правильно. А вот бренд двигают с использованием массовых коммуникаций на конечного потребителя по всей стране, в этом случае дистрибьютор занят удовлетворением спроса.

Кто заказчик? Основной вопрос. Очевидно, что кто-то должен быть генеральным заказчиком, созданным путем альянса заинтересованных сторон.

Считаю важнейшим на сегодняшний момент формирование генерального заказчика, так как очевидно, что разрозненные попытки модернизации мышления имеют узконаправленный и кратковременный эффект.

История ГУЛАГа

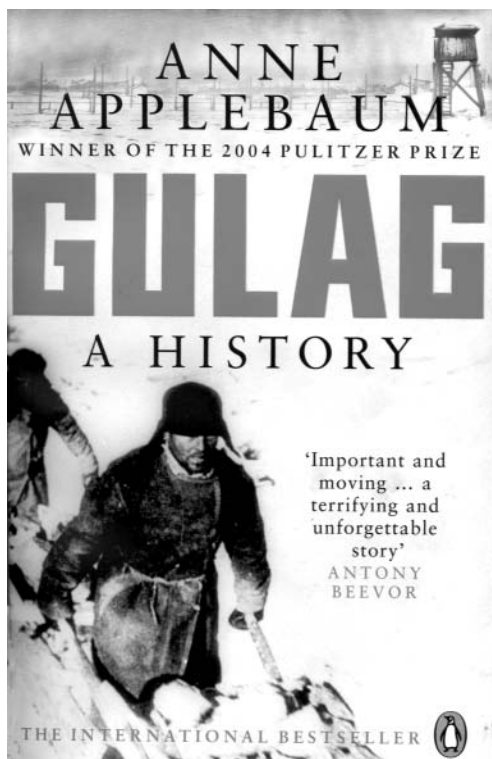
Anne Applebaum. Gulag. A History of the Soviet Camps. – L.: Penguin Books, 2004. – 610 p.

Казалось бы, можно ли сегодня удивить нашего искушенного читателя, прошедшего через все мыслимые и немыслимые культурные «открытия» и исторические «откровения» эпохи перестройки, *новым* печатным исследованием о ГУЛАГе, да еще написанным не отечественным автором? Оказывается, что можно.

В 2003 году в известном американском издательстве «Random House» выходит в свет книга американской журналистки Энн Эпплбаум «ГУЛАГ: история советских лагерей». Буквально в том же году она переиздается в Великобритании, а на следующий год признается международным бестселлером, а сам автор удостоивается престижной Пулитцеровской премии по литературе за 2004 год.

Успех ошеломляет. Неужели в книге есть нечто такое, что на фоне многотиражных и переведенных на многие языки изданий Евгении Гинзбург, Андрея Амальрика, Анатолия Марченко, Льва Разгона, Александра Солженицына, Варлама Шаламова, не говоря уж о чисто академических публикациях историков, может не просто удивить читателя, но превратить книгу в международный бестселлер?

Выходит, что есть. И секрет, видимо, не столько в том, что автор, хорошо владея русским языком, сама объездила знаменитые сталинские лагеря, провела сотни и сотни часов в утомительных беседах со свидетелями, просмотрела все доступные ей архивные материалы, сколько в том, что из всей этой бескрайней массы информации Энн Эпплбаум удалось воссоздать потрясающую *историю*. Именно *историю* ГУЛАГа. Не журналистский пересказ воспоминаний участников событий, не беллетристическую повесть о сталинских застенках и тюрьмах, не рассказ о том или ином лагере с избытком бытописания, не анализ разных аспектов лагерного устройства и даже не просто взгляд со стороны объективного и беспристрастного западного обозревателя. А именно историю. Историю, отношение к которой по-прежнему остается двусмыслен-

ным как в нашем отечестве, так и, парадоксальным образом, за рубежом. Историю, написанную захватывающе и, насколько мне дано судить, замечательным английским языком.

Поверьте, вовсе не хотелось бы хоть как-то преуменьшить значение всех наших и западных предшественников Энн Эпплбаум, но в таком концентрированном и высокоэнергетичном духе, структурно и с уважением ко всем деталям, систематически, а порой и весьма критически создать анналы крупнейшей в истории человечества преступной сети концентрационных лагерей не удавалось пока никому.

Эпплбаум, надо заметить, гораздо шире трактует исторический континуум ГУЛАГа, чем это официально принято. Мы вполне привыкли к словосочетанию «сталинский ГУЛАГ», однако не всегда готовы согласиться с тем, что со смертью диктатора в лагерной сети мало что принципиально изменилось, даже если мобилизация лагерных заключенных существенно сократилась и обрела фасадно-легальный характер. А между тем, по мысли Энн Эпплбаум, 1917–1939 годы были лишь годами «первоначального накопления» тоталитарного принуждения. И только накануне войны, примерно с 1940-го, и вплоть до начала перестройки лагерная система в стране не просто продолжала успешно функционировать, а превратилась в крупнейший в стране лагерно-индустриальный комплекс. Примечательно, что эти два периода автор описывает совершенно по-разному. Если на первом этапе лагерная жизнь и «жизнь на воле» представляются сиамскими близнецами большевистской модернизации, то на втором — лагерная жизнь оформилась системно и как бы сама «закрылась» от внешнего мира, создав тем самым в мире ложный образ гуманистических и мирных завоеваний социализма.

Центральная же часть книги представляет собой удивительное антропологическое проникновение в повседневную жизнь лагеря (в чем-то автор, конечно же, повторяет схему «анатомического» препарирования ГУЛАГа, предложенную Александром Солженицыным, но в чем-то идет гораздо дальше). Арест, путь по этапу, бытовые особенности лагерей, организация труда, жизнь и смерть, женщины и дети, восстания и побеги, стратегии выживания — все это выписано вплоть до самых мелочей. В книгу искусно вплетены индивидуальные человеческие истории и интеллектуальный дух страны накануне и после войны.

Прошли многие годы с тех пор. «ГУЛАГ уже давно закончился... мы живем совсем другими проблемами, почему вы не хотите написать о наших реальных проблемах?», — с негодованием вопрошала одна из собеседниц Эпплбаум во время ее последнего путешествия на Соловки. Да, ГУЛАГ закончился, — и не закончился. Наше сознание пытается вытеснить его в потаенные уголки мозга. Наша коллективная память все еще не готова к принятию ГУЛАГа как реального феномена *нашей* истории. И все-таки на это придется решиться. Решиться, как говорится, всем миром. Придется хотя бы потому, что другого пути к возвращению в цивилизованную историю у нас нет. А вот станет ли эта иная история историей с большой буквы — покажет время. А пока будем с нетерпением ждать, когда книга Энн Эпплбаум выйдет в свет и на русском языке.

Александр Согомонов

Региональное книжное обозрение

Порог Европы. Влияние европейского трансграничного сотрудничества на региональное экономическое развитие Псковской области. Коллектив авторов под общей редакцией Л.М. Шлосберга. — Псков: АНО «Центр социального проектирования “Возрождение”», 2004. — 210 с.

Если бы книга «Порог Европы» издавалась Московской школой политических исследований, у нее, несмотря на скорее прикладной, нежели теоретический характер, было бы немало веских оснований увидеть свет в серии «Своевременная мысль». В последние годы многие западные и российские ученые всерьез и подробно занимаются проектами городов и поселений, помогая местному сообществу находить иные способы самовыражения, эффективной жизнедеятельности и обретения идентичности в ситуации, когда прежние направления развития утратили актуальность. (Недавние примеры подобного творческого подхода: перестройка старого портового района Лондона и превращение его в европейский деловой центр, кардинальное осовременивание «уставшего» Ливерпуля, множество других проектов, которые решительно изменили облик индустриальных центров Европы, переориентировав их на работу в новых секторах экономики.) Нынешние тенденции — глобализация и одновременная регионализация — заставляют обращать пристальное внимание не только на города, но и на регионы, которые все чаще рассматриваются как отдельные, самостоятельные субъекты мировой экономической и политической сцены. Все более насущной в данной связи становится разработка проектов успешного *регионального* развития. Кроме того, для России «расширение демократического европейского пространства... поставило в повестку дня необходимость выработ-

ки *новых подходов* в государственном и региональном менеджменте» (с. 10). Рассматривая регион как проект, авторы предлагают базовое исследование, методы и направления развития отдельно взятого региона. Изложенная доступно и системно, эта книга может оказаться полезной и интересной широкому кругу читателей: политикам, предпринимателям, лидерам гражданских организаций, ученым, преподавателям вузов и студентам — всем, кто хочет понять и увидеть, «так ли необходимо сегодня региональное проектирование», «с чего начать» и, собственно, «как это делается».

Необходимо заметить, что исследование, подготовленное автономной некоммерческой организацией «Центр социального проектирования “Возрождение”», основывалось на материалах международного научно-исследовательского проекта, выполненного при поддержке правительства Швеции в марте-сентябре 2003 года. Проект включал политические, экономические, социологические, правовые изыскания и был нацелен на выявление ресурсов Псковской области для регионального развития, самоопределения региона и его успешной интеграции в европейское экономическое сообщество. Как подчеркивает в своем предисловии к книге доктор экономических наук, директор Центра трансграничных исследований Санкт-Петербургского государственного университета Николай Межевич, авторы работы исходили из того, что «северо-запад России — от Калининграда до Новгорода и Пскова и от Санкт-Петербурга до Карелии и Мурманска — является физическим “интерфейсом” российско-европейского взаимодействия» (с. 6). Более того, они полагают, что граничащая с недавних пор с Европейским союзом (Латвией и Эстонией) Псковская область *может и должна* стать одним из пилотных регионов трансграничного и приграничного сотруд-

ничества, и именно это международное сотрудничество, обусловленное выгодным географическим положением, *может и должно* стать козырем в развитии экономики области.

«На региональном уровне уже достаточно долгое время говорится о необходимости создания “еврорегиона” как модели приграничного сотрудничества, куда бы входили приграничные территории Псковской области, Латвии и Эстонии» (с. 25). Особую заинтересованность в этом проявляет Псковская областная администрация, однако четкое понимание того, что же такое «еврорегион» и как его, собственно, создавать, до сих пор не сложилось ни в политической, ни в научной, ни в бизнес-среде области. Общество пока тоже не готово к обсуждению этой насущной для региона темы. По мнению авторского коллектива, «эпоха 1990-х годов, начавшаяся с распада СССР и заполненная политическими и экономическими конфликтами, сформировала (а где-то воспроизвела в новых условиях) большое число мифов и негативных стереотипов во взаимоотношениях между странами, правительствами и народами» (с. 10), что серьезно мешает налаживанию тесных экономических связей. Но «...общий контекст мировой и европейской политической практики все более четко показывает и доказывает необходимость интеграционных процессов, в первую очередь в экономике. Становится очевидным, что политика изоляции, политика создания барьеров между государствами и регионами приводит в тупик вместо прогресса и развития» (с. 13).

«Сама тема трансграничного и приграничного сотрудничества не имеет глубокой научной традиции в России, бывшей до середины 1980-х годов закрытой тоталитарной страной» (с. 11). Если рассматривать Псковскую область как «ворота в Евросоюз» (по выражению Н. Межевича), то сегодня они практически закрыты. Это обусловлено и исторически: «рубежная функция, граница, задачи обороны здесь всегда преобладали над логикой внешнеэкономической открытости» (с. 7). Между тем по уровню развития регион вполне мог бы сфор-

мировать единое экономическое пространство с сопредельными иностранными территориями — специалисты считают, что создание такого пространства позволило бы без дополнительных инвестиций увеличить производство продукции в базовых отраслях более чем в 1,3 раз и значительно снизить затраты на производство электроэнергии. Следовательно, важно понять, *как* эти «ворота» открыть. Именно поэтому авторы тщательно анализируют политическую, экономическую, социологическую и правовую ситуацию в Псковской области, исследуют характер российских и региональных взаимоотношений с современной Европой. Прделанная работа позволила им выработать основательные рекомендации для органов политической власти различных уровней: международного (европейского), российского федерального и регионального.

Понятно, что любой проект хорош тогда, когда применим на практике. От кого сегодня зависит развитие региона? Способна ли местная власть реализовать полезные теоретические находки, в том числе в плане комплексного международного сотрудничества? По словам кандидата исторических наук Дмитрия Тренина, «самостоятельность региональных властей в России внешне ограничена несовершенством федеративных отношений в стране. Но в еще большей степени она ограничена косностью региональной и местной бюрократии, ее частой незаинтересованностью в поощрении свободы предпринимательства, привычкой к закрытости. В таких условиях основную роль главного движителя модернизации будет, скорее всего, играть не «первое лицо» региона (как в столице), а организации бизнесменов» (с.9). Следовательно, «просвещение предпринимателей, а также — насколько это возможно — региональной и местной бюрократии является важнейшим условием эффективных действий» по развитию региона. Возглавляемая Львом Шлосбергом неправительственная некоммерческая организация Центр «Возрождение» выступает в данном случае одним из «источников независимой экспертизы и кадровым резервом для современно

мыслящих предпринимателей и наиболее продвинутых руководителей». А само исследование, помимо его прикладного значения, служит акцией просвещения и налаживания взаимопользованных и необходимых связей между бизнесом, властью и медленно взрослеющим гражданским обществом. Научно-исследовательский проект «Порог Европы» — «теоретический труд на солидной практической базе» — может служить хорошим примером разработки стратегии и тактики эффективного развития не только для приграничных, но для иных регионов России. Неслучайно выходу книги был посвящен прошедший в Санкт-Петербурге летом этого года представительный круглый стол, с успехом познакомивший с проектом аудиторию политологов, социологов, экономистов и других ученых. Остается надеяться, что результаты исследования найдут отражение не только в книге, но и в практике развития и жизни Псковской области.

Елена Корн

Басханова Л.С.Э. Чечня: общественное мнение в условиях этнополитического конфликта. — Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИППК РГУ и ИСПИ РАН, № 21. 2004. — Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ. — 156 с.

Чеченская Республика на протяжении уже почти полутора десятилетий остается едва ли не самым упоминаемым регионом России. В то же время доходящая оттуда информация практически никому из неангажированных наблюдателей не кажется объективной. Пресловутая позиция «чеченского народа» по основным проблемам своего существования давно стала объектом бесконечных интерпретаций. Истинные же проявления воли чеченцев можно пытаться обнаружить лишь в результатах выборов-референдумов, которые, в свою очередь, также вызывают серьезные (и небезосновательные!) сомнения.

Однако все эти годы в Чечне находились этноисты, изучавшие общественное мнение населения республики. Директор информационно-аналитического центра «АЛА» (почеченски; «скажи») Любовь Басханова с 1991 года осуществляет мониторинг общественного мнения Чечни по разработанной ею авторской методике для условий конфликта. Ей и ее сотрудникам удалось организовать действительно регулярный мониторинг, соблюдая репрезентативность исследований с учетом специфики горных и равнинных регионов, стратификации чеченского общества.

В монографии автор обобщает результаты своих многолетних исследований, дает практические советы властям и общественности. Важность таких исследований трудно переоценить: ведь самыми кровопролитными моментами в многовековой истории взаимоотношений России и народов Северного Кавказа мы в значительной мере обязаны непониманием центральной властью традиций, мотиваций и реакций горцев.

Большое внимание в книге уделено традиционной этносоциальной организации вайнахской общины. Мы можем наконец узнать, что же на самом деле исторически представлял собой чеченский тейп, как отдельные тейпы группировались в тукхамы (племена) и как ислам отчасти потеснил кровнородственные связи, создав не менее прочные этнорелигиозные структуры.

Простейшим, элементарным субъектом традиционных этнополитических отношений у вайнахов никогда не выступает отдельно взятый индивидуум, человек, гражданин, как это принято в большинстве современных государств. Напротив, индивидом, изолированный человек вызывает откровенное презрение. Когда чеченцы хотят обидеть кого-либо из соплеменников, подчеркнув при этом отсутствие связи с более крупной социальной общностью, то обычно говорят: «У него нет ни рода, ни племени» (в дословном переводе). В основу организации вайнахской общины положено сверхиндивидуальное начало.

Одним из самых ярких проявлений родовой солидарности чеченской общины на

всех ее уровнях является принцип коллективной ответственности и тесно связанный с ним институт кровной мести. Общинная ответственность — это фундамент родоплеменного строя чеченской нации, из которого произрастает принципиальное отрицание чеченцами всех видов государственной или индивидуальной ответственности, бумажного законодательства, механического правосудия. Если в системе государственных отношений возмездие подлежит исключительно прямой виновник преступления, то у чеченцев до сих пор нормативной силой обладает адат (закон), допускающий месть не только «обладателю виновной руки», но и его близкому родственнику. Это долгие столетия воспитывало у вайнахов особый правовой менталитет, особую правовую культуру и этику.

Разумеется, за два столетия государственных преобразований в Чечне сформировался огромный пласт граждан, мыслящих в категориях государства и права, индивидуальной ответственности, светского законодательства. Однако на волне движения за независимость начала 90-х тогдашние чеченские лидеры сумели раздуть искру интереса к традиционным формам политико-правовых отношений и попытались вплести их в структуру формируемой ичкерийской государственности.

Что из этого получилось, сегодня всем хорошо известно. А в декабре 1998-го, за год до фактического окончания правления А. Масхадова, на вопрос «в каком государстве мы живем?» лишь 4 процента опрошенных жителей республики отвечали «в светском или скорее в светском» и лишь 11 процентов — «в исламском или скорее в исламском». Зато почти 80 процентов были уверены: «ни в светском, ни в исламском».

В последние годы количество желающих видеть республику в составе России, по данным автора, значительно выше числа сторонников независимости. В то же время виновниками трагических событий в Чечне 62,5 процента опрошенных (зима 2003 г.) считали федеральный Центр, а сепаратистов — только 9,8 процента (еще 14,6 процента обвинили в национальной трагедии ваххабитов). Более половины населения

по-прежнему не одобряет действия федеральных сил в республике.

Интерес представляет общественное мнение относительно причин вхождения Чечни в Россию, мотивация населенности. Первый по частоте упоминаний мотив жестко прагматический: «страна так страшно разрушена, что без России ее не восстановить», «Россия большая, мощная, могучая, с ней легче восстановить экономику».

Второй мотив: «Россия может стать гарантом мира в Чечне». Многие воспринимают противостояние «ичкерийцев» с «коллаборационистами» как конфликт двух банд. На Россию в этом отношении смотрят как на третейского судью, способного справиться с такой ситуацией.

Еще один мощный мотив объединения с Россией — отрицательный опыт самостоятельности после избрания Масхадова. Чеченцы разочаровались в том периоде по объективным причинам: высокая безработица, разлаженное хозяйство, конфликт группировок, рост исламского экстремизма, насаждение чуждых идей ваххабизма...

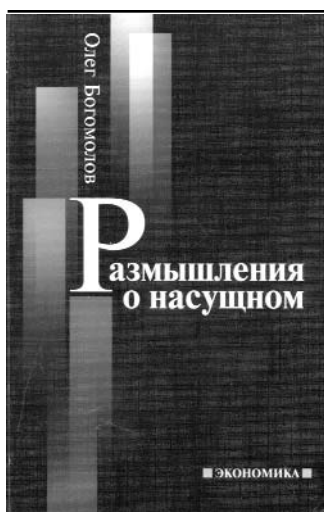
Рекомендации автора направлены на скорейшую интеграцию чеченцев в общественное и культурное пространство России. Подвергавшаяся гонениям ичкерийских властей в 90-е годы, жившая на нелегальном положении Любовь Басханова осталась тем не менее объективным исследователем. Впрочем, она не скрывает своей личной гражданской позиции, интерпретируя полученные данные, — и это вполне объяснимо. Требовать абсолютной беспристрастности от человека, непосредственно пережившего события, которые потрясли Чеченскую Республику на рубеже веков, было бы по крайней мере негуманно.

Георгий Чижев

Контрапункт

ПРОЩАЙ И ЗДРАВСТВУЙ

Олег Богомолов. *Размышления о насущном*. — М.: Экономика, 2003. — (240 с.)

Академик Олег Богомолов — легендарная фигура советской экономической науки. Его имя окружено мифологическим шлейфом неосуществленных косыгинских преобразований, подсвечено лучами несбывшихся реформаторских надежд 1968 года, наэлектризовано энергией неудавшихся попыток обновить венгерскую, чешскую, польскую экономику. Его интеллигентный облик прогрессивного академического начальника застойных лет, мучительно сопро-

тивлявшегося этому самому застою и сохранявшего достоинство в самых недостойных политических обстоятельствах, знаком не только ученым коллегам, но и многим телезрителям 1980-х. Все это помнится, все это ценится, все это дорогого стоит.

Золотое «богомоловское» время — ранняя перестройка, когда внезапно был востребован весь колоссальный объем наработок возглавляемого Богомоловым Института мировой экономической системы. Наработки, нацеленных на реформирование социалистической модели хозяйствования изнутри нее самой. Не за счет «организационно-технических» поправок, но и не за счет полномасштабной либерализации разгосударственной экономики, а значит — и политики. В «Размышлениях о насущном» сказано несколько добрых слов об этом счастливом времени, когда экономическими гуру меняющейся власти и меняющегося общества были Николай Шмелев, Николай Петраков, Станислав Шаталин и, разумеется, сам Олег Богомолов. Однако в целом главенствующая интонация совсем иная и времена в ней

Александр Архангельский
(«Известия»)

по преимуществу описываются и оцениваются другие. Сборник богомолловских «Размышлений...» составлен из статей и выступлений начала 2000-х годов: здесь обсуждается глобализация, но сознательно или бессознательно, о чем бы ни говорил Олег Богомоллов — о «Влиянии Советского Союза на страны Центральной и Восточной Европы до и в ходе перестройки», или о «Курсе лечения от шоковой терапии», или о «России перед вызовами XXI века» — он возвращается к двум излюбленным темам. Как все *абсолютно* неправильно, но *почти все* терпимо было при советской власти, как *почти все* неправильно и *абсолютно* нетерпимо стало при Ельцине и его новой экономической политике.

Да, товарищ Андропов принимал записки Богомоллова с недовольным видом и ворчал, что ему подсовывают чересчур горячую картошку (и в рот не возьмешь, и в руках не удержишь). Но все-таки он описан если не с прямой симпатией, то во всяком случае без отвращения. О постперестроечных же реформаторах, включая социал-демократического Явлинского, говорится исключительно с полупрезрением, которое граничит с яростью. Почему? Попробуем понять.

Олег Богомоллов вполне справедливо смотрит на экономику как на средство самореализации человека и человеческого общества, а не как на цель истории и тем более цель отдельной

жизни. Необходимость нравственного измерения в политике и экономике подчеркивается из статьи в статью, из интервью в интервью; духовное начало полагается целью любых перемен. Новейшая элита, от Чубайса до Авена и от Ельцина до Гайдара, как раз и порицается, причем весьма сурово, за отсутствие этих качеств и отказ от этих целей. Справедливо такое суждение или нет, но по крайней мере логично падать того же сурового пафоса в разговоре о советских временах: вряд ли нравственность пронизывала все политические поры хрущевско-брежневской эпохи, а духовное измерение наблюдалось невооруженным взглядом. Но нет; тут голос автора теплеет, тональность смягчается. Если бы Олег Богомоллов был адептом советской системы, очевидный перепад можно было бы легко объяснить; однако он прямо и жестко говорит о ее бесчеловечности и неповоротливости. В чем же дело? В естественной ностальгии по собственной молодости? Снова не попали в точку: академик Богомоллов слишком умен, чтобы поддаваться соблазну ретроспективной утопии. Дело, как кажется, в ином.

Богомолловское поколение экономистов, политологов, историков сделало однозначную ставку на регулируемую роль государства, которое в идеале должно быть высшим арбитром, носителем идеи ненасильственной справедливости. В любой области — от экономики до

культуры. Советский опыт для них негативен ровно в той мере, в какой был основан на *отступлении* от принципов ненасильственной справедливости, в бюрократизации относительной свободы. Однако *отступление* еще не *преступление*, сама модель огосударственного мира верна; советское государство просто не выполнило свою роль гаранта «нравственного измерения» и «духовного начала», не отрегулировало экономику в соответствии с идеальной целью. Что же до гайдаровских реформ, то Олег Богомоллов помнит, разумеется, о том, что Гайдар был премьером меньше года и ответственности за последующий олигархат не может нести. Но Гайдар за этот срок успел сделать главное: отменить государственное всевластие, лишит государство сакральных прав, понизить его статус до роли арбитра в хозяйственных, политических, социальных спорах. Разумеется, он не успел и не мог успеть создать за этот срок полноценное общество, которое одно только и может вырабатывать «нравственное измерение» любых процессов, порождать нормальное правосознание, без которого законы не действуют. Но даже если б успел, в глазах Богомоллова вряд ли бы это его спасло. Человек, оторвавший экономику от материнской груди государства, хуже Андропова ровно настолько, насколько он дальше от государствоцентризма. Андропова можно

исправить служебными записками, можно дожидаться хорошего генсека вместо плохого, ужасное государство подлежит улучшению, а вот систему самоуменьшающегося государства не поправить ничем.

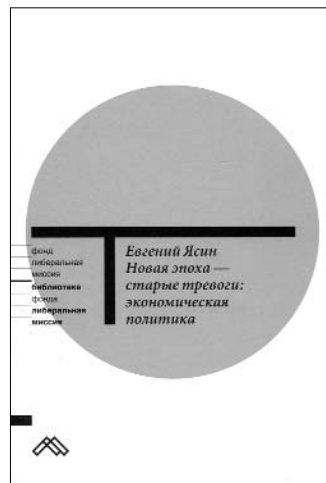
Впрочем, как выясняется в последнее время, есть чем поправить. И последователи Юрия Владимировича Андропова (правда по другому ведомству) успешно с этой задачей справляются. У академика Богомолова есть основания для оптимизма: «мои единомышленники в науке не должны относить себя к потерянному и невостребованному поколению ученых. Последнее слово за историей». И вправду. *Ужасные* 1990-е позади. *Прекрасные* 1960-е — на горизонте. Только последнее ли это слово истории? Когда-нибудь узнаем.

ЗДРАВСТВУЙ И ПРОЩАЙ

Евгений Ясин. Новая эпоха — старые тревоги: экономическая политика. М.: Новое издательство, 2004. — (456 с.); **Новая эпоха — старые тревоги: политическая экономика.** М.: Новое издательство, 2004. — (320 с.) (Библиотека фонда «Либеральная миссия».)

Экономист Евгений Ясин на семь лет моложе экономиста Олега Богомолова; его биография складывалась сов-

сем иначе: в советское время он был не либеральным консультантом и научным оппонентом действующей власти, а завлабом. С властью он впервые соприкоснулся в 1989 году, когда на недолгое время вошел в госкомиссию по экономическим реформам. Затем было содействие зарождающемуся бизнесу в рамках Российского союза промышленников и предпринимателей и соавторство, как пишет сам Ясин, в подготовке всех правительственных и неправительственных программ. В 1994-м Ясин вошел в состав правительства, хотя его единомышленники и в известном смысле ученики — Чубайс, Гайдар — давно уже состоялись в политическом качестве. То есть Ясин обрел *государственный* статус в ту самую эпоху последовательного экономического *разгосударствления*, когда эксперты богомоловского направления остро ощутили свою политическую невостребованность (не путать с востребованностью собственно академической; она как раз никуда не делась). При этом есть нечто общее между профессором Ясиным и академиком Богомоловым: как репутации последнего ничуть не повредила работа в советской государственной системе, так и первого

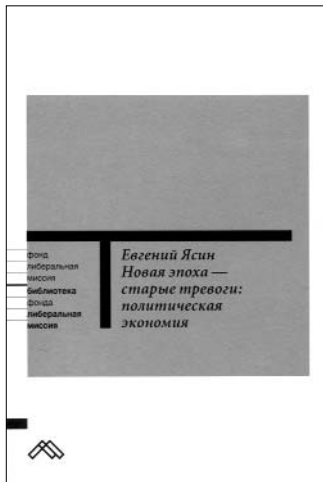
никто не попрекает работой в реформаторском правительстве. Даже самые ярые враги гайдарочубайса. Спорить спорят, но уважать уважают.

Но этим общее исчерпывается; дальше начинаются различия.

Две книги, изданные фондом «Либеральная миссия», составлены из ясинских докладов к ежегодным международным конференциям Государственного университета «Высшая школа экономики», научным руководителем которой Ясин является, а также из публикаций в периодической печати. Тем не менее перед нами не сборник разрозненных статей и выступлений, а, так сказать, дробная монография в двух частях: картина мира у профессора Ясина не менее стройная и внутренне непротиворечивая, чем у академика Богомолова

ва, всякое отдельное высказывание покоится на общих принципах. Просто принципы у них — зеркально противоположны.

Анализируя экономико-политические и политико-экономические процессы после 1998 года, Ясин со все возрастающей тревогой говорит о распространении государственного влияния на те сферы жизни, куда государство следует допускать крайне осторожно. И о следствиях этих тенденций для экономики. Он — при всем критическом отношении к олигархии как системе коррупционного слияния денег с властью — не спешит радоваться крутым разборкам с олигархами (что открыто приветствовал, например, Николай Петраков в своих статьях 2003–2005 годов). Потому что причина бедности лежит в иной плоскости: бедность порождается не избытком средств у крупных капиталистов, а отсутствием самой идеи капитала в национальном самосознании, в национальной культурной мифологии. Это мешает большинству населения принимать верные экономические решения, обращать имеющиеся у него ресурсы в доход, ведет к распылению средств. И как правило — там, где отсутствует культура денег, обожествляется идея

государства: оно, родимое, примет на себя заботу о нас, о нашем благосостоянии, оно заставит богатых поделиться,отрегулирует финансовые потоки, направит их в истинное русло.

Казалось бы, мы начали расставаться с этой идеологией и вырабатывать новую; ан нет, прошлое описало круги, будучи изгнано через дверь, стучится в окно. Если тенденции последних лет обретут системные черты, реальность начнет развиваться не по реалистическому, собственно ясинскому сценарию (без катастроф, но и без роскоши), а по самому пессимистическому. Когда страна будет постепенно, но неуклонно приходить в упадок. Только одна цитата. «Наша традиционалистская культура характеризуется низкой продуктивностью, в значительной мере ориентирована на госу-

дарственный протекционизм и на стимулы, исходящие от власти. Бесконечные сетования последних лет и призывы возобновить эти функции обращены к государству, которое перестало выполнять их в прежнем объеме (просто не могло). Но это плохо, очень плохо. Это значит, что мы не граждане, а подданные и что процесс вылупления первых из вторых еще где-то в начале, если он вообще возможен для поколений, рожденных подданными».

Теперь перечитайте прямо противоположные суждения о том же самом времени, о той же самой эпохе, о той же самой культуре в книжке академика Богомолова. Сравните. И выбирайте. Со всеми вытекающими последствиями. Либо с мучительно незащищенной жизнью свободного человека. Либо с государственным утеплителем для человека несвободного. Потому что кое-какие поправки и в ту и в другую концепцию внести можно. Однако соединить две эти картины мира не удастся. Как бы нас ни убеждали в этом наши монетаристски-патерналистские вожди.

Нация и соседство

Два глагола русского языка отмечают исторический путь нашего народа — *опаздывать* и *бежать*. При кажущейся смысловой связанности они на самом деле описывают различные состояния нашей культуры.

Складывание российского общества и становление российского государства, по крайней мере на протяжении последних трех-четырех столетий, обостряло состояние катастрофической нехватки времени, при котором переживание *отставания* от развитых стран Запада стало не только фактором выживания страны, но и *рациональным обоснованием* буквально всех социальных, экономических и политических программ динамического развития. Закрепившись в сознании и став устойчивой характеристикой унаследования людей, отставание постепенно обрело контуры общей и фатальной «отсталости». А уж отсталость — в качестве фоновой и отчетливо осознаваемой исторической неизбежности — начала диктовать свои «правила игры» как российским правителям, так и ведомому им народу. Отсталость определяла государственные задачи и драматургически принуждала общество к принятию роли жертвы исторически отстающего народа.

Постепенно «отсталость» вошла в норму, обрела институциональный характер и легла тяжелым бременем на коллективные переживания народа. Весь вопрос заключался в рефлексии *степени* отставания. И сколько бы попыток преодоления статуса отстающей страны ни предпринималось, каждый раз они завершались ощущением еще более углубившегося разрыва между нами и всем остальным развитым миром.

В то же время открытое — географическое и социальное — пространство России всегда сохраняло для нашего соотечественника потенциальную возможность для «выхода» из опаздывающего общества. Реформы, конфликты, потрясения, государственные перевороты, внутренние войны — все это заканчивалось в истории страны не солидаристским согласием (примирением), а *исходом* той или иной части населения из официальных пределов социальности (раскол). Проигравшие были лишены возможности оставаться в этом мире, жить в этом обществе. И вопреки всем современным установкам на достижение согласия между крайностями и мирное сосуществование победивших и проигравших в России напоследок оставалась лишь одна социальная перспектива — *бег*. Выбора не было почти никогда —

Александр Согомонов,
академический директор
Центра социологического
образования,
Институт социологии РАН

бежать приходилось практически постоянно. Правда бежали по-разному. Бежали на север и на восток, мигрировали на запад и на юг, прятались в лесах и в горах, а то и просто замыкались в себе, уходили в пьянство и т.п. В каждом таком случае беглецы покидали общество с устойчивым ощущением того, что уходят навсегда, навсегда. И *социальный бег* становился таким образом актом сознательного отказа от участия в опаздывающем развитии общества, а также полным и окончательным уходом из российской истории; причем неважно, кто являлся источником подобного эскапистского решения — один человек или целая социальная группа. Может ли народ, который то опаздывает, то бежит, ощутить себя «нацией»? Способен ли народ, который то опаздывает, то бежит, выработать позитивную солидаристскую идею, которую при определенных условиях можно было бы именовать «национальной идеей»? Ответ, как кажется, очевиден. Вряд ли.

Условия опаздывающего и открытого для побега из социального пространства общества, грубо говоря, неприемлемы для формирования современной нации. Если всегда есть возможность бежать «из общества», то, следовательно, для генезиса нации (равно как и для сугубо современного явления «нация-государство») отсутствует базовое необходимое условие — *социальное принуждение жить обществом**. И в этой логике рассуждений становится ясно, почему все попытки создания** нации в нашей истории заканчивались неудачно. Не раз за последние пять столетий Россия вставала на стезю формирования нации, и каждый раз по тем или иным причинам она все же сходила с этого пути. Словом, и в процессе ста-

новления нации современного типа Россия также извечно отставала от развитых стран, предоставляя возможность — и в этом тоже — нашему соотечественнику *сбежать* из пространства нациогенеза.

Отсюда ощущение постоянного *dijā vu* в публичных обсуждениях смыслов понятия «нация» в российской культуре и значимости «национальной идеи» в ее истории. «Все было встарь...» Но и сегодняшний набат о «национальной идее» ничего нового в эту интеллектуальную (и политическую) проблему не приносит.

Откуда взять идею «нации»? Можно ли «призвать» ее — как некогда призвали варягов — откуда-нибудь извне? Или просто интеллектуально слепить и навязать обществу? Мы вновь задаемся этими вопросами, но уже в то историческое время, когда весь современный мир от старой конструкции «нация» в ее чистом этнополитическом обличии, как кажется, медленно, но уверенно отходит. Обосновано ли наше сегодняшнее обращение к этой теме культурным консерватизмом? Или — «рациональным» желанием коллективного разума реформаторов пройти все ступеньки цивилизационного роста? Похоже, что ни тем и не другим. Складывается впечатление, что мы окончательно опоздали с формированием «нации» в этнокультурном значении, но так и не приступили к формированию «нации» в гражданско-политическом смысле. Нет в условных географических пределах страны ни осознания общности интересов, ни консолидированных символов, ни каких-либо других фундаментальных и солидаристски разделяемых гражданских ценностей. Нет *безусловного* отождествления частного «я» с социальным телом «нации».

* *Избегать гражданских жертв» (в частности, уходить от налогообложения) значит, по сути, убежать от общества. А если по-прежнему сохраняется такая возможность, то нет ни общества, ни принуждения жить обществом. Есть социально одинокий человек и социально пустое государство. И из этой тупиковой — для нашей новой и новейшей истории — ситуации мы до сих пор никак не можем выбраться.*

** *В словосочетании «попытка создания» нет оговорки. Нацию, как уже отмечалось выше, можно создать только искусственно, намеренно. По крайней мере все сегодняшние нации в буквальном смысле были когда-то и кем-то сотворены, созданы искусственным путем. Искусственно выбирался один диалект из множества и на его основе формировался национальный нормативный язык. Искусственно определялась география — территория хождения — той или иной нации. И так далее. В этом смысле «нация» сама по себе из некоего донационального состояния этноса (этносов) не складывается.*

Вернуть «национальную идею». Какую? Араччевскую или времени поздней Российской империи? Ту, которую на первых порах пестовал Сталин, или ту, во что реально вылилась национальная политика большевиков в эпоху позднего социализма? Все это были, как мы теперь понимаем, лишь эрзацы национальной идеи, поскольку на их фундаменте так и не сложилась «нация-государство» современного типа. И в этом смысле все они представляют собой различные модификации одно-

го и того же явления — обоснование лояльности рядового россиянина по отношению к имперскости своего отечества. И поэтому сегодня будет большой политической ошибкой консервация «старорежимного» государственного мышления в отношении таких понятий, как «российское гражданство», «русская нация», «страна Россия». К этому нет ни внутренних, ни внешних предпосылок. Среднестатистическому россиянину по большому счету не жалко ни «лишних» территорий, ни устаревших институтов, ни министерств, ни ведомств. Да и все российское общество в целом, как кажется, не страдает территориальной жадностью*.

А нужна ли при многочисленных жертвах эта вновь обретенная территория? Нужны ли вообще тому, что мы хотим именовать «нацией», человеческие жертвы? Трудно сказать, хотя все очевиднее становится тот факт, что во имя географической «нации» сегодня становится все меньше желающих пожертвовать собственной жизнью. Разумеется, нация без суверенности (и исконно) своей

территории не существует. Нет внутреннего предела (то есть ощущения «коллективного тела») без внешних границ — этот тезис по-прежнему в силе. Но поскольку в российском обществе отсутствует принуждение жить нацией, то и меню предлагаемых

Может ли народ, который то опаздывает, то бежит, ощутить себя «нацией»?

обществу «национальных идей» может быть *ad infinitum u ad libitum* (до бесконечности и по желанию).

Если же так случится, что будет создано «географическое общество РФ», которое вберет в себя всю негативную и позитивную энергетику земельного «пересмотра» и обратит ее в новую доктрину территориально-административного обустройства, основанного на ценностях и принципах подлинного федерализма, то шансы «сохранения» страны в ее нынешнем виде увеличатся. И дело останется лишь за малым — понять, какие новые «мы-солидарности» станут в обновленной стране доминирующими и каким образом они все же принудят общество жить нацией.

Но поскольку Россия все очевиднее становится мультикультурным и мультиэтническим обществом, то начать неизбежно придется с пространства *соседского* взаимодействия людей. Причем под *соседством* в данном случае следует иметь в виду не только срез низовой, горизонтальной солидарности**, а нечто более существенное в куль-

* Единство территории сегодня фактор не самый значимый для генезиса «нового» российского государства, скорее здесь большую силу приобретает коллективное представление о том, что существует своя земля, поскольку есть и не своя земля (хотя и под нашим протекторатом!). Насколько вероятны сейчас «войны за землю» — вопрос сложный. Все упирается, скорее всего, в то, что локальные войны — или преимущественно локальные — не столько связаны с земельной жадностью, сколько с изменившимися глобальными отношениями между «нациями» и составляющими их этносами.

** Традиции бытового «соседства», особенно в городах, были напрочь разрушены в эпоху социализма, причем порой складывается впечатление, что в этом проявилась сознательная воля большевиков, опасавшихся любых форм солидарности людей, в том числе, а, возможно, и прежде всего, на низовом уровне. «Возлюби соседа своего...» — а именно так может быть буквально понята заповедь Христа «*ἀγαπήσεις τὸν πλησίον...*», да еще к тому же «... как самого себя» («...ὡς σεαυτὸν») — в нашем обществе и поныне звучит скорее как издевка, чем формула жизненного кредо.

Хуан Миньос. Беседа – превращение. 1994

турно-антропологическом смысле. Без принципиально «нового» осмысления принципов соседства невозможны ни местное самоуправление, ни даже обновление территориально-административного обустройства всей страны. А это значит, что

гражданин должен научиться отдавать предпочтение тому, что творится вокруг него, и лишь после этого задуматься о существовании вещей дальнего порядка. Состоявшись же в гражданской роли «соседа», не грех приступить к осмыслению и публич-

ному обсуждению *надсоседских конструкций* — ценностей, символов и даже земель, лежащих за пределами локального соседского круга. Это и есть искомая *соседская реформа*, столь необходимая стране для ее дальнейшего движения по пути формирования современного общества и современного государства. Но при этом следует понять, что сегодняшнего россиянина невозможно идеологически принудить жить идеей

нации. С ним придется договариваться по-иному. И, очевидно, для того чтобы достичь солидарности в обществе на основе хотя бы *простого* большинства по фундаментальным вопросам социального общегития, отныне затребовано *естественное* согласие всех.

«Наша территория». Но ведь это же — «наш лагерь». В своей досоциальности мы по-прежнему остаемся в лагерьном — с точки зрения современной концепции общества — состоянии. И если нашу жизнь и впредь моделировать в логике абстрактных и старорежимных «национальных идей», то мы так и останемся в *этом* лагере. Изменить ситуацию способна лишь *соседская реформа**. Ведь даже в таком мегаполисе, как Москва, и то вполне могут сложиться внутригородские соседские коммуны, не говоря уже про страну в целом. А такая соседская реформа станет одновременно и антропологической революцией, поскольку предполагает замену вертикального насилия и принуждения на горизонтальное соучастие, лояльность и терпимость людей друг к другу. Стать другим можно и через соседство, почувствовав себя с другими.

И откуда о реформе горизонтальных отношений идут только лишь благодушные беседы, здравомыслящий россиянин по старинке резервирует для себя запасные пути, в том числе и чтобы смыться, если вдруг по-

*...сегодняшнего россиянина
невозможно идеологически принудить
жить идеей нации*

надобится. Но до тех пор пока мы держим для себя «окна» для социального бега, не быть в России ни обществу, ни своей территории. И то и другое по-прежнему остаются виртуальными фантомами — в обиходе лишь ничем не обеспеченными лексическими оболочками в форме «общественности», «своего дома» и «своей земли».

Но как сделать принуждение жить обществом *легким и естественным*? Вот в чем вопрос. Видимо, для этого необходимо «великое переселение» — географическая мобильность людей в поисках работы, нового жилья, новой оседлости, нового круга общения и т.п. Сдвинувшийся с «мертвой точки» человек и станет наконец россиянином. А пределы, в которых он способен будет свободно и комфортно перемещаться, станут для него границами России — «страной Россия». А пока мы воображаем общество исключительно вертикально, нам сложно мыслить иначе, чем в категориях центр-и-периферия. Обретение же новой российской «земли» пройдет через *освоение* ее ногами граждан, которые свободу и горизонтальную мобильность предпочтут всем благам государственного протекционизма и культурного патернализма.

* Для проведения соседской реформы мы, правда, испытываем большой лексический и понятийный дефицит. Все слова, описывающие горизонтальные отношения между людьми, в русском языке либо иностранного заимствования, либо чрезвычайно архаичны и взяты из устаревшего «общинного» словаря. Такие понятия, как «мир», «управа» или даже «община», отталкивают своим чердачным архаизмом. От «старосты» веет неприятным духом советского времени. Но ведь и с «префектурами» и «муниципалитетами» не так просто свяжнуться!

CONTENTS

To our reader	5
 Seminar	
Problem of Self-Censorship	
<i>Daniil Dondurei</i>	7
Discussion	15
Notes from the Seminar	
<i>Yuri Girenko</i>	23
 Theme of the Issue	
Three Reforms	
Vladimir Ryzhkov	25
On Human Capital	
<i>Dmitri Sukhinenko</i>	33
 XXI century: Challenges and Threats	
CIS-2: Non-Recognized States in the Post-Soviet Space	
<i>Serguei Markedonov</i>	36
National Minorities, Market and Democracy	
<i>Amy Chua</i>	43
The State and Private Interests in the Globalized World	
<i>Claude Goasguen</i>	52
 Concept	
A Choice for Russia: National Modernization	
<i>Report of "Stolypin Centre"</i>	59
 Discussion	
Why Does the President Do That...	
<i>Serguei Moshkin</i>	66
Freedom of Speech and Corporate Ethics	
<i>Aleksander Arkhangelski</i>	70
Mass Media and the Government in Great Britain	
<i>Sir Bernard Ingham</i>	76
 Announcement	
Austrian Renaissance	
<i>William Johnston</i>	83
New Russian Revolution	
<i>Yuri Girenko</i>	85

New Practices and Institutions

Non-Governmental Human Rights Organizations	
<i>Serguei Sergeev</i>	88

An Individual Experience

Andrei Raev: Why Do People Go to School?	95
--	----

Ideas and Notions

Nationalism	
<i>Irina Busygina, Andrei Zakharov</i>	98

Horizons of Understanding

Roads of Russian Democracy	
<i>Andrei Il'nitski</i>	104
Civil Society Is a Brand	
<i>Vladimir Muzharovski</i>	106

Books

History of the GULAG	
<i>Aleksander Sogomonov</i>	109
Regional Book Review	
<i>Elena Korn</i>	
<i>Egor Chizhov</i>	111
Counter-Point	
<i>Aleksander Arkhangelski</i>	115

Nota bene

Nation and Neighbourhood	
<i>Aleksander Sogomonov</i>	119

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

СЕМИНАР

(Ленинградская область, г. Зеленогорск, февраль 2005)

Наши авторы:

Александр Архангельский

Ирина Бусыгина

Сергей Васильев

Анатолий Вишневский

Андрей Захаров

Юрий Левада

Джон Ллойд

Евгений Кожокин

Яап Рамакер

Александр Согомонов

Дмитрий Тренин

Марк Франко

Подписано в печать 23.04.2005.

Формат 70×108/16.

Бумага мелованная.

Гарнитура NewBaskerville.

Усл.-печ. л. 8.

Тираж 1000 экз.

Заказ №

Московская школа политических исследований
121854, ГСП-2, Москва, ул. Большая Никитская, 44-2.

e-mail: msps@co.ru

<http://www.msps.ru>

ЛР № 00972 от 14.02.2000.

Отпечатано с готовых диапозитивов

квитанция кассир	<p><u>АНО "Московская школа политических исследований"</u> (получатель платежа) ИНН 7703153998 КПП 770101001 Сч. № 40703810900001002316 в ОАО "НК Банк" г. Москва БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278</p>
	<p>(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) <u>Подписка на журнал "Общая тетрадь" на 2005 г. (4 выпуска)</u> (наименование платежа) Сумма платежа 600 рублей Дата _____ Подпись плательщика _____</p>
квитанция кассир	<p><u>АНО "Московская школа политических исследований"</u> (получатель платежа) ИНН 7703153998 КПП 770101001 Сч. № 40703810900001002316 в ОАО "НК Банк" г. Москва БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278</p>
	<p>(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) <u>Подписка на журнал "Общая тетрадь" на 2005 г. (4 выпуска)</u> (наименование платежа) Сумма платежа 600 рублей Дата _____ Подпись плательщика _____</p>

Вы можете подписаться на журнал,
заполнив купон и оплатив стоимость подписки или обратившись в редакцию
по тел. 937-76-10, e-mail: lion13@mol.ru
Внимание! Не забудьте указать Ваш почтовый индекс.
Желательно убедиться в получении перевода по указанному номеру телефона.

ISBN 5-93895-069-4

9 785938 950696 >